

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Великий П. П., Лучков Н. А.** Парадоксы репродукции ресурсов жизни села 370
Гусев В. В., Милочихина О. А. Российский инновационный центр «Сколково»: современное развитие и формирование будущих перспектив 378
Елютина М. Э., Болотов Г. И. Освоение повседневности на пенсии: гендерный аспект 383
Княгинина К. И., Хайруллина Ю. Р. Специфика становления человеческого капитала на региональном уровне (на примере Ульяновской области) 387
Дубровина М. С., Чижова В. М., Кром И. Л. Социологический анализ качества жизни детей-сирот в ситуации болезни: показатели качества жизни как основа выбора стратегии реабилитации 391
Мохнаткина К. В. Пространственно-физическая депривация россиян: кластерный анализ 394
Немерюк Е. Е. Современный региональный рынок труда: состояние и специфика функционирования (на примере Саратовской области) 400
Нечаева И. В. Социальное значение малых форм хозяйствования в сельском социуме 405
Покатов Д. В. Социология политической элиты в России: возможности и ограничения предметного поля исследования 410
Узакова С. А., Ивченков С. Г., Симонович Н. Е. Модели и ценности современной семьи: анализ взглядов специалистов семейной сферы 414
Уфимцева Е. И. Социальные практики организации работы с молодежью в Русской православной церкви: опыт Саратовской епархии 419
Шмеркевич А. Б. Типологизация социальных рисков онкологических заболеваний 427

Слово молодым социологам

- Краснов М. М.** Характеристики сельского стиля жизни в России и Колумбии: сопоставление по итогам социологического исследования 431

Политология

- Шестов Н. И.** Мемориальная система современных обществ 435
Головченко А. В. Перспектива либеральных ценностей и институтов в современной России 441
Быков А. Ю. Свобода слова в контексте идеологии: исследование американского опыта 445
Мирзаханов Д. Г. Ислам и политика в Дагестане: попытка реализации «мягкой» стратегии борьбы с терроризмом (2006–2012 гг.) 453
Казakov А. А. Политическая составляющая медийной грамотности 459
Россошанский А. В. Политика vs журналистика: политические стандарты региональной журналистики в канун выборов 467
Эсенбаев А. Э. Президентские выборы в транзитный период политической системы Кыргызстана (2005–2011) 478

Слово молодым политологам

- Тютюнников А. Л.** Унионизм в Молдове: специфика и перспективы 486

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 22.00.00 – социологические науки; 23.00.00 – политология)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.11.17.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 166-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Velikii P. P., Luchkov N. A.** Paradoxes of Reproduction of Resources of the Countryside 370
- Gusev V. V., Miliuchikhina O. A.** The Russian Innovation Center «Skolkovo»: the Modern Development and Future Prospects 378
- Elutina M. E., Bolotov G. I.** The Development of Everyday Life in Retirement: the Gender Aspect 383
- Knyaginina K. I., Khairullina Yu. R.** The Specificity of the Formation of Human Capital at the Regional Level (On the Example of Ulyanovsk Region) 387
- Dubrovina M. S., Chizhova V. M., Krom I. L.** A Sociological Analysis of Quality of Life Orphans in a Situation of Illness: Quality of Life Indicators as the Basis of a Choice of Strategy of Rehabilitation 391
- Mohnatkina K. V.** Spatial and Physical Deprivation of Russians: Cluster Analysis 394
- Nemeryuk E. E.** The Modern Regional Labor Market: Current Status and Specifics of Functioning (On the Example of Saratov Region) 400
- Nechaeva I. V.** The Social Importance of Small Forms of Management in the Rural Society 405
- Pokatov D. V.** The Sociology of the Political Elite in Russia: the Possibilities and Limitations of the Subject Field of the Investigation 410
- Uzakova S. A., Ivchenkov S. G., Simonovich N. E.** Models and Values of the Contemporary Family: Analysis of Views of Specialists of the Family Sphere 414
- Ufimceva E. I.** Social Practices of Working with Young People in the Russian Orthodox Church: the Experience of the Saratov Diocese 419
- Shmerkevich A. B.** Social Risks Typologization of Oncological Diseases 427

A Word to Young Sociological Scientists

- Krasnov M. M.** Characteristics of Rural Lifestyle in Russia and Colombia: Comparison Based on the Results of the Sociological Research 431

Politology

- Shestov N. I.** Memorial System of Modern Societies 435
- Golovchenko A. V.** Prospects of Liberal Values and Institutions in Modern Russia 441
- Bykov A. Yu.** Freedom of Speech in the Context of Ideology: Study of American Experience 445
- Mirzakhonov D. G.** Islam and Politics in Dagestan: an Attempts of Realization of the «Soft» Strategy of Struggle on Terrorism (2006–2012) 453
- Kazakov A. A.** Political Aspect of Media Literacy 459
- Rossoshanskiy A. V.** Policy vs. Journalism: the Political Standards of Regional Journalism on the Eve of Elections 467
- Esenbaev A. E.** Presidential Elections in Transit Period of Political System of Kyrgyzstan (2005–2011) 478

A Word to Young Political Scientists

- Tiutiunnikov A. L.** Unionism in Moldova: Specificity and Prospects 486

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калиникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

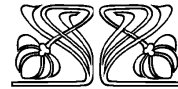
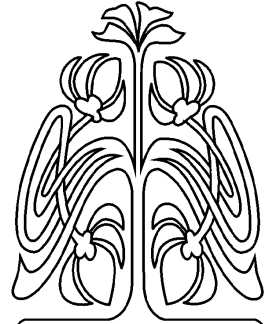
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

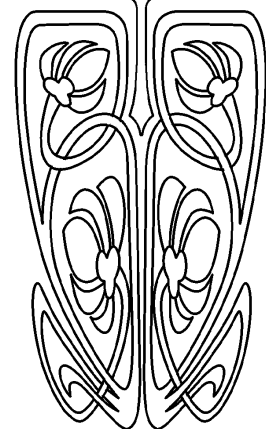
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 16.334.55:314.174

ПАРАДОКСЫ РЕПРОДУКЦИИ РЕСУРСОВ ЖИЗНИ СЕЛА

П. П. Великий, Н. А. Лучков

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, Институт аграрных проблем РАН, Саратов, iagpran@mail.ru

Лучков Николай Андреевич, кандидат социологических наук, профессор кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, luchkovna@mail.ru

В статье рассматриваются сущность парадоксов и проявление их в репродукции основных областей жизни села: составе и качестве аграрных кадров, материально-вещественных ресурсах, соотношении крупных и мелких укладов. На основе материалов социологических исследований выявляются парадоксальные тенденции сосуществования сельскохозяйственных организаций и сельских сообществ, проявляющиеся в неиспользовании ресурсов, которые могли бы взаимно укреплять их. Показано, что смыслообразующие ценности коллективных акторов, действующих в агросфере, смещены на узкопрагматические цели, что способствует возврату во временной динамике к исходной ситуации, без наращивания позитивных тенденций.

Ключевые слова: парадоксы, смысложизненные ценности, агросфера, сельские сообщества, аграрные кадры, циклы, репродукция, ресурсы, уклады.

Paradoxes of Reproduction of Resources of the Countryside

P. P. Velikii, N. A. Luchkov

Peter P. Velikii, ORCID 0000-0001-5104-2153, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, 94, Moskovskaya Str., Saratov, 410012, Russia, iagpran@mail.ru

Nikolai A. Luchkov, ORCID 0000-0001-9669-5158, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya Str., Saratov, 410031, Russia, luchkovna@mail.ru

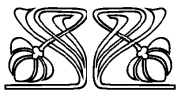
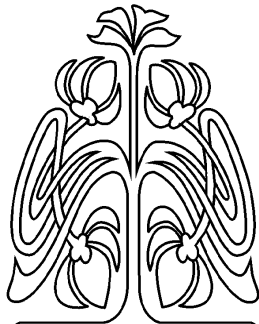
The paper discusses the essence of paradoxes and their manifestations in the reproduction of the main areas of rural life: the composition and quality of agricultural personnel, the material resources and the correlation between large and small forms of agricultural production. Based on the results of sociological surveys, the paper identifies some paradoxical trends of coexistence of agricultural organizations and rural communities manifesting themselves in the non-use of the resources that could have made both of them stronger. It is shown that the meaning-forming values of collective actors in the agricultural sphere are shifted towards narrow-pragmatic goals, which returns them back to the initial situation in the time dynamics, without building up positive trends.

Key words: paradoxes, sense-of-life values, agricultural sphere, rural communities, agricultural personnel, cycles, reproduction, resources, economic forms.

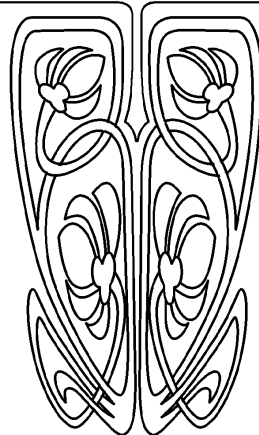
DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-370-377

К ресурсам сельской жизни относятся все составляющие жизнеустройства – от производственной и социальной инфраструктуры, жилья, транспортных магистралей, земельных угодий и до самих жителей.

Парадокс является отражением проявления противоречий в развитии объекта или процесса через полярность его сторон, когда одно состояние переходит в другое – противоположное. В сознании парадоксы выражаются, во-первых, как мнение, расходящееся с об-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

щепринятым, или высказывание, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу. Во-вторых, явление, кажущееся невероятным, потому что очевидно не может быть как-то оправданным с позиции вреда и пользы для общества. В-третьих, это процесс, реализация которого дает результат, прямо противоположный или качественно отличающийся провозглашенным целям¹.

Аграрная сфера в наибольшей степени подчинена цикличности, вызванной природой, задающей определенный ритм и трудовую напряженность. Люди ожидают наступления весны, чтобы посеять семена культурных растений, а осени – чтобы собрать продукт, который дала земля и усердный труд на ней. И так из года в год. Хотя есть и более равномерно нагруженные виды сельской занятости, но в целом повседневность в смыслах и результатах жизнедеятельности вписывается в логику кругов, возврата к ситуациям, каждая из которых может считаться исходной. Завершение очередного сельскохозяйственного года имеет на селе особый смысл, облекающий параметры успехов/неуспехов в объект осмысления тенденций. Тем более важны в этом отношении более длительные круги в 5, 10–20 лет.

Наиболее общее объяснение возникновения парадоксов связано с волновыми процессами, присущими природе и обществу: определенные характеристики то растут до определенного уровня, то снижаются, и эти колебания многократно повторяются. Существует внутреннее единство социальных колебаний с природными, что особенно наглядно демонстрирует агросфера.

Агросфера обладает огромными ресурсами, в репродукции которых участвует много факторов: деятельность человека; способность природной среды восстанавливать себя, возвращаться к нормальному состоянию; влияние глобальных изменений климата на Земле и др.

Так, в XIX – начале XX в. в России был избыток сельского населения, сейчас, в начале XXI в., его стало настолько мало, что в общественном сознании это воспринимается как «опустынивание сельской России». Этот результат сложился под действием многих причин и условий и, хотя

он нежелателен, остановить его, по-видимому, невозможно. Поэтому меняются аграрная технология, структура хозяйствующих субъектов, обустройство территорий транспортными и информационными коммуникациями.

Вопрос, каким возвращается объект к исходной ситуации – улучшенным, более развитым или, наоборот, в состоянии застоя и деградации – в осмыслении его аграрно-сельской социологии не вселяет оптимизма. Достаточно посмотреть на завершение циклов обучения – в сельской школе, аграрных колледжах и вузах. Выпускники школ дружно отправляются в город учиться или трудоустроиться (хотя им трудно рассчитывать на хорошую оплату), а те, кто не устроился, вернутся домой, чтобы «сесть на шею родителям». Руководство сельскохозяйственных организаций, хотя вправе ожидать приезда молодых специалистов, испытывает разочарование, так как их появление и претензии на рабочее место – редкое явление. Между тем аграрные кадры стареют (табл. 1).

В сельском хозяйстве около половины работников старшего возраста имеют начальное профессиональное образование во всех возрастных категориях: 50–54 года – 37,8%; 55–59 лет – 43,8%; 60–64 – 42,6% и старше 48,0%. Среднее общее образование имеет каждый пятый возрастной сотрудник 50–59 лет и лишь 15% работников старше 60 лет. Среднее профессиональное образование получили около трети работников в возрасте 60–64 лет. Около 20% 55–59-летних респондентов имеют диплом техникума, не получили специальной профессиональной подготовки для нынешней работы примерно одинаковое количество респондентов во всех возрастных категориях (70–75%). Они считают, что для работы, которую выполняют сейчас, уровня их образования вполне достаточно, и эта оценка свидетельствует о степени развитости техники и технологии в АПК.

Особое влияние на жизнедеятельность сельских жителей оказывает поселенческая структура села, которая включает села крупные, средние, мелкие и мельчайшие (в том числе и без населения).

Таблица 1

Численность занятых в сельском хозяйстве по возрастным группам²

Годы	Всего, тыс. чел.	В том числе в возрасте, лет		
		до 30	30–49	старше 50
2002	6339	1264	3567	1508
2004	5663	1161	3119	1383
2006	5673	1126	2918	1629
2008	5445	1030	2736	1679
2010	5410	1174	2534	1702
2012	5123	984	2261	1878
2013	4880	961	2093	1827

Согласно данным государственной статистики, в 90,1 тыс. поселений людностью от 1 до 500 человек проживают около 10 млн чел., от 501 до 1000 чел. – 15 млн³. Большинство из них существует без работодателя. Не находятся они и в центре внимания местных органов власти по обеспечению хотя бы минимума социальных благ. Только в поселениях, где проживают от 1001 человека и выше, согласно нормативам, которыми руководствуются региональные власти, должны быть дошкольные учреждения, школа, храм, участковый инспектор.

Начиная с поселений численностью от 501 до 1000 жителей, положено меньше благ: лишь клуб, библиотека, центр бытовых услуг, водопровод, баня. Что касается деревень численностью от 1 до 500 жителей (более 90 тыс. поселений), то перечень социальных благ ограничивается дорогой, центром оказания бытовых услуг и кладбищем. Между тем в них живут 10 млн чел., которым институционально отказано в социальных благах, доступных жителям других типов поселений. Сложившаяся сельскохозяйственная структура во многом определяет и невысокую занятость жителей сельскохозяйственным трудом в его общественно организованных формах во всех типах поселения.

Новосибирские социологи под руководством Т. И. Заславской, применяя системный подход к изучению деревни, оценивали их потенциал с позиции урбанизированности, справедливо полагая, что степень насыщения элементами, присущими городской сфере, свидетельствует о развитости поселения, способности его производственных и социальных структур выполнять внешние и внутренние функции⁴. Прошедшее время после данного аналитического опыта, особенно последние 25 лет (годы реализации аграрной реформы), изменили поселенческую реальность коренным образом, и сегодня села стали различаться не уровнем урбанизации, а по элементарному показателю – наличию или отсутствию работодателя.

По существу, сельские поселения именно по указанному признаку разделились на относительно медленно и ускоренно исчезающие с территории сельской России. Современные крупхозы базируются в селах, бывших центральных усадьбах колхозов, где еще остались и могут быть использованы производственные здания и другие сооружения. Жизнь в селах без работодателя обрекает их обитателей кормиться со своего огорода, стать трудовыми отходниками либо переехать в другие места (последнее трудно осуществить, поскольку откладывать, копить нужные финансовые ресурсы здесь весьма сложно). Определенная часть сельских жителей активного трудового возраста работает в областном центре и производствах, находящихся за его пределами, но тоже удаленных от места жительства, и становятся отходниками⁵. Так, поголовное описание

занятости сельских жителей трех муниципальных районов Татарстана (2004–2014 гг.) выявило следующую картину: в крупхозах 26 населенных пунктов заняты от 1 до 16% трудоспособных, в 16 – от 17 до 30%, в 8 – от 30 до 42%. Одновременно в формате трудового отходничества в 9 селах участвуют от 3 до 10% (в основном мужчин молодых возрастов), в 10 – от 10 до 20%, в 22 – от 20 до 45%. А в 11 селах отходниками являются от 45 до 90% трудоспособных жителей⁶.

Такова ситуация с воспроизводством аграрных кадров и местом их проживания. Не меньше проблем с репродукцией почвы – незаменимым элементом агросферы, чтобы обеспечивать производство пищи и сырья для промышленных целей. Главная проблема здесь – истощение почвы. По данным специальных исследований, для нормального развития растений требуется около 15 микроэлементов, но при нынешнем уровне истощения почвы растения получают их 5–6, в то время как для здорового питания организм человека должен получать до 50⁷. Если взять рубежом цикла весну, то исходная ситуация для получения хорошего полноценного продукта полей всякий раз оказывается хуже предыдущей, потому что за счет ветров и водостоков выносятся тысячи тонн природной почвы. Выводятся микроэлементы и через скошенные растения, которые вывозятся с полей и распространяются потом так, что полезные вещества на поля не возвращаются. То же самое происходит на площадях, где выращиваются корма для животноводства, поэтому мясомолочная продукция бедна нужными для человека микроэлементами. За счет внесения удобрений, а это в основном калий, азот и фосфор, лишь частично происходит восстановление всей цепочки взаимодействия аграриев и природной среды. К тому же минеральных удобрений в 2014 г. было внесено на 1 га 40 кг, что в два раза меньше, чем в практике советских колхозов (1990 г.), в 10 раз – относительно норм, сложившихся в сельском хозяйстве западных стран⁸.

Слабым является техническое оснащение сельского хозяйства. По сравнению с 1990 г., в 5 раз меньше осталось тракторов, в 6 раз – зерноуборочных комбайнов, в 13 раз – дождевальных и поливальных машин и установок⁹. Хотя сельскохозяйственные организации и фермеры в основном справляются со всем циклом полевых работ, но это связано, во-первых, с тем, что площадь пашен уменьшилась (40 млн га пустуют), во-вторых, резко сократилось животноводство.

Отмеченные факты обязывают рассматривать социокультурные процессы не с позиции развития, достижения отдельных успехов в агросфере, а в контексте объяснения причин отката назад, в прошлое многих краеугольных опор сельской жизни. Мы исходим из того, что социальная структура сельского населения, по срав-

нению с горожанами, относительно однородна, в ней мизерна доля богатых, зато подавляющая часть имеет средний и низший уровень жизни и потому может рассматриваться в терминах гомеостатической системной репродукции. Мы ее используем лишь в той части, которая позволяет обнаружить воздействие каузальных витков, возникающих на основе непреднамеренных действий индивидуальных и коллективных акторов, что возвращает структуру в исходную ситуацию¹⁰. Этот возврат может задаваться либо угасанием какого-то важного для развития элемента, происходящего в силу того, что изменяется смысл восприятия населением деловой жизни или внесением управлением кардинальных перемен в общественные и экономические отношения. В жизни села нашли место для реализации оба эти витка.

Главная особенность каузальных витков заключается в том, что происходит повторяемость уже бывших ранее отношений и состояний, характерных для исходной ситуации, позитивных или негативных. Этот возврат определяется многими факторами, которые можно разделить на непреодолимые и почти неподдающиеся смягчению, непреодолимые, но доступные смягчению или нейтрализации их отрицательного эффекта. К первым относятся удаленность и отсутствие транспортных средств (магистралей, наземного и воздушного транспорта) для делового и культурного общения с крупными поселениями, природные условия для ведения сельскохозяйственного производства (песчаные территории, отсутствие мелиорации). Ко вторым можно отнести строй экономических отношений, отсутствие целей в аграрной политике, которые были бы направлены на реализацию потенциала слабых, неконкурентоспособных субъектов сельской жизни. В результате на обочине социально-экономической жизни остается подавляющая часть сельского населения, ресурсы конкурентоспособности которого очень малы, так как они лишены рабочих мест в сельскохозяйственных организациях современных укладов¹¹. Сюда же можно отнести наивную веру каждого входящего в жизнь поколения, что подлинная, счастливая жизнь находится там, где «музыка и огни»¹², т. е. в городе, как образно можно это представить в смыслах жителей отдаленных, заброшенных поселений.

АПК в своем первоначальном смысле, означавшем комплекс сфер: *аграрную* (работа на земле), *промышленную* (заводы, производящие промышленную технику) и *переработки* продукции, в современной модели распался на независимые, «безразличные» к друг другу блоки. Мечтой менеджмента крупхозов и фермеров является приобретение техники иностранного производства, с качеством и производительностью которой отечественные тракторы и комбайны пока сравниться не могут. Однако техника ино-

странного производства стоит очень дорого и доступна только успешным фермерам и крупхозам.

Новым явлением в процессе индустриализации сельского хозяйства стало распространение агрохолдингов. Агрохолдинги – это интегрированные корпорации, действующие на рынке продовольствия. Цель их создания – стремление к усилению рыночной власти, получение технологических выгод от объединения, снижения риска, ослабление административного давления властных структур, формирование полного цикла «производство – переработка – продажа»¹³. Если у самостоятельных (не вошедших в холдинг) хозяйственных организаций и фермеров еще сохраняются некоторые черты взаимодействия с членами местных сообществ, схожие с социальной ответственностью, присущей советским колхозам, которая на фоне безразличия к социальным вопросам руководителей современных коллективных хозяйств представляется высокой, то в агрохолдингах обмен ресурсами осуществляется исключительно по нормам рыночной эквивалентности¹⁴. Российские практики подтверждают справедливость утверждений об эффективности технологической стороны функционирования агрохолдингов, однако о человекосоразмерности отношений в них говорить рано. Тотальная концентрация аграрного производства, корпоративный бюрократизм и дисциплина, присущая конкурентной индустрии, ставят под вопрос смысл личных инициатив на селе, достижение индивидом высоких показателей в труде, солидарности и сплоченности.

В странах Запада этот перекокс уравнивается институтом фермерства, который активно поддерживается государством, ориентирующемся не только на экономическую, но в не меньшей степени на социальную составляющую. Причем не только через институт фермерства, но по модели «Малое прекрасно»¹⁵.

Если рассмотреть большую глубину ретроспективы, то можно обнаружить, что произошел возврат к некоторым устоям частного существования крестьянского двора, характерного для XIX и начала XX в. Это, в первую очередь, относится к наиболее активной части сельских сообществ («креативному классу»), которые, оказавшись вне общественных форм организации труда, стали выживать за счет достаточно крупного семейного хозяйства, сделали его товарным, поскольку производят больше, чем требуется для собственного потребления. Официальными фермерами они не хотят становиться, чтобы избежать воздействий государства, которые сопровождают институт фермерства, хотя и им приходится нести определенное налоговое бремя. При этом реанимируются не только типичные крестьянские виды труда: полеводство, огородничество и животноводство, но и редкие, такие как пчеловодство, промыслы, извоз и другие, которые по экономической эффективности

нередко превосходят традиционное хозяйствование на земле и на ферме. Хотя техническое оснащение труда меняется, но вряд ли такая автономная семья и ее глава вышли из модели «надежды на себя, на свои силы, здоровье».

Отметим, что за время реализации идей аграрной реформы многие проявления жизнедеятельности постколхозного крестьянства приобретали парадоксальное значение. Например, тех, кто воспользовался кредитами для организации фермерского хозяйства, предоставленными государством им на очень выгодных условиях. Суть такова: многие приобрели сельскохозяйственную технику, но затем, не начав хозяйствовать, ее продали, а вырученные деньги употребили на другие цели (в том числе приобрели легковые автомобили), что вызвало в обществе немало споров о причине происходящего. Рассматривая сегодня этот феномен через понятие «смысл», невольно оправдываешь поведение несостоявшихся фермеров, ведь они, оценив свои ресурсы и бесчисленные преграды (невозможность получить свой пай в натуре, приобрести в собственность землю, сложность хранения продукции и т. п.), пришли к выводу о бессмысленности своего первого шага, ибо первоначальное самонагружение его позитивными надеждами оказалось выше их сил, телесных и духовных. То есть смысл содержится в себе, помимо ориентирующего начала, еще и проявление себя как некоего результата, «продукта обстоятельств». Не исключено, что на этапе челночной торговли и бартера именно легковой автомобиль в смыслах несостоявшегося фермера представлял большую ценность, чем комбайн или трактор. Поэтому заслуживает внимания разграничение уровней смысла относительно масштабов пространства и динамических свойств объекта осмысления. В одном случае смысл сближается со смысложизненными ценностями, выступает как относительно устойчивые во времени идентичности, не изменяющиеся кардинально даже при встрече субъекта с негативно оцениваемыми им ситуациями. В другом – при доступности выбирать варианты поведения смысл ограничивается дифференциацией актуальности и возможности. В смысле этого уровня регистрируются условия собственных возможностей и способностей достичь того, что актуально, и границы возможных результатов. Этот уровень смысла относительно подвижен, что отражено в народной поговорке «На безрыбье и рак рыба», т. е. желаемую вещь приходится заменять другой, зачастую с худшими качествами или не соответствующей культуре.

Итак, то, что в длящемся или моментальном ритме жизни становится бессмыслицей, подталкивает индивида к поиску другого варианта действий на основе сопоставления своих возможностей с условиями, позитивно и негативно оцениваемыми им, т. е. к новому смыслу.

Особенно ярко тенденция возврата к исходной ситуации рубежных состояний рыночной реальности через устойчивые модели смыслов проявляется и в репродуктивном процессе на селе. Не одно поколение сельской молодежи нашей страны испытывалось на прочность привязанности к селу. С одной стороны, удерживала ответственность за родителей, которые, старея, могли рассчитывать в основном на помощь детей, поскольку пенсионное обеспечение появилось на селе немного позднее, чем в городах. С другой, существовала система стимулирования «возвращенцев» на село: молодых сельян, пожелавших учиться сельским профессиям, поддерживали колхозной стипендией, для них директивно устанавливались лимиты приема в различные, в том числе столичные вузы.

Выпускники сельских школ последнего двадцатилетия, поголовно стремящиеся в вузы и колледжи, не исключают для себя занятости на рабочих должностях (показатели с 1994 по 2014 г. устойчиво держатся на уровне 76,3–89,0%), но только в том случае, если это будет в городе. Однако произошла перемена по данному показателю и в пользу села: в 1997 г. по сравнению с 1994 г. рост на 7 п.п., в 2014 г. по сравнению с 2004 – на 6 п.п.¹⁶

Понятно, что эти цифры отражают лишь ценностные ориентиры. Зато другая цифра – о намерении остаться в своем селе (2,5%) или уехать в город (97,5%) – является ориентиром ближайшего поведения. Причем это связывается исключительно с продолжением учебы (97,0% юношей и 97,9% девушек).

Не случайно и то, что знание учащихся выпускных классов о реальной структуре рабочих мест в своем селе за весь период наблюдения ограничился таким перечнем, как уборщица в школе и магазине, продавец. К 2014 г. прибавили работу пастуха. Это те виды занятости, о которых говорят родители, и сами они их наблюдают. В селах, где опрашивались школьники, есть и фермеры, но потребность их в кадрах – тема совершенно «закрытая» для детей и подростков.

Это свидетельствует о несовпадении полей социально-демографического понятия «сельская молодежь» и реальной группой, которая остается действительно сельской, пока обучается в школе. При этом она и в годы обучения по смысложизненным ценностям с большой натяжкой может быть отнесена к сельской молодежи. Дальнейшие жизненные дороги все больше отдаляют ее от села. Это реальность, особенно четко отраженная в начале XXI в.

Следующий виток возврата процесса воспроизводства к исходной ситуации сельской реальности связан с невозвращением сельской молодежи в село в качестве образованных, профессионально подготовленных кадров. Он обусловлен следующим: во-первых, низким уровнем ресурсов семьи, чтобы обеспечить финансами

обучение детей в престижных высших учебных заведениях, и слабой подготовкой самих выпускников сельских школ, чтобы получить проходные баллы. Поэтому основным местом обучения выступает аграрный вуз, в который поступить легче и плата за обучение, поскольку учиться приходится на коммерческой основе, более низкая, чем в других вузах. Престиж высшего образования в сельских сообществах высокий, и оно становится самоцелью безотносительно от того, придется ли работать по специальности. Опрос студентов Саратовского аграрного университета (351 опрошенный из около половины специальностей и направлений) показал, что 48% их уже при поступлении в вуз не планировали работать в селе и не изменят своего решения ни при каких условиях. Эта цифра не изменилась при опросе выпускников; в селе в течение 2009–2011 гг. ежегодно устраивались около 12% выпускников¹⁷.

Во-вторых, структура хозяйственных организаций новых укладов, заменивших колхозы, отторгает специалистов. С одной стороны, из-за специализации: если нет в хозяйствах животноводства (а в подавляющем числе хозяйств оно как раз и отсутствует), то нет и не может быть соответствующей штатной единицы. Поэтому между числом выпущенных специалистов по ветеринарии и их трудоустройством существует вопиющее несоответствие. Саратовский аграрный университет в 2011 г. выпустил 353 ветеринара, трудоустроено четверо; в 2012 г. – из 88 столько же; в 2013 из 81 обученного не трудоустроен ни один человек.

С другой стороны, плохо решается вопрос с жильем для молодых специалистов. Так, в 2011 г. в расчете на один регион страны лишь 64 семьи получили поддержку государства на улучшение своих жилищных условий. Там, где выпускника

аграрного вуза все же принимают на работу, ему назначают зарплату ниже, чем рядовому механизатору. Так, средняя зарплата молодых специалистов по 37 субъектам РФ составляла: в 2009 г. – 7,6 тыс. руб., в 2010 г. – 8,8 тыс. руб., в 2011 г. – 10,2 тыс. руб.

Таким образом, не только стимулирование отдельной группы на переезд в деревню, но улучшение общей обстановки – наличие рабочего места, достойная оплата труда, обеспеченность жильем и прочими социальными благами – может действительно изменить ситуацию и с пополнением кадров специалистов (табл. 2).

Подход к селу и к аграрной экономике в духе либеральной идеологии сменил акценты: ответственность сообществ и отдельных индивидов за состояние дел в производстве перестала быть значимой ценностью, заслуживающей поддержки властей. Соответственно, и сельские жители ответили на это равнодушием («У нас в Галкинском пустовало 7000 га. Говорю: ребята, давайте поднимем. Тишина. Охотников нет. И не будет»). Во многом это – следствие разрушения типичного сельского образа жизни.

Таким образом, парадокс смыслов на селе вытягивает на поверхность сущностные черты сельской жизни в их реальном состоянии, по весьма широкому кругу проблем и противоречий. Основным блокатером развития выступает разбалансированность производственной и социальной сфер, что прочно закрепилось в смыслах всех категорий сельских жителей. Именно она задает каузальные витки возврата многих к исходной ситуации (рисунок).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что тенденции разрушительного характера в сельской России преобладают над созидательными. Это не учитывается в аграр-

Таблица 2

С какими трудностями встречается в настоящее время молодой специалист, изъявивший желание работать в селе? (% от числа опрошенных)

Трудности при трудоустройстве	Мужчины	Женщины	Среднее значение по выборке
Предложат должность с низкой зарплатой	53,9	61,5	57,8
Не будет хорошего жилья	35,3	29,3	31,8
Не окажется должности по специальности	29,4	35,0	32,6
Необходимость ведения ЛПХ	20,6	8,5	14,2
Не будет условий для карьерного роста	33,7	26,5	30,0
Неразвитость системы образования, здравоохранения, учреждений культуры и дорог	23,5	26,5	25,2

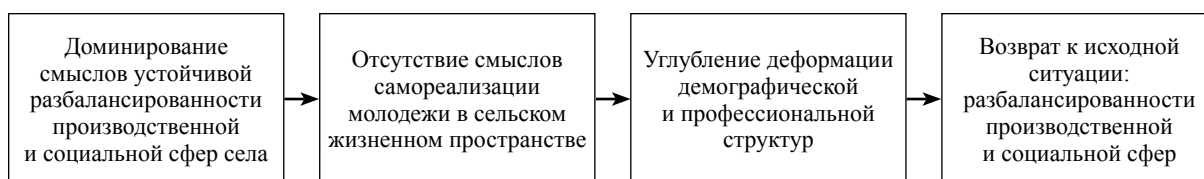

Схема возврата сельской реальности к исходной ситуации

ной политике. Единственный позитивный показатель, как это наблюдается в связи с хорошим урожаем зерновых в 2016 г., воспринимается органами управления, ответственными за село, как большой успех всего сельского хозяйства, предзаданный и в будущем.

В настоящее время большие надежды аграрии возлагают на Федеральную целевую программу «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». Однако опыт выполнения предыдущей целевой программы социального развития села показал, что объем финансирования был выполнен на 38,4% (с учетом региональных источников на 51,0%). Отсюда вывод: ни сократить миграцию сельских жителей по оттоку, ни закрепить на селе молодых квалифицированных специалистов становится невозможным¹⁸.

Можно было бы привести еще множество фактов, свидетельствующих, что как на малых кругах, или ежегодных рубежах, так и за 15-летний цикл, имеет место возврат к исходной ситуации не только без прироста позитивных свойств и качеств агросферы, но и при утрате многих из них¹⁹.

В социологических и экономических публикациях приведен «монблан» фактов разбалансированности процессов репродукции в агросфере (Л. В. Бондаренко, З. И. Калугина, В. П. Данилов, В. Г. Виноградский, В. И. Староверов, О. П. Фадеева, Ж. Т. Тощенко и другие авторы, исследовавшие экономические, политические и социокультурные предпосылки сложившихся тенденций).

Особенно сложным является осмысление роли в этом влияния долговременных, идущих из прошлого и зарождающихся тенденций самодвижения аграрной сферы. Например, было бы прожектерством восстановление поселенческой сети в ее самом слабом месте – мелких деревнях: с уходом стариков из жизни, как правило, пустеют их дома и усадьбы. Однако сохранение построек в них было бы целесообразно, чтобы выполнять роль временного базирования работников и техники во время сева и уборки. Ведь уменьшение сел, сосредоточение всей техники и инфраструктуры обслуживания только в крупных поселениях будет удорожать поездки к отдаленным земельным угодьям.

На примере захвата территорий регионов агрохолдингами видно, что в системе противоречий ведущая роль сегодня перешла именно к крупным формам. Однако абсолютное предпочтение одной противоположной тенденции – это не что иное, как усиление парадоксов в агросфере, поскольку абсолютизация одной из сторон ведет к антагонизму и, следовательно, к разрушению структуры не одного хозяйствования, а всего социального пространства сельских территорий: отсутствие воспроизводства социальных и профессиональных групп, снижение рождае-

мости, наступление времени бессмысленности пребывания и жительства в сельской местности.

Схожий эффект парадоксальности проявляется в несбалансированности форм, допускающих коллективность, например, кооперативов разной специализации и акторов автономного хозяйствования, сельских подворий.

Таким образом, введение временного параметра в осмысление успехов и упущений – настоятельная потребность науки и практики управления. Адекватное понимание того, куда может завести село следование укоренившимся парадоксам, должно способствовать принятию упреждающих мер, чтобы между противоположными тенденциями сохранились границы меры.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-03-00084).

Примечания

- 1 См.: Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М. : Новый хонограф, 2011. С. 17.
- 2 См.: Труд и занятость в России. 2003 : стат. сб. М. : Росстат, 2003. С. 78–79 ; Труд и занятость в России. 2004 : стат. сб. М. : Росстат, 2004. С. 78–79 ; Труд и занятость в России. 2006 : стат. сб. М. : Росстат, 2006. С. 81–82 ; Труд и занятость в России. 2008. : стат. сб. М. : Росстат, 2008. С. 78–80 ; Труд и занятость в России. 2011 : стат. сб. М. : Росстат, 2011. С. 77–78 ; Труд и занятость в России. 2013 : стат. сб. М. : Росстат, 2013. С. 92–93 ; Экономическая активность населения России. 2014. С. 30. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 20.09.2017).
- 3 См.: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.01.2017).
- 4 См.: Методология и методика системного изучения советской деревни / под ред. Т. И. Заславской, Р. В. Рывковой. Новосибирск : Наука, 1980.
- 5 См.: Великий П. П., Бочарова Е. В. Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 30–37.
- 6 Данные взяты из архива Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН Республики Татарстан.
- 7 См.: Экологический вызов и культура поведения в природной среде социума региона / под ред. П. П. Великового. Саратов : Саратовский источник, 2013. С. 28.
- 8 См.: Материально-техническая база сельскохозяйственных организаций // Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. URL: http://www.gks.ru/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/ (дата обращения: 10.04.2016).
- 9 Там же.
- 10 См.: Giddens A. Central Problems in Social Theory : Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Houndmills a.o., 1979. P. 78.

- ¹¹ Например, в такой области, как Тюменская, из 25% населения, живущего в сельской местности, только 8,8% заняты в сельском хозяйстве (См.: *Конев Ю. М., Белоножко М. Л., Барбаков О. М.* Социальные настроения сельских жителей юга Тюменской области // Социс. 2016. № 3. С. 82–87). В Саратовской области 38,8% хозяйств (крупхозов) насчитывают от 60 до 100 работников, в 20% среднегодовая численность – 28 человек. Более крупные хозяйства (от 220 до 260 работников) составляют всего 5,7% от общего числа. Фермеры обходятся 10–15 наемными работниками или хозяйствуют своей семьей (См.: *Великий П. П.* Российское село. Процессы постсоветской трансформации. Саратов : Научная книга, 2012).
- ¹² См.: *Нагибин Ю. М.* Вдали музыка и огни. М. : Современник, 1989.
- ¹³ См.: *Эмануэль И. В.* Роль вертикально интегрированных структур в обеспечении продовольственной безопасности России. Саратов : ИАГП РАН, 2011. С. 18, 19, 21.
- ¹⁴ Яркий нарратив (высказывание менеджера агрохолдинга) по данному «сюжету» приводит О. П. Фадеева: «Если взять в среднем ... данные по предприятиям в Воронежской области, то получается (нагрузка. – П. В.) 1500 человек на 75000 га пашни. Выходит 20 работников на 1000 га. ... А бывает мы берем себе маленький колхоз, где пашня 2000 га, а там заняты 100 человек – получается 50 работников на 1000 га. ... Но просто взять и напололам сократить мы не можем. Это делается постепенно – в лучшем случае в течение года» (*Фадеева О. П.* «Дело было в Пенькове» : как агрохолдинги завоевывают сельские районы Сибири // Крестьяноведение : Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10 / под ред. А. М. Никулина, М. Т. Пугачевой, Т. Шанина. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 214).
- ¹⁵ См.: *Шумахер Э. В.* Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / пер. с англ. и примеч. Д. О. Аронсона ; НИУ ВШЭ. М. : ИД ВШЭ, 2012.
- ¹⁶ Исследование жизненных планов выпускников сельских школ выполнялось с 1994 г. не одним поколением аспирантов-социологов. Ежегодно опрашиваются 60–80 человек. Результаты обобщены в публикациях: *Михеев П. А.* Динамика жизненных ценностей сельской молодежи // Социс. 2005. № 1. С. 91–94 ; *Великий П. П., Дакирова С. Т.* Между городом и селом : смысло-жизненный вектор выбора жизненного пути сельской молодежью // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем : материалы Всерос. школы молодых ученых. Саратов : Изд-во ИАГП РАН, 2014. С. 103.
- ¹⁷ Использованы данные социологических исследований по 22 аграрным вузам: *Глебов И. П., Черненко Е. В.* Воспроизводство человеческого капитала в агроэкономике. Саратов : СГАУ, 2015. С. 40.
- ¹⁸ См.: *Мельниченко В., фермер.* Сила в доверии // АиФ. 2016. № 38. С. 17.
- ¹⁹ См.: *Бондаренко Л. В.* Развитие сельских территорий России : оценки, мнения, ожидания // Социс. 2016. № 3. С. 77.

Образец для цитирования:

Великий П. П., Лучков Н. А. Парадоксы репродукции ресурсов жизни села // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 370–377. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-370-377.

Cite this article as:

Velikii P. P., Luchkov N. A. Paradoxes of Reproduction of Resources of the Countryside. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 370–377 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-370-377.

УДК 316:330:001.89

РОССИЙСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР «СКОЛКОВО»: СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩИХ ПЕРСПЕКТИВ

В. В. Гусев, О. А. Милучихина

Гусев Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, vladgus2006@yandex.ru

Милучихина Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, reschenko@mail.ru

В статье анализируется современное развитие Инновационного центра и Фонда «Сколково», исследуются механизмы взаимодействия с другими инновационными акторами РФ, риски и проблемы, возникающие при осуществлении инновационной деятельности Центра.

Ключевые слова: инновации, инвестиции, резиденты, кластеры, бизнес-ангелы, технологический прогресс.

The Russian Innovation Center «Skolkovo»: the Modern Development and Future Prospects

V. V. Gusev, O. A. Miliuchikhina

Vladimir V. Gusev, ORCID 0000-0002-6634-1663, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya Str., Saratov, 410031, Russia, vladgus2006@yandex.ru

Olga A. Miliuchikhina, ORCID 0000-0002-7165-9270, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya Str., Saratov, 410031, Russia, reschenko@mail.ru

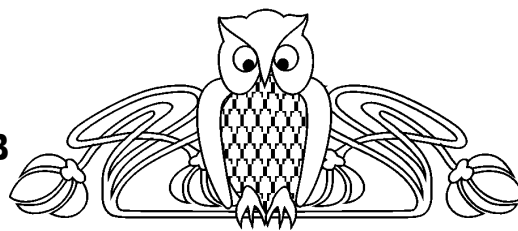
This article analyzes the current development of the Innovation center and Fund «Skolkovo», mechanisms of interaction with other innovation actors of the Russian Federation, the risks and problems encountered in the implementation of innovation center.

Key words: innovations, investments, residents, clusters, business angels, technological progress.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-378-382

Повышение эффективности функционирования институтов развития является важной задачей, стоящей перед Российской Федерацией в настоящий момент. Поэтому вопрос об особенностях функционирования и совершенствовании деятельности Инновационного центра (инноцентра) «Сколково» представляется чрезвычайно актуальным.

Инноцентр «Сколково» – одно из наиболее амбициозных начинаний в сфере перевода российской экономики на инновационный путь раз-

вития, в начале 2010-х гг. данный проект часто называли «Российской кремниевой долиной». Сам центр располагается в Можайском районе Западного административного округа г. Москвы, вблизи МКАД, он получил название одноименного сельского поселения, рядом с которым расположен. После запуска инноцентра на проектную мощность, который случится к 2020 г., на территории площадью примерно 400 га в Можайском районе «новой» Москвы будут постоянно проживать около 15 тыс. чел., еще 7 тыс. будут ежедневно приезжать в инновационный центр на работу. По сути, «Сколково» представляет собой первый наукоград современной России, строящийся практически с нуля, «в чистом поле», с участием государственных и частных инвесторов. Под общим названием «Сколково» объединены сам Инноцентр, Фонд, Открытый университет, городское поселение с элементами производственной и рыночной инфраструктуры.

В настоящий момент деятельность Инновационного центра «Сколково» достаточно неоднозначно оценивается со стороны общественного дискурса, экономистов, экспертного сообщества. С одной стороны, важно отметить несомненные успехи в направлении формирования полноценной инновационной экосистемы, интересной не только для российских предприятий, но и для зарубежных партнеров. С другой стороны, существует мнение об имитационной деятельности инновационного центра, отсутствии проектов необходимого количества и качества, способных дать толчок инновационному развитию. В данной статье будет осуществлена попытка проанализировать деятельность Инновационного центра «Сколково», обозначить его достижения, а также недостатки текущей деятельности, вызывающие повсеместную, и довольно часто обоснованную, критику.

Деятельность Инноцентра «Сколково» осуществляется в целях развития исследований, разработок и коммерциализации их результатов. Проект его создания реализуется Фондом «Сколково» (полное название – Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий). Процессы создания и оперативная деятельность регламентируются Федеральным законом «Об инновационном центре «Сколково» от 28.09.2010 г. № 244-ФЗ, с изменениями от 29.12.2016 г. № 467-ФЗ¹.

Миссия Фонда «Сколково» – формирование благоприятных условий для инновационно-

го процесса: ученые, конструкторы, инженеры и бизнесмены совместно с участниками образовательных проектов, вузовского сообщества работают над созданием конкурентоспособных наукоемких разработок мирового уровня. Ожидаемый результат данных федеральных инициатив – самоуправляющаяся и саморазвивающаяся экосистема, благоприятная для развития предпринимательства и исследований, способствующая созданию компаний, успешных на глобальном рынке. Экосистема «Сколково» нацелена на поддержку функционирования всех этапов создания инновационного продукта от зарождения идеи до размещения на рынках капитала.

В настоящее время в рамках выполнения задачи формирования и развития инновационной экосистемы Фонд координирует деятель-

ность по поддержке проектов с институтами развития Российской Федерации, участвует в формировании перспективных тематик исследований и разработок, реализуемых в рамках программ Министерства образования и науки РФ и Министерства промышленности и торговли РФ, включается в деятельность рабочих групп проекта Национальной технологической инициативы.

Согласно годовому отчету Фонда «Сколково» за 2016 г.², несмотря на достаточно неблагоприятную макроэкономическую ситуацию, экономические и технологические санкции против Российской Федерации, в 2015 г. по основным ключевым показателям развития наблюдается превышение фактических показателей над плановыми (таблица).

Выполнение ключевых показателей эффективности подпрограммы «Создание и развитие Инновационного центра «Сколково»»

Показатель	2015, план	2015, факт	2015, факт к плану
Число заявок на регистрацию интеллектуальной собственности, созданных в «Сколково», шт.	225	826	в 3,7 раза
Объем частных инвестиций, привлеченных в «Сколково», млрд руб.	12	14,8	123,3%
Выручка участников «Сколково», полученная от результатов исследовательской деятельности (накопленным итогом), млрд руб.	10	80,5	в 8,0 раз
Интегральный вклад проекта «Сколково» в экономику РФ (накопленным итогом), млрд руб.	20	29,5	147,5%

По данным годового отчета, общее количество резидентов Фонда по итогам 2016 г. – 1432 организации (из них кластер биомедицинских технологий – 287, информационных технологий – 450, космических технологий и телекоммуникаций – 170, энергоэффективных технологий – 334, ядерных технологий и новых промышленных материалов – 191). Общая выручка стартапов за 2011–2015 гг. составила 80,5 млрд руб., инвестиции в развитие стартапов – 17,2 млрд руб. В работе над проектами задействовано более 650 экспертов и 200 менторов. При содействии Центра интеллектуальной собственности (ЦИС) «Сколково» выдано 859 патентов и свидетельств, подано 2100 заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности. Рост числа заявок, поданных через ЦИС «Сколково», в 2015 г. составил 176%, в совокупности число заявок превысило 1000. При сопровождении юристов ЦИС закрыто более 120 сделок стоимостью более 3 млрд руб.³. В ходе работы компаний-резидентов создано около 18 000 рабочих мест, 149 участников реализуют свою продукцию в 40 странах мира. В 2015 г. в Инноцентре «Сколково» стартовала программа адресной межкластерной акселерации проектов. По итогам программы четыре участника увеличили выручку на общую сумму 190 млн руб. и привлекли дополнительные инвестиции на 200 млн руб. В Центре действует микрогрантовая программа, ведется взаимодействие с молодыми

учеными и предпринимателями в рамках образовательных программ Открытого университета Сколково. В настоящее время в рамках развития инновационной инфраструктуры в экосистеме «Сколково» участвует 9 центров НИОКР и более 300 индустриальных компаний. Инвестиционное сообщество представлено 46 аккредитованными венчурными центрами, поддержавшими более 140 участников. В Сколковский клуб бизнес-ангелов входят более 200 резидентов. Сумма «мягких» обязательств венчурных инвесторов составляет 34,7 млрд руб., «твердых» обязательств – 5,7 млрд руб.

Однако, несмотря на позитивную картину динамики деятельности Инноцентра в целом, в его развитии наблюдаются следующие проблемы.

1. *Неблагоприятные макроэкономические условия функционирования.* Ухудшение макроэкономических условий, определяющих развитие российской экономики (сокращение ВВП, рост инфляции, девальвация курса национальной валюты), оказывает негативное влияние, в том числе и на реализацию проекта «Сколково». Установившийся режим ограничений из-за экономических санкций и запрет на технологический обмен со странами Европы и Северной Америки привел к замедлению темпов развития высокотехнологичных отраслей⁴. Затруднение доступа к внешним рынкам долгосрочного капитала и технологий, снижение инвестиционной привлекательности и сокращение объемов вну-

тренного инвестирования тормозят стартап-активность в стране. Основной риск, связанный с данными проблемами, заключается в замедлении темпов формирования инновационной инфраструктуры, недостижении целевых показателей и растягивании сроков реализации инфраструктурных и инновационных проектов.

2. *Внутренние структурные проблемы инновационной экосистемы.* Недостаточное развитие системы акселерации инновационных проектов, отсутствие четких механизмов привлечения инвесторов, имитационная активность отдельных участников инфраструктуры усиливают риск снижения привлекательности проекта «Сколково» для компаний и инвесторов. Несовершенная система формирования ключевых показателей эффективности в связке с недостаточным информационным сопровождением деятельности снижают уровень доверия к Фонду, культивируют общественное мнение о декларативном характере его деятельности, отсутствии базовых проектов, имеющих высокий инновационный потенциал. Характер формирования инновационной системы «сверху» (по инициативе государства) предопределяет невысокий уровень инновационной инициативы, особенно на региональном уровне (из 85 субъектов РФ география участников «Сколково» охватывала в 2016 г. только 65 регионов). Также в России одновременно наблюдаются две взаимоисключающие особенности – интеллектуальное превосходство и технологическая слабость, отсталость, когда выдающиеся технологические изобретения, генерируемые в отечественной высокотехнологичной сфере, наталкиваются на неспособность развить их в качестве инноваций в отечественной промышленности⁵. Это в целом приводит к усилению риска несоответствия количества эффективных инновационных проектов масштабу поставленных государством задач инновационного развития.

3. *Проблемы взаимодействия с другими институтами развития.* Отсутствие четко прописанных и структурированных механизмов взаимодействия с другими институтами развития РФ, например, с Внешэкономбанком (Банком развития), Российской венчурной компанией, государственными корпорациями, в том числе с Объединенными авиа- и судостроительной корпорациями (ОАК и ОСК), «Ростехнологиями», ведущими предприятиями оборонно-промышленного комплекса, дублирование контрольных функций, а также отсутствие горизонтальных связей между инновационными акторами усиливают риск сворачивания механизмов развития инновационных проектов.

4. *Глобальные технологические вызовы.* Современное функционирование экономики ведущих стран в условиях постоянной технологической революции и ускорения темпов внедрения инноваций на мировом рынке, а также начав-

шийся процесс вытеснения базовых технологий и формирования новых рынков определяют догоняющий характер инновационной активности и требуют ускорения темпов формирования инновационной экосистемы. В создавшихся условиях ключевыми рисками являются:

а) качественное несоответствие продуктов компаний-резидентов требованиям мировых рынков вследствие отсутствия технологической новизны и наличия на мировом рынке более дешевых и технологически совершенных аналогов, как следствие, их низкая конкурентоспособность;

б) несоответствие скорости и масштаба развития экосистемы «Сколково» темпу мирового технологического прогресса. Мировой опыт «догоняющей модернизации» показывает, что страны, встающие на этот путь, еще никого не догнали, поэтому России следует в этом плане искать свой инновационный путь. По этому поводу как никогда подходит фраза Льюиса Кэрролла из «Алисы в стране чудес»: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!»⁶. В этом случае опыт СССР, который имел во многом автономную или адаптированную технологическую базу, был бы в настоящее время весьма востребован. Практика показывает, что отрасли, сохранившие в 1990-е гг. технологический потенциал времен Советского Союза, до сих пор остаются мировыми лидерами (например, производство вооружений или аэрокосмическая промышленность).

На наш взгляд, у Фонда и Инноцентра «Сколково» имеются следующие направления развития в ближайшей перспективе:

1) активизация участия Фонда «Сколково» в проекте Национальной технологической инициативы (НТИ) – программы мер по формированию принципиально новых рынков и созданию условий для глобального технологического лидерства России к 2035 г. Участие в проектных группах НТИ позволит лучше скоординировать деятельность, при этом Фонд «Сколково» должен взять на себя реализацию ключевой задачи, поставленной в рамках НТИ, – поиск и создание условий для функционирования компаний, способных работать на новых высокотехнологичных рынках. В рамках данного вектора развития должна быть продолжена работа по поиску перспективных стартапов, проводимая в ходе Всероссийского Стартап тура и Startup Village. Причем акцент при выборе проектов должен быть сделан на выявление технологий и проектов, необходимых для становления рынков НТИ (FoodNet, EnergyNet, SafeNet, AutoNet, MariNet, HealthNet, FinNet, NeuroNet)⁷. Фонд «Сколково» в перспективе также является одним из базовых поставщиков сервисов НТИ. Для эффективной реализации данной функции необходимо продолжить работу по развитию центров НИОКР,

центров коллективного пользования, дата-центров. Доступность сервиса для компаний должна стать одним из индикаторов эффективной работы Фонда;

2) продолжение работы по формированию сети лидеров предпринимательского и научного сообществ.

Выполнение данной функции реализуется через проведение конкурсов стартапов (Стартап тур, Startup Village), работу Сколковского института науки и технологий и Открытого университета Сколково. Стартап тур и Startup Village реализуют функцию поиска и отбора стартапов, менторинг, консультации. Startup Village предлагает также инвестиции в проекты победителей. Ежегодно Стартап тур охватывает более 10 городов России и стран СНГ. В среднем ежегодно подается более 100 заявок в каждом городе участия, из которых в финал попадают около 10 проектов. Победителями становятся три проекта, получающие приглашение на Startup Village. Однако при этом официальная статистика, позволяющая проследить корреляцию между участием в конкурсах и резидентством в Сколково, отсутствует.

Сколковский институт науки и технологий («Сколтех») насчитывает 60 профессоров и преподавателей (70% из них привлечено из зарубежных вузов), 315 магистрантов и аспирантов, 9 центров науки, инноваций и образования. В рамках программ Открытого университета Сколково (ОтУС), основными задачами которых является формирование активного резерва из числа представителей ведущих вузов, предпринимателей, студентов, молодых ученых, проведено 10 сезонных школ, в том числе одна на Дальнем Востоке. Сообщество «Сколково», координируемое ОтУС, насчитывает более 500 активных участников. В 2015 г. шесть проектов участников ОтУС получили статус резидентов «Сколково»;

3) развитие региональных связей Фонда.

В 2015 г. Фонд «Сколково» заключил всего лишь три соглашения о региональном сотрудничестве (Астраханская область, Республика Татарстан, Тульская область), что говорит о необходимости активизации деятельности в данном направлении. Перспективной задачей является расширение географии участников проекта. В качестве одного из базовых выступает развитие дальневосточного направления, что соответствует целям выполнения Государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»⁸. В рамках данного вектора развития необходима активизация работы Дальневосточного представительства Фонда «Сколково», начавшего работу в апреле 2015 г. По состоянию на 2016 г. Дальний Восток представлен только 30 компаниями-участниками Фонда. В качестве перспективного направления можно рассматривать внедрение собственной акселерационной программы на Дальнем Востоке совместно со стратегически-

ми партнерами стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В качестве базовой инфраструктурной составляющей Дальневосточного проекта «Сколково» выступают связи с Дальневосточным Федеральным университетом. В качестве второго магистрального направления развития региональных связей необходимо рассматривать усиление взаимодействия с фундаментальными научными школами Томска и Екатеринбурга, исторически являющимися центрами инновационной активности. Опорным инфраструктурным центром может стать, в частности, Инновационный территориальный центр Томск (ИНО Томск) как важный инновационный актор томской агломерации⁹;

4) развитие международных связей Фонда «Сколково».

В настоящий момент Фонд «Сколково» включен во взаимодействие со странами ближнего зарубежья (Казахстан, Белоруссия, Армения, Азербайджан и др.). Фонд является оператором программы инновационного сотрудничества СНГ до 2020 г. Основной площадкой взаимодействия является роуд-шоу Стартап тур и конференция Startup Village, чего явно недостаточно для формирования стратегического партнерства. Наиболее активным и перспективным представляется сотрудничество с партнерами из Республики Казахстан, в частности, партнерство с международной программой акселерации и инвестиций AlmatyTechGarden, активным участником Startup Village 2016. Инноцентру «Сколково» необходимо разработать и предложить партнерские схемы взаимодействия, предусматривающие технологический обмен, кооперацию на рынках двух стран, двойное резидентство и прочие механизмы, актуальные для инновационного развития обеих стран.

С 2012 г. развивается взаимодействие Сколково с Китайской Народной Республикой. С 2015 г. работает представительство Фонда «Сколково» в Китае. В 2014 г. было заключено соглашение о строительстве совместного Парка высоких технологий «Шелковый путь», однако данное направление нуждается в катализаторах развития¹⁰. КНР необходимо рассматривать как один из важнейших источников внешних инвестиций, акцентируя внимание на наиболее интересных китайской стороне кластерах ядерных и космических технологий. Важным направлением международного сотрудничества являются также связи с Европой. На данном направлении наиболее активным является взаимодействие Фонда «Сколково» с Финляндией в рамках ежегодной конференции Slush, на которой сколковские стартапы в 2016 г. стали призерами¹¹. Также развертывание сколковской инновационной экосистемы невозможно без учета опыта крупнейших инновационных центров мира: Кремниевой долиной (Калифорния), сетью технологических центров Великобритании, Мюнхенским технологическим центром (Германия),

Французской межрегиональной сетью распространения технологий, Чжунгуаньцунь (Китай), Цукуба (Япония) и др. Однако следует иметь в виду, что большинство эффективных инновационных экосистем работают по принципу воронки, т. е. в условиях избытка предложения инноваций. Развитие онлайн платформ «Сколково» может ориентироваться на опыт Гонконга и Сингапура, сделавших ставку на минимизацию барьеров для предпринимательской деятельности и развитие онлайн сервисов, в том числе и государственных онлайн услуг.

Что же касается критики Фонда «Сколково» в отношении имитационных практик деятельности, то она часто оказывается обоснованной. По мнению В. Кобышева и А. Леонова, скромный научный результат главных «инновационных» проектов нашего времени – «Роснано» и «Сколково» – говорит о многом. Выделенные на них средства в лучшем случае эффективно потрачены на закупку западных технологий предыдущего поколения¹². Поэтому в хозяйственной практике часто имеет место имитирование инновационной деятельности, заимствование западных технологий и псевдоинновации, а настоящих, базовых, прорывных технологий отечественной школы в экономике как раз не хватает. На наш взгляд, выходом из подобной ситуации может быть частичный возврат российской экономики к отечественной, автономной технологической базе, чему косвенно способствуют экономические санкции против России. Однако удастся ли такой возврат и сможет ли Россия возродить и сохранить технологическую базу советской эпохи – покажет ближайшее время.

Примечания

¹ См.: Об инновационном центре «Сколково»: федер. закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- ² См.: Годовой отчет 2016. URL: http://sk.ru/foundation/results/annual_reports_ru/p/annual_report_2016.aspx (дата обращения: 12.06.2017).
- ³ См.: Антон Пушков: «За последние два года через ЦИС было подано более 1000 патентных заявок». URL: <http://sk.ru/news/b/press/archive/2016/05/25/anton-pushkov-za-poslednie-dva-goda-cherez-cis-bylo-podano-bolee-1000-patentnyh-zayavok.aspx> (дата обращения: 14.06.2017).
- ⁴ См.: Нуреев П. М., Петраков П. К. Экономические санкции против России: ожидания и реальность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-protiv-rossii-ozhidaniya-i-realnost> (дата обращения: 14.06.2017).
- ⁵ См.: Орлова Л. Н. Инновационная экономика: факторы и противоречия развития, уровни формирования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-ekonomika-factory-i-protivorechiya-razvitiya-urovni-formirovaniya> (дата обращения: 15.06.2017).
- ⁶ См.: Крылатые выражения из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла. URL: <http://fit4brain.com/4230> (дата обращения: 15.06.2017).
- ⁷ См.: Национальная технологическая инициатива. URL: <http://www.nti2035.ru/nti> (дата обращения: 16.06.2017).
- ⁸ См.: Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». URL: <http://government.ru/programs/232/events/> (дата обращения: 17.06.2017).
- ⁹ См.: ИНОТомск. Инновационный территориальный центр. URL: <https://ino-tomsk.ru> (дата обращения: 17.06.2017).
- ¹⁰ См.: Сколково и Китай строят «Шелковый путь». URL: <http://www.aneews.com/p/11352679/> (дата обращения: 17.06.2017).
- ¹¹ См.: Slush 2016. URL: <http://www.visithelsinki.fi/ru/что-происходит/события/slush-2016> (дата обращения: 18.06.2017).
- ¹² См.: Кобышев В., Леонов А. Есть ли в России спрос на науку? URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/02/14/58354> (дата обращения: 19.06.2017).

Образец для цитирования:

Гусев В. В., Милучихина О. А. Российский инновационный центр «Сколково»: современное развитие и формирование будущих перспектив // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 378–382. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-378-382.

Cite this article as:

Gusev V. V., Miliuchikhina O. A. The Russian Innovation Center «Skolkovo»: the Modern Development and Future Prospects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 378–382 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-378-382.

УДК 316.44

ОСВОЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ПЕНСИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

М. Э. Елютина, Г. И. Болотов

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elutina133@mail.ru

Болотов Георгий Игоревич, аспирант кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gbolotoff@mail.ru

В статье авторы на основе данных социологического исследования, проведенного в г. Саратове (ноябрь 2016 г. – май 2017 г.), показывают гендерные особенности в решении проблем повседневной жизни пожилой супружеской пары.

Ключевые слова: пожилая семья, супружеские отношения, симбиотичность пожилых супругов, социальные стереотипы.

The Development of Everyday Life in Retirement: the Gender Aspect

M. E. Elutina, G. I. Bolotov

Marina E. Elutina, ORCID 0000-0001-5186-2418, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, elutina133@mail.ru

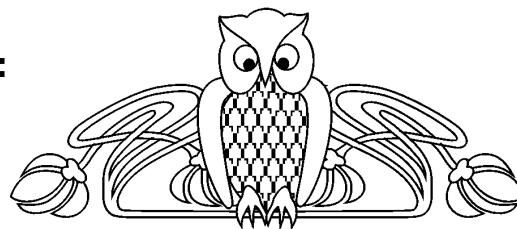
Georgij I. Bolotov, ORCID 0000-0002-6829-1903, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, gbolotoff@mail.ru

In the article the authors based on data from sociological research conducted in Saratov (november 2016 – may 2017), show gender characteristics in solving problems of everyday life of an elderly couple.

Key words: elderly family, marriage, symbiotically elderly couple, social stereotypes.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-383-386

В настоящее время возникла ситуация, когда старость перестала быть «прозрачной», заняла особое место и в жизни отдельного человека, и общества в целом. Это проявляется в следующих моментах. Во-первых, мир стареет, что представляет собой объективную общедемографическую тенденцию. Прогрессирующий процесс старения приобрел глобальный характер. Неслучайно в научном и публичном дискурсах усилилось внимание к социальным проблемам старения, старости. Деловые и государственные лидеры стран, вплотную столкнувшиеся с проблемами старения населения, активно обсуждают возможные стратегии, способные в определенной

степени демпфировать социально-экономические последствия постарения населения. Старение населения становится вызовом, требует особой политики. Эта проблема в каждой стране имеет свои особенности.

Процесс постарения населения России происходит в условиях политической и социальной нестабильности. Переход к рыночным отношениям вызвал ухудшение социального положения большинства пожилых людей. Происходит быстрая люмпенизация стариков. Идет процесс падения авторитета старости. Низкий социально-экономический статус ограничивает их жизненный потенциал. Во-вторых, старость становится длительным и значительным этапом индивидуального развития. Старость в значительной степени представляет собой результат активного социального конструирования. Под воздействием старения происходит трансформация всех институтов: от семьи до государства. В-третьих, демографическая ситуация в нашей стране характеризуется значительным превышением численности женщин-пенсионерок над численностью мужчин-пенсионеров. Происходит феминизация старения. Демографическая асимметрия в третьем возрасте является следствием как социальных катаклизмов, так и более раннего выхода на пенсию женщин, по сравнению с мужчинами, более высокой продолжительности их жизни, а также ранней смертности мужчин в нашей стране. Гендерная асимметрия представляет собой важный количественный индикатор, обуславливающий содержание социальной политики страны. В связи с этим актуализируются исследования гендерных аспектов взросления и старения, социальных различий, легитимных практик взаимоотношений.

С точки зрения традиционного взгляда, пожилых людей объединяют в группу социально бессильных. В научной литературе встречается и в наши дни описание старости по аналогии с процессами инволюции, распада, деградации. Но чаще присутствуют скрытые параллели, и даже в работах тех, кто говорит о пожилом возрасте как о времени взросления. Это объясняется усиливающимся негативным отношением к физическим возможностям стариков, особенно женщин, начавшемся в конце XIX в. Важно отметить, что медицина играла в этом процессе ключевую роль, артикулируя отрицательные стороны старости как жизненного этапа. В рамках медицинского дискурса старость предстала как

состояние риска, как болезнь, требующая постоянного медицинского контроля.

Обобщая существующие подходы и социогеронтологические теории, можно выделить принципиально различные точки зрения: гендерно-нейтральный подход к изучению геронтологических проблем и гендерно-чувствительную модель анализа геронтологической проблематики.

При использовании первого подхода выделяется социальная группа пенсионеров, анализируется переход в систему новых социальных ролей, в новую систему правовых и межличностных отношений. При этом игнорируется тот очевидный факт, что пенсионеры – это мужчины и женщины, а не третий пол, сконструированный государством. В развитии второго подхода намечаются лишь первые шаги, которые представляются следующими направлениями исследования: 1) механизмы продвижения патриархатной идеологии и различные проявления гендерного и возрастного неравенства; 2) семья пожилых людей рассматривается как элемент системы гендерных отношений; 3) исследования гендерного аспекта занятости, системы трудовых отношений и социального обслуживания представителей третьего возраста.

В рамках второго подхода в данной статье мы сфокусировались на гендерном анализе пожилой семьи в контексте повседневности. Повседневная жизнь семьи – это совместная жизнь с другим и другими, предполагающая следование определенным правилам совместной жизни и проявляющаяся в семейных стратегиях, мотивациях, коммуникациях, вкусах, оценках, стереотипах восприятия, обычаях, ритуалах. Это совокупность опривыченных действий и поступков, это быт, в равной степени обязательный как для тех, кто за его пределами не видит ничего, так и для людей, которых волнуют вопросы бытового обустройства. Гендерные аспекты повседневности связаны с различиями в женской и мужской ментальностях, женском и мужском образе мира и аксиосферах мужского и женского, со своеобразием фиксации запомненного в памяти (меморизацией). В современном цивилизованном мире семья обеспечивает устойчивость общества и первой реагирует на любые социальные трансформации, выступает скрепой внутренней и внешней идентичности человека. Именно семья ассоциируется с личным благополучием, демпфируя различные страхи, в первую очередь страх перед неизвестностью, перед угрозой со стороны. Страх, лишь усиливающийся с возрастом, выступает в качестве символа, в котором могут воплощаться все пугающие семью иллюзии. Для молодой семьи одной из важных проблем является расстановка ценностных приоритетов в желании «успеть все». Для пожилой семьи с фокусом локализации семейных проблем на супружеской паре логично было бы предположить наличие вполне определенных предпочте-

ний – помимо заботы о здоровье, ценностную значимость приобретает вопрос об организации свободного времени, использовании различных форм проведения досуга, о ритме жизни «для себя». Однако ситуация нестабильности и небезопасности, в которую нередко попадает пожилая семья, вносит свои коррективы в освоение повседневной жизни, иницируя поиск таких форм мышления и поведения, которые помогут обрести способность к обращению в повседневной жизни – способность к движению и общению. При анализе пожилой семьи гендерные различия, как правило, нивелируются. При этом используют гендерно индифферентное понятие «пожилой человек». Семья пожилого человека характеризуется определенными особенностями. Отметим, как мы полагаем, наиболее существенные в русле нашей темы характеристики.

1. Супруги так или иначе справились с проблемой нарушения объектных отношений, преодолели страх взаимозависимости, характерный для современного общества, в котором все рельефнее проявляется потребность человека строить жизнь автономно, не поддерживая родственных связей. Именно благодаря функции взаимной зависимости в пожилой семье ее члены способны выжить как в социокультурном, так и в витальном смысле. Поэтому пожилому семейю можно рассматривать в качестве антипода различным формам инфантильного партнерства, когда нормой становится принцип взаимоотношений «каждый сам за себя».

2. Личностное взаимодействие мужа и жены регулируется моральными принципами и поддерживается имманентными ему ценностями. Особо подчеркнем неинституциональный характер отношений, симметричность прав и, что не менее важно, асимметрию ролей мужа и жены.

3. Симбиотичность пожилой семьи можно объяснить тем фактом, что многие социально-психологические черты членов семьи не были присущи им с самого начала, а сформировались за время длительного взаимодействия, что обуславливает высокую степень эмпатии супругов, помогающую успешно избегать или разрешать конфликты. В семьях такого типа при утвердившихся гендерных ролях, тем не менее, отсутствуют их жесткие границы, что способствует освобождению интеллектуального пространства супружеских отношений от предубеждений, архетипов патриархатного мышления (мужчина – «производитель смысла», женщина – «носитель смысла»).

С целью получения представления о гендерных ролях, функциях, практиках организации повседневной жизни пожилых семей в условиях интенсивного изменения или утраты старых и возникновения новых социальных образцов в сфере семейных отношений мы провели качественное исследование. Сбор и анализ материала проводился с помощью неструктурированного

неформализованного интервью. Эмпирическая база представлена 26 глубинными интервью с мужчинами и женщинами со средним и высшим образованием, возраста 60+, пенсионерами, состоящими в браке, отдельно проживающими, активно ведущими домохозяйства (люди прямых действий – принимающие решения по поводу организации повседневной жизни и несущие ответственность за них), основным источником дохода которых является государственная пенсия. Опрашивались жители города Саратова (ноябрь 2016 г. – май 2017 г.).

Наше исследование показало, что отдельно проживающие пожилые семьи в большинстве своем ориентируются на стратегию планирования и жесткой экономии ресурсов, так как текущих доходов хватает лишь на текущее потребление (а иногда может и не хватать)¹. Объективной необходимостью становятся кооперация домашнего труда, общий бюджет, демократические стили разрешения конфликтов, эффективное диадическое (совместное) совладание с жизненными трудностями (межпоколенной конфронтацией, бедностью, социальным одиночеством). Заметим, что основу субъективации и объективации событий жизни наших респондентов составляет микс из этики построения семейных взаимодействий советского периода и личных этических проектов информантов. Повседневные семейные стратегии обусловлены теми социально-экономическими ресурсами, которыми располагает семья. Тем не менее, они являются гендерно маркированными и проявляются в следующих содержательных моментах.

1. И мужчины, и женщины убеждены в том, что жизнь на пенсии – это «катастрофа», причающая к постоянной борьбе за выживание. Это – «испытание на прочность», «кто выживет, тот проживет долго». «Катастрофа» выступает эпистемической моделью описания жизнедеятельности семьи на пенсии. По мнению респондентов, никакие решения и действия на предыдущих этапах жизненного пути не могут гарантировать «катастрофические сбои» в повседневной жизни на пенсии. Большинство современных пенсионеров, как в известном мультфильме о крысолове, «под сладкие звуки пенсионной реформы неизбежно погружаются в пучину бедности и зависимости».

2. В пожилой семье, как правило, имеется общий бюджет, в отличие от молодых пар, которые все чаще выбирают раздельный вариант:

Р.: Конечно, у нас общий бюджет. Иначе это не семья, когда каждый сам за себя. В семьях наших родителей было именно так, мы воспитаны с сознанием, что у мужа и жены все совместное. У нас нет неподотчетных средств. Если и есть у жены, то это она для внучки заначку делает, чтобы ей игрушки или платья какие купить. Я это знаю и молчу. Пусть делает, как ей нравится (муж., 70 лет).

Причем структуру трат определяет, как правило, женщина. Наши респонденты отметили необходимость делать определенные запасы «на случай экстремальной ситуации», «на черный день». Такая женская «запасливость» определяется, помимо прочего, гендерными различиями в представлениях об опасности. Как показывают результаты исследований, для женщин характерна повышенная ситуативная тревожность².

3. Лояльное отношение к традиционным семейным ролям. Несмотря на тот факт, что «мужская» модель поведения остается эталоном, в реальной практике концентрация семейной власти сосредоточена в руках женщины. Речь идет, в первую очередь, о контроле над денежными ресурсами семьи:

Р.: Муж деньгами распоряжаться не умеет. Как только появляются деньги, сразу старается их потратить, а если долго не появляются – одолжит и тоже потратит. Я трачу деньги крайне редко. Так что теперь молча коплю, и если спрашивает, где деньги, говорю, что их там копейки, и я заплатила за телефон или что-то в этом роде. А сама мелочью храню наличку на всякий пожарный случай (жен., 64 года);

Р.: Да, деньги под моим контролем, но муж о них знает, по крайней мере, настолько, насколько интересуется этим вопросом в целом (жен., 72 года).

4. Эмоциональные связи между супругами выступают как динамическое единство противоположных стремлений – потребность во взаимной привязанности, с одной стороны, и стремление каждого из супругов к собственной автономии через установление четких границ своего «Я» в этих отношениях, с другой. Именно в пожилой семье существует возможность овладения разнообразными социальными ролями, что не ведет к утрате гендерной принадлежности, а, напротив, способствует индивидуализации как мужчин, так и женщин. Определенные «льготы», послабления возможны и определяются, главным образом, с учетом состояния здоровья, уровня работоспособности:

Р.: Муж более мобильный, поэтому он решает вопросы с разными покупками. Я отвечаю за кухню, кашеварю, прибираюсь. Что у него лучше получается, то он и делает, и я живу по такому же принципу. Важно ведь не то, кто главный (мы оба главные), важно не допустить над собой власти мелочей, пустяков, не увязнуть в них. Мы научились не навязывать свои мысли, а признавать правоту каждого на свою истину (жен., 69 лет).

Пожилая семья – это многовершинная семья.

5. По мнению наших респондентов, именно от женщины в конечном счете зависит вся структура взаимоотношений пожилой семьи – с детьми, родственниками, знакомыми. Женщине принадлежит прерогатива перезарядки конфликт-

ного поля с помощью особых стратегий «утепления» отношений: «приготовить любимое блюдо», «вспомнить приятное», «пригласить детей и внуков», «не путать вину с бедой, прощать». В результате, моменты напряжения, кайросы (П. Тиллих) сменяются расслаблением, дремотой:

Р.: Жена хорошо печет. И так повелось, что мы устраиваем семейное чаепитие: приглашает детей, внуков. Начинаем что-то обсуждать, вспоминать, все вовлекаются в этот процесс. Мы все на одной волне. И как-то, само собой, конфликты, недопонимания уходят, становятся незначительными. И мы к ним в дальнейшем не возвращаемся (муж., 68 лет).

Именно женщина активно реализует традиционную функцию заботы о внуках. С появлением внуков только женщины уходят из сферы занятости. Женщины, имеющие дачные участки, становятся источником продуктовой помощи детям и внукам. Мужчины, особенно те из них, кто занимал высокое социальное положение, был ориентирован на работу, после выхода на пенсию сталкиваются с проблемой интеграции в семейные взаимоотношения, поиска своего места, своей ниши в семейных интеракциях.

6. Испокон веков считалось, что мужское тело устроено более рационально, чем женское, именно оно является стандартом в иллюстрациях и текстовых документах. Женская привлекательность недолговечна, со временем подвержена неизбежной эрозии. Следовательно, женщины с возрастом стремительнее растрачивают социальный капитал и инструменты влияния на ситуацию, чем мужчины, в результате чего дискриминация женщин по возрасту на практике начинается гораздо раньше, чем дискриминация мужчин. Стереотип женской старости фиксирует отсутствие развития, неопрятный образ человека без пола и желаний, вызывающий физическое отторжение, образ сплетницы «бабушки на лавочке». Современные женщины пенсионного возраста испытывают на себе социальное влияние, связанное с идеализацией внешней привлекательности, поддержание которой превращается в тяжелый и постоянный труд, требующий моральных, душевных и физических усилий, а также значительных финансовых вложений. Логично предположить, что с возрастом усиливается потребность в разнообразных практиках работы над телом. На деле, по мнению наших информантов, складывается совершенно иная ситуация, которая фиксирует тот факт, что пластические операции и косметические процедуры

являются прерогативой молодых женщин, которые стремятся любой ценой объективировать себя и определить себя в категориях тела:

Р.: Я, конечно, буду лукавить, если скажу, что для меня важно содержание, а не форма. Современная культура опрокидывает эти убеждения (а ведь нам именно так и внушали с детства: «надо быть достойным человеком»). Да и мужчины равнодушны к формам, несмотря на возраст. Потребность, безусловно, существует, однако нет ресурсов. Конечно, в первую очередь, материальных. Да и нет привычки. Обхожусь естественными масками и «бабушкиными» рецептами. Посмотрите, кто является потребителем такого рода услуг. Молоденькие барышни. Именно они постоянно «делают себя» (жен., 68 лет).

Как показали результаты нашего исследования, пожилая семья сталкивается с необходимостью приспособить свою жизнь к новым реалиям, и это приспособление нередко идет болезненным и непредсказуемым путем, ломая привычный образ жизни, видоизменяя структуры, в том числе и гендерные, ритмы повседневности, разрушая самоочевидные ожидания. Повседневная жизнь пожилой семьи – это не только способ экономного хозяйствования (при весьма ограниченном размере пенсий пожилая семья демонстрирует прямо-таки виртуозные практики адаптации к рыночным условиям), но и включает разнообразные показатели духовно-нравственного порядка. Освоение повседневных практик пожилой семьи во всей их неоднозначности, противоречивости приобретает значимость не только для социальной практики, но и как предмет научного анализа.

Примечания

- 1 См.: Елютина М. Э., Болотов Г. И. Повседневная жизнь пожилой семьи : стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 10–14. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14 ; Елютина М. Э., Климова С. В. Благополучие семьи : парадигма комплексного институционального подхода // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 19–26 ; Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–93.
- 2 См.: Лаврова Е. В., Матвеева Л. В. Содержание новостного дискурса и представления человека об опасности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4. С. 5–20.

Образец для цитирования:

Елютина М. Э., Болотов Г. И. Освоение повседневности на пенсии: гендерный аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 383–386. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-383-386.

Cite this article as:

Elutina M. E., Bolotov G. I. The Development of Everyday Life in Retirement: the Gender Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 383–386 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-383-386.

УДК 316.4

СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере Ульяновской области)

К. И. Княгинина, Ю. Р. Хайруллина

Княгинина Ксения Ивановна, аспирант, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Woody4545@mail.ru

Хайруллина Юлдуз Ракибовна, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, главный научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, iouldouz@yandex.ru

В статье рассматриваются понятие «человеческий капитал» и некоторые его типологии, а также основные принципы и проблемы развития человеческого капитала на региональном уровне. В качестве примера взята Ульяновская область.

Ключевые слова: человеческий капитал, региональный человеческий капитал.

The Specificity of the Formation of Human Capital at the Regional Level (On the Example of Ulyanovsk Region)

K. I. Knyaginina, Yu. R. Khairullina

Ksenia I. Knyaginina, ORCID 0000-0002-2504-8225, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 23/1, Ostrovskogo Str., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russia, Woody4545@mail.ru

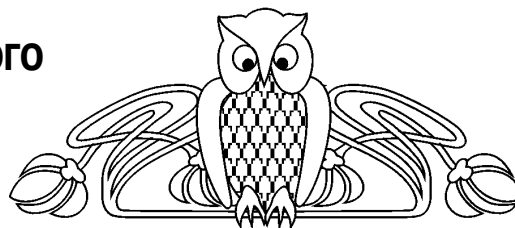
Yulduz R. Khairullina, ORCID 0000-0003-4018-4628, Kazan (Volga region) Federal University, 18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russia; Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 23/1, Ostrovskogo Str., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russia, iouldouz@vandex.ru

The article discusses the concept of human capital and some of its typology, as well as the basic principles and problems of human capital development at the regional level. As an example, taken from the Ulyanovsk region.

Key words: human capital, regional human capital.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-387-390

На данный момент важным для развития страны, ее регионов, экономики и повышения качества жизни населения является распределение человеческого капитала. Категория человеческого капитала – чрезвычайно многообразное явление и требует специального уточнения и анализа в рамках социологии. Этим словосочетанием американский экономист Т. Шульц, объясняя различия в оплате схожего труда, исполняемого на одинаковых рабочих местах разными людьми, назвал некоторую совокупность их

приобретенных качеств. Он предположил, что индивиды, вкладывающие время и деньги, включая заранее известные заработки, в образование, обучение, получение опыта и развитие других качеств, которые повышают их производительность и, следовательно, их ценность в глазах работодателя, обладают большим человеческим капиталом. Таким образом, человеческий капитал – это совокупность знаний, умений, навыков, приобретенных личностных качеств и телесных характеристик, применяемых для удовлетворения человеческих потребностей¹.

Различают человеческий капитал по нескольким основаниям². Например, по субъекту, обладающему человеческим капиталом. Здесь выделяют личный или индивидуальный человеческий капитал, человеческий капитал организации, человеческий капитал региона, национальный человеческий капитал и глобальный человеческий капитал. Существуют исследования становления человеческого капитала в рамках конкретной отрасли и профессии, что позволяет получить картину его формирования в рамках региона и России в целом³.

Есть основания типологии по источнику финансирования, на которое приобретает человеческий капитал, и типу отдачи. Здесь можно выделить государственные инвестиции – расходы на содержание государственных и муниципальных образовательных учреждений, частные инвестиции – расходы предприятий на подготовку и переподготовку персонала, и самоинвестиции – прямые расходы человека на самообразование. По отдаче существуют положительный человеческий капитал, обеспечивающий полезную отдачу, способствующую ускорению научно-технического прогресса, повышению уровня благосостояния индивида, ускорению экономического развития предприятия и повышению уровня жизни региона, и пассивный человеческий капитал – знания и навыки, не приносящие отдачи. Человеческий капитал реализуется в труде, но при недостатке рабочих мест, на которых требуется труд с подобной квалификацией, индивид находит рабочее место, на котором полученный им человеческий капитал не используется и представляет собой не окупающиеся затраты времени и денег. Отрицательный человеческий капитал – знания и навыки, препятствующие экономическому и научно-техническому развитию, способствующие ухудшению уровня жизни региона. Как правило, отрицательный человеческий капитал возникает

при не востребовавности человеческого капитала и его уходу в теневой сектор экономики и криминальную деятельность⁴. Говоря о региональном человеческом капитале, речь идет не о личном человеческом капитале, а о совокупном, человеческом капитале всего региона. И в этом случае следует иметь в виду не только индивидуальное развитие людьми своих знаний и навыков, но и количество людей, обладающих этими знаниями и навыками и успешно применяющих их на практике, а также институты, функция которых – систематическое планомерное повышение человеческого капитала и поощрение не институциональных форм его повышения⁵.

Формирование человеческого капитала на региональном уровне можно разделить на два параллельных и взаимосвязанных процесса: образование в широком смысле, включая получение трудового опыта на рабочем месте и самообучение, и миграцию. Рассмотрим содержание этих процессов.

Во всех населенных пунктах есть начальные и средние школы, в городах – профессиональные училища, во многих крупных городах – высшие учебные заведения. Государственные образовательные учреждения осуществляют то, что Г. Беккер назвал «общими инвестициями в человека» – знания, умения и навыки, находящие свое применение в трудовой деятельности вообще (общие образовательные учреждения), в какой-либо конкретной трудовой сфере, либо необходимые для какой-либо конкретной профессии (профессиональные образовательные учреждения)⁶. Организации также вносят вклад в производство человеческого капитала, организуя курсы подготовки и переподготовки для уже нанятых сотрудников.

Из трудов Л. Труа также следует, что фирмы считают прибыльным увеличивать человеческий капитал занятого у них персонала, поскольку такое увеличение ведет к росту выработки. Фирмы, стремящиеся к максимуму прибыли, обеспечивают обучение до тех пор, пока предельные доходы от обучения равны предельным издержкам на обучение. Если предельные доходы от обучения превышают предельные издержки, принимаются меры к расширению обучения; если же верно обратное, обучение свертывается⁷. Организации крайне осторожно подходят к общим инвестициям в человека, поскольку их результаты могут пригодиться конкурирующим организациям и, следовательно, повышают конкурентоспособность работника на рынке труда, дают ему пространство для торга в вопросе зарплаты. Вместо этого организации предпочитают повышать человеческий капитал своих сотрудников за счет специальных инвестиций – узкоспециализированных знаний, умений и навыков, повышающих производительность труда работников организации, давшей их, но мало полезных за ее пределами. Примером таких инвестиций может служить передача знаний о внутренней структуре организации, обучение

работе на редкой технике, которая в данном регионе есть только на этом предприятии, либо обучение работе с патентованной технологией, которой никто кроме этой организации и организаций, имеющих лицензию на ее применение, легально воспользоваться не может. При необходимости в людях, в которых вложено достаточно общих инвестиций, организации, как правило, предпочитают нанимать уже обученных работников. В некоторых случаях компании занимаются обучением сотрудников навыкам, полезным для работы по их специальности вне зависимости от организации, в которой осуществляется трудовая деятельность, но по причине рискованности таких инвестиций они являются, как правило, привилегией наиболее лояльных сотрудников, имеющих наибольший стаж работы в компании и занимающих в ней высокие руководящие должности. Также такую подготовку проводят организации, закрывающие вакантные руководящие посты путем повышения и перепрофилирования наиболее лояльных и способных работников.

Иными словами, важнейшим фактором производства человеческого капитала является деятельность образовательных учреждений как агентов социально-профессиональной социализации, поскольку именно общие инвестиции способствуют изобретению, продвижению и освоению новых технологий, а с ними – созданию принципиально новых рабочих мест⁸. Однако в период с середины 1990-х до середины 2000-х гг. в России наблюдались снижение финансирования образовательной системы, ее частичный переход на самообеспечение – от 20% в 1993 г. до 40% в 2005 г. Недофинансирование образовательных учреждений порождает проблему несоответствия уровня знаний, умений и навыков, усвоенных выпускниками, требованиям, предъявляемым предприятиями. В связи с этим все больший вклад в приобретение знаний и навыков, необходимых для профессиональной деятельности и актуальных не только в пределах одной организации, и, следовательно, все большую важность в формировании человеческого капитала как фактора, повышающего конкурентоспособность индивида на рынке труда, получает трудовой опыт. Получение трудового опыта на рабочем месте – это неотъемлемая часть трудового процесса. Работник в процессе трудовой деятельности не только производит определенное благо, но и совершенствует свои знания, умения и навыки и приобретает новые, что повышает его ценность как для данного работодателя, так и на рынке труда. Хотя иногда возникает проблема конвертируемости опыта, когда опыт, полученный в одном регионе, не помогает решить проблему, возникшую на той же должности в другом регионе. Эта проблема решается через общение работников со специалистами более высокой квалификации, обладающих большим опытом, либо с экспертами по другому региону. Также проведение во многие регионы России

широкополосного Интернета решило множество проблем образования и самообразования, в том числе проблему подобного общения и проблему доступа к ценным с точки зрения самообучения материалам.

Ульяновская область является благоприятным регионом с точки зрения формирования человеческого капитала путем его производства в образовательных учреждениях. В 2016 г. было направлено из консолидированного бюджета 11,05 млрд руб. на образование, 1,08 млрд руб. на развитие культуры, 7,9 млрд руб. на здравоохранение и 0,47 млрд руб. на развитие спорта (29,0, 2,7, 21,3 и 0,01% соответственно от валового продукта области)⁹.

Человеческий капитал имеет свойство самопроизвольного увеличения, за счет того что при приобретении знаний и навыков одним человеком у другого они не пропадают. Индивидуальный человеческий капитал одного сотрудника при полной реализации повышает человеческий капитал организации на величину большую, чем его индивидуальный капитал, а человеческий капитал организации также непропорционально увеличивает человеческий капитал региона. Поэтому планомерные систематические инвестиции и самоинвестиции в развитие индивидуального человеческого капитала в долгосрочной перспективе приводят к ускорению научно-технического прогресса, развитию промышленности, транспортной и информационной коммуникации и частного предпринимательства, а в дальнейшем – к росту занятости населения и повышению уровня жизни в регионе. Иными словами, человеческий капитал при реализации увеличивает потребность в человеческом капитале как на уровне индивидов в виде необходимости повышать свою конкурентоспособность на рынке труда, так и на уровне региона в виде создания новых рабочих мест, на которых требуется сложный квалифицированный труд¹⁰.

Человеческий капитал не может быть продан и при передаче только увеличивается. Основная цель его накопления, как на национальном и региональном, так и индивидуальном уровне, – повышение уровня жизни. Накопление человеческого капитала на личном уровне вызвано необходимостью конкурировать за рабочие места, и чем выше конкурс, тем выше требования к индивидуальному человеческому капиталу человека, претендующего на должность, в случае если это наемный работник, или за долю рынка, если это бизнесмен. Однако в случае чрезмерного конкурса может произойти девальвация человеческого капитала в регионе, в результате которой индивиды, обладающие обширными знаниями и хорошими навыками, имеющие внушительный опыт работы, вынуждены конкурировать за низкооплачиваемые должности, а бизнесмены вынуждены предлагать свои товары и услуги по сильно заниженной цене, чтобы удержаться в малоприбыльных сегментах рынка.

Такая ситуация имеет два последствия: развитие человеческого капитала путем миграции в регионы с более высоким уровнем жизни и переход части оставшегося в регионе капитала в теневой сектор экономики. Человеческий капитал, как и любой капитал, по мере своей реализации актуализирует потребность в его все больших количествах. Поэтому чем выше уровень жизни в регионе, тем больше вероятность, что в нем обнаружится потребность в новом специалисте с высокой квалификацией либо откроется новый, еще не освоенный сегмент рынка. Это приводит к тому, что внутри регионов человеческий капитал концентрируется в региональных центрах, уходя из меньших поселений. Подобные случаи связаны как с трудовой миграцией, когда индивид, обладающий высоким человеческим капиталом, не востребован либо недоволен оплатой своего труда там, где он живет, так и с образовательной миграцией, когда индивид переезжает с целью повышения своего человеческого капитала. Таким образом, населенные пункты, которые производят человеческий капитал и имеют инфраструктуру для его реализации, обладают привлекательностью для людей, обладающих им, и, следовательно, притягивают его из других поселений. По тому же принципу регионы с развитым человеческим капиталом привлекают его все больше, а из регионов, где человеческого капитала не так много, происходит его непрерывный отток, следствием чего является неравномерное развитие регионов¹¹.

При попытке принудительного удержания индивидов, обладающих высоким человеческим капиталом, в регионах, где недостаточно развита инфраструктура для его реализации, не следует ожидать резкого развития человеческого капитала. Вероятнее всего, это приведет к быстрому перенасыщению рынка труда опытными высококвалифицированными специалистами, вынужденными конкурировать за средне- и низкооплачиваемые места, и выдавит с легального рынка труда людей, обладающих меньшим опытом либо квалификацией. Следствием этого является переход человеческого капитала из положительного в пассивный – когда обученный человек не может найти себе занятие, где требовалась бы его квалификация, или в отрицательный – когда он применяет свои знания и навыки для улучшения своего материального положения нелегальными методами. Иными словами, это действие даст обратный эффект: вместо ускорения экономического развития и повышения уровня жизни населения – рост преступности и коррупции¹². Следовательно, возможна ситуация переизбытка человеческого капитала, негативно сказывающаяся на экономике региона, и в рамках национального человеческого капитала его внутрирегиональная и межрегиональная миграция носит положительный характер. Для привлечения человеческого капитала следует, прежде всего, развивать необходимую для его реализа-

ции инфраструктуру, состоящую из информационных и транспортных путей сообщения и оборудованных всем необходимым для соответствующей трудовой деятельности рабочих мест, т. е. искусственно создавать спрос на него. А поскольку человеческий капитал имеет свойство самопроизвольно увеличиваться при реализации и создавать спрос на новый человеческий капитал, это приведет к естественному повышению регионального человеческого капитала.

Таким образом, можно сделать вывод, что на становление человеческого капитала на региональном уровне оказывают влияние два фактора: институциональное производство индивидуального человеческого капитала и инфраструктура, необходимая для реализации человеческого капитала. В производстве человеческого капитала важнейшую роль играют профессиональные учебные заведения, преимущественно государственные бюджетные учреждения высшего профессионального образования, т. е. производство качественного человеческого капитала требует серьезных затрат со стороны государства. Инфраструктура нужна для правильного функционирования, удержания и привлечения нового человеческого капитала и представлена рабочими местами, требующими квалифицированного труда и оплачиваемыми соответственно квалификации труда, а также эластичным рынком сбыта, создающим благоприятные условия для создания новых частных предприятий. Человеческий капитал в долгосрочной перспективе приводит к увеличению уровня жизни в регионе, но сам склонен утекать в регионы с более высоким уровнем жизни. Следовательно, с учетом того, что принудительное удержание человеческого капитала приводит к отрицательным для экономики региона последствиям и потому не является приемлемым вариантом, регионам требуются мероприятия по повышению привлекательности для людей, обладающих высоким человеческим капиталом, например, развитие крупных предприятий, программ развития частного предпринимательства, инвестиции в научные проекты.

Примечания

- ¹ См.: Аберкомби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд. М.: Экономика, 2004.
- ² См.: Хайруллина Ю. Р., Княгинина К. И. Человеческий капитал: теоретический и практический аспекты // Россия в пространстве глобальных трансформаций: в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике. XIX Вавиловские чтения: материалы международной междисциплинарной научной конференции / под общ. ред. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2016. С. 223–225.
- ³ См.: Khayrullina Yu. R., Garipova R. R., Arzina A. V. Features of Labour Capital of Medical Workers (Based on the Materials of the Republic Tatarstan) // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC. November 2016. Special Edition. P. 2812–2816.
- ⁴ См.: Корчагин Ю. А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? Воронеж: ЦИРЭ, 2005.
- ⁵ См.: Аберкомби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Указ. соч.
- ⁶ См.: Кузьмина Н. Г. Формирование и использование человеческого капитала на региональном уровне (на примере Еврейской автономной области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2007.
- ⁷ См.: Дубянская Г. Ю. Экономико-статистический анализ заработной платы в России. 1991–2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.
- ⁸ См.: Хайруллина Ю. Р., Хайруллин Р. Р. Идентификационный портрет населения Республики Татарстан: роль социальных институтов и особенности социализации личности в постсоветской России (на материалах КСИ 1990-х – 2014 гг. Казань: ООО «Офсет-Сервис», 2015.
- ⁹ См.: Об областном бюджете Ульяновской области на 2016 год // Губернатор и Правительство Ульяновской области: [сайт]. URL: <https://ulgov.ru> (дата обращения: 17.05.2017).
- ¹⁰ См.: Носкова К. А., Носкова С. В. Влияние индивидуального человеческого капитала на формирование регионального человеческого капитала // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 11. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/11/6337> (дата обращения: 06.04.2017).
- ¹¹ См.: Хайруллина Ю. Р., Габдуллина Э. Н., Гарипова Р. Р. Непрерывное образование как фактор формирования человеческого капитала в современной социально-экономической среде энергетического кластера Республики Татарстан. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2016.
- ¹² См.: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ) // Президент Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 06.04.2017).

Образец для цитирования:

Княгинина К. И., Хайруллина Ю. Р. Специфика становления человеческого капитала на региональном уровне (на примере Ульяновской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 387–390. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-387-390.

Cite this article as:

Knyaginina K. I., Khairullina Yu. R. The Specificity of the Formation of Human Capital at the Regional Level (On the Example of Ulyanovsk Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 387–390 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-387-390.

УДК 316:61

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ДЕТЕЙ-СИРОТ В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ: ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ КАК ОСНОВА ВЫБОРА СТРАТЕГИИ РЕАБИЛИТАЦИИ

М. С. Дубровина, В. М. Чижова, И. Л. Кром

Дубровина Мария Сергеевна, аспирант кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины), Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, dubrovinams@gmail.com

Чижова Валерия Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной работы, Волгоградский государственный медицинский университет, chijova@inbox.ru

Кром Ирина Львовна, доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины), Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, KromIL@km.ru

В статье приводятся результаты исследования, посвященного разработке параметров медико-социальной помощи детям-сиротам. Реабилитация рассматривается авторами в контексте коррекции нарушений показателей качества жизни, на величину которых оказывают влияние соматические ограничения и социальное сиротство. Установленная в ходе проведенного исследования статистическая зависимость показателей качества жизни от болезни и эффективности социализации позволяет объективизировать разработку стратегий реабилитации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: социальное сиротство, качество жизни в отношении здоровья, медико-социальная реабилитация, стратегии реабилитации.

A Sociological Analysis of Quality of Life Orphans in a Situation of Illness: Quality of Life Indicators as the Basis of a Choice of Strategy of Rehabilitation

M. S. Dubrovina, V. M. Chizhova, I. L. Krom

Mariya S. Dubrovina, ORCID 0000-0003-4770-7911, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112, Bolshaya Kazachia Str., Saratov, 410012, Russia, dubrovinams@gmail.com

Valeria M. Chizhova, ORCID 0000-0002-4344-3958, Volgograd State Medical University, 1, Pavshikh Bortsov Sq., Volgograd, 400131, Russia, chijova@inbox.ru

Irina L. Krom, ORCID 0000-0003-1355-5163, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112, Bolshaya Kazachia Str., Saratov, 410012, Russia, KromIL@km.ru

The article presents the results of a study on the design of medico-social assistance to children-orphan. Rehabilitation is viewed in the context of correction of infringements of indicators of quality of life, the value of which is influenced by physical constraints and social orphanhood. Established in the course of the study the statistical relationship between indicators of quality of life from disease and the

effectiveness of socialization allows to objectify the development of strategies of rehabilitation of children-orphan, children left without parental care.

Key words: social orphanhood, quality of life in health, medical and social rehabilitation, strategy rehabilitation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-391-393

Одной из актуальных проблем в современной России является социальное сиротство. Сохраняющаяся в стране тенденция увеличения числа социальных сирот, в том числе в ситуации болезни, требует разработки медико-социальных стратегий их реабилитации.

Дети, поступающие в сиротские учреждения, как правило, нежеланные, с отягощенным социально-соматическим анамнезом, большинство имеют неблагоприятный фон для формирования здоровья: алкоголизм родителей, психоневрологические заболевания, ранний возраст матери, осложнения внутриутробного развития, заболевания периода новорожденности¹. Кроме того, факт нахождения ребенка в сиротском учреждении, вне семьи, и взросление в условиях интернатного учреждения рассматривается как одна из причин формирования у него проблем социализации: негативному влиянию подвергается не только физическое, но и психологическое, эмоциональное, социальное благополучие детей-сирот, детей оставшихся без попечения родителей².

Состояние здоровья детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, определяет спектр и выраженность их социальных и медицинских проблем, оказывает влияние на качество их жизни и перспективы жизненного маршрута³. Учитывая отягощенный анамнез, дети-сироты могут болеть чаще и выздоравливать труднее, могут иметь осложнения, причем даже отдаленные во времени. Поэтому в нашей работе мы обратились к социологическому анализу качества жизни детей-сирот именно в ситуации болезни. Показатели качества жизни больного ребенка являются основой для выбора соответствующей стратегии медико-социальной реабилитации. Они представляют собой индикаторы, указывающие на величину соматических, психических и социальных нарушений. Эффективность медико-социальной реабилитации зависит от того, насколько учитываются индивидуальные показатели качества жизни, а процесс медико-социальной реабилитации направлен на приведение их к норме.

В Центре медико-социологических исследований с 2013 г. проводится исследование качества жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В исследование включены на основе случайной выборки 354 респондента в возрасте от 14 до 18 лет (160 мужского пола и 194 – женского). В выборку входили подростки четырех групп:

- здоровые подростки, проживающие в семьях (82 респондента);
- здоровые подростки – социальные сироты (91 респондент);
- подростки, проживающие в семьях, больные сахарным диабетом (97 респондентов);
- подростки – социальные сироты, больные сахарным диабетом (84 респондента).

Исследование качества жизни проводилось с использованием международного опросника WHOQOL-100 (ВОЗ КЖ-100). Он является субъективной мерой благополучия респондентов и их удовлетворенности условиями своей жизни, имеет модульную структуру. С помощью опросника осуществляется оценка шести крупных сфер качества жизни: физические функции, психологические функции, уровень независимости, социальные отношения, окружающая среда и духовная сфера. Внутри каждой из сфер выделяется несколько составляющих ее субсфер⁴.

Статистическая достоверность различия средних показателей качества жизни групп респондентов определялась по непараметрическому критерию Манна–Уитни. Различие считалось статистически значимым при $p < 0,05$. При подготовке данных к математической обработке выявлялись и устранялись ошибочные значения, выходящие за пределы системы баллов. Пропущенные значения обрабатывались согласно методике, предложенной в опроснике ВОЗ КЖ-100.

Проведенный анализ средних показателей качества жизни в группе клинически здоровых респондентов позволил выявить показатели, средние значения которых значимо ($p < 0,01$ – $p < 0,05$) различаются в группе детей-сирот и детей, проживающих в семьях.

Статистически значимое различие средних значений показателей в большинстве субсфер опросника при анализе качества жизни клинически здоровых респондентов (детей-сирот и детей, проживающих в семьях) связано с влиянием социального сиротства и социально детерминировано.

В статистически значимое различие средних значений показателей качества жизни у больных и здоровых респондентов могут внести вклад как соматически детерминированные, так и социально детерминированные составляющие. Если при сравнении средних значений показателя качества жизни у больных детей-сирот и детей, проживающих в семьях, отсутствуют значимые различия, то различия общих показателей качества жизни социально детерминированы.

Статистически значимое различие средних значений практически по всем субсферам: F1 «Боль и дискомфорт», F2 «Жизненная активность, энергия и усталость», F3 «Сон и отдых», F4 «Положительные эмоции», F5 «Мышление, обучаемость, память и концентрация», F6 «Самооценка», F7 «Образ тела и внешность», F8 «Отрицательные эмоции», F9 «Подвижность», F10 «Способность выполнять повседневные дела», F11 «Зависимость от лекарств и лечения», F12 «Способность к работе», F13 «Личные отношения», F14 «Практическая социальная поддержка», F17 «Окружающая среда дома», F18 «Финансовые ресурсы», F19 «Медицинская и социальная помощь (доступность и качество)», F20 «Возможности для приобретения новой информации и навыков», F21 «Возможности для отдыха и развлечений и их использование», F22 «Окружающая среда вокруг (загрязненность / шум / климат / привлекательность)», F23 «Транспорт», F24 «Духовность / религия / личные убеждения» – при анализе качества жизни клинически здоровых и больных респондентов, а также респондентов, проживающих в семьях и лишенных родительского попечения, связано с влиянием болезни и неэффективной социализацией.

При исследовании качества жизни детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, проблемы респондентов выявлены нами во всех сферах по сравнению с детьми, проживающими в семьях.

При проведении исследования было установлено, что средние показатели качества жизни детей-сирот в ситуации болезни в большинстве субсфер опросника достоверно ниже, чем в контрольной группе.

Статистически значимое различие средних значений показателей качества жизни при анализе качества жизни респондентов (детей-сирот и детей, проживающих в семьях) в ситуации болезни связано с влиянием болезни и социального сиротства, соматически и социально детерминировано.

Реабилитация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ситуации болезни включает в себя сочетание медицинской и социальной помощи, направленной на компенсацию (или восстановление) нарушенных или утраченных функций организма и социализацию детей-сирот, их медико-социальную реабилитацию и интеграцию⁵. Основное содержание социальной помощи, направленной на формирование социального благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, заключается в защите их прав, социальном устройстве, медико-социальной реабилитации и адаптации⁶.

Однако в настоящее время сохраняется формальный подход к адаптации и социализации детей-сирот, что усугубляет их социальные

депривации⁷. Но дело не только в этом. Во многих городах России детские интернатные учреждения начинают работу по «семейному» типу. Это весьма эффективная и уже подтвержденная стратегия, но введение ее сопряжено с организационными и прежде всего с финансовыми трудностями.

Реабилитация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ситуации болезни предполагает коррекцию нарушений показателей качества жизни, на величину которых оказывают влияние соматические ограничения и нарушения социализации. Установленная в ходе проведенного исследования статистическая зависимость показателей качества жизни от болезни и эффективности социализации позволяет объективизировать разработку стратегий реабилитации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей.

Исследования, выполняемые авторами в Центре медико-социологических исследований г. Саратова, доказывают возможность объективизации стратегий реабилитации и формирования системы персонифицируемой медицинской и социальной помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Примечания

- ¹ См.: *Ножнинова О. В.* Состояние здоровья и организация медико-социальной помощи детям-сиротам и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации : дис. ... канд. мед. наук. М., 2009.
- ² См.: *Присяжная Н. В.* Влияние внесемейной социализации на социальное поведение и специфику постинтернатной адаптации сирот // *Социология медицины.* 2012. № 1. С 13–17.
- ³ См.: *Ножнинова О. В.* Указ. соч.
- ⁴ См.: *Диагностика здоровья : психологический практикум / под ред. Г. С. Никифорова.* СПб. : Речь, 2007. С. 454–484.
- ⁵ См.: *Ахтямова О. В.* Социальный портрет сирот // *Казанский медицинский журнал.* 2004. Т. 85, № 2. С. 146–148.
- ⁶ См.: *Дулинова Л. Т.* Социальная реабилитация безнадзорных детей и подростков в современной России : социологический аспект : дис. ... канд. социол. наук. М., 2000.
- ⁷ См.: *Осипова И. И.* Система предотвращения социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних // *Ориентиры партнерства. Информационно-методический бюллетень. Спец. вып. М. : Центр «Социальное партнерство», 2008. С. 25–27.*

Образец для цитирования:

Дубровина М. С., Чижова В. М., Кром И. Л. Социологический анализ качества жизни детей-сирот в ситуации болезни: показатели качества жизни как основа выбора стратегии реабилитации // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2017. Т. 17, вып. 4. С. 391–393. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-391-393.

Cite this article as:

Dubrovina M. S., Chizhova V. M., Krom I. L. A Sociological Analysis of Quality of Life Orphans in a Situation of Illness: Quality of Life Indicators as the Basis of a Choice of Strategy of Rehabilitation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology,* 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 391–393 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-391-393.

УДК 316.344.23

ПРОСТРАНСТВЕННО-ФИЗИЧЕСКАЯ ДЕПРИВАЦИЯ РОССИЯН: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ

К. В. Мохнаткина

Мохнаткина Ксения Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kse339@yandex.ru

В статье по результатам эмпирического социологического исследования проведен кластерный анализ жилищных условий россиян и выявлено 4 степени пространственной физической депривации. Определена взаимосвязь экономической депривации и плотности заселения респондентов и раскрыт кумулятивный эффект их взаимосвязи. Уточнено влияние типа поселения на условия проживания россиян: чем крупнее населенный пункт, тем больше в нем средnezаселенного жилья, т. е. больше значительно депривированных в плане физического пространства.

Ключевые слова: депривация, физически-пространственная депривация, плотность заселения жилья.

Spatial and Physical Deprivation of Russians: Cluster Analysis

K. V. Mohnatkina

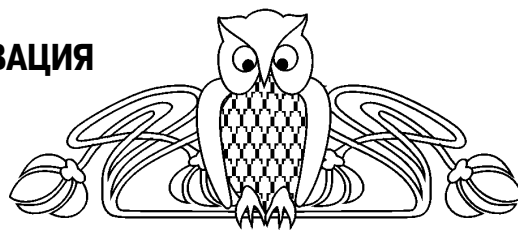
Kseniya V. Mohnatkina, ORCID 0000-0003-0640-8704, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kse339@yandex.ru

Article based on the results of empirical sociological research conducted a cluster analysis of housing conditions and revealed the extent of spatial 4 physical deprivation. Defined the relationship of economic deprivation and densities of respondents and revealed the cumulative effect of their relationship. Clarified the type of settlement on the living conditions of Russians: the larger the locality is, the more it medium populated housing, that is, more significantly deprived in terms of physical space.

Key words: deprivation, physically and spatial deprivation, housing density.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-394-399

В СССР в период планомерного строительства социально однородного общества различия между «рядовыми» гражданами были невелики. Доминировали идеологические установки «быть как все», «быть не хуже других». Эти установки действуют и сегодня, в условиях продолжающихся социально-экономических реформ, экономического кризиса, растущей социальной дифференциации и связанных с этим издержек в уровне жизни россиян. Однако в реальности большинство россиян в той или иной степени подвергаются депривации, которая нередко порождает ощущение своей обездоленности, по сравнению с другими категориями населения.

Под депривацией понимается состояние, когда субъект не имеет возможности удовлетворять некоторые свои основные (жизненные) потребности в достаточной мере в течение длительного времени. Оно может быть осознанным и сопровождаться пониманием причин такого состояния, а может быть неосознанным. Однако и в том и в другом случае оно может сопровождаться целым рядом негативных последствий и девиаций – от пассивной депрессии до активной агрессии представителей различных слоев россиян, ростом социальной напряженности. Исходя из этого, важно социологически отслеживать, мониторить степень распространенности этого явления, его причины, дабы оценить его масштабы, вовремя принимать меры по нейтрализации и сокращению его последствий.

Исходя из этого, в 2015–2016 гг. было проведено социологическое исследование степени депривированности россиян. В ходе исследования по комплексной квотной стратифицированной, территориальной выборке было опрошено 850 респондентов, из которых 65,3% составляли мужчины, 34,7% женщины. Значительная часть респондентов – в возрасте от 30 до 40 лет (25,1%), 1,2% респондентов находятся в группе лиц моложе 18 лет и 1,6% опрошенных старше 70 лет.

Следуя необходимости теоретической интерпретации депривации и в зависимости от причин и сфер проявления было условно выделено пять ее типов: физическая, экономическая, этическая, психическая, социальная (в узком смысле). Физическая депривация выражается в недостатке света, тишины или звуков, свободы передвижения или бездельности.

Для уточнения физической депривации важно было уточнить жилищные условия россиян. У 35,9% респондентов имеется собственная квартира, у 29,4% – собственный дом, у 16,8% – муниципальное жилье. Однако у 14,5% ответивших на вопрос жилищные условия неудовлетворительные – это либо комната в коммунальной квартире, либо комната в квартире родственников, либо съемное (арендованное) жилье, что может расцениваться как пространственная (физическая) депривация. Более того, 3,4% опрошенных либо не имеют определенного места жительства, либо проживают в доме престарелых. Здесь уже имеет место не просто физическая депривация, а ее эксклюзивная степень.

Для детализации пространственных характеристик жилья был сформирован индикатор плотности проживания, когда респонденты указывали на число лиц, с которыми у них совместное проживание. Кластерный анализ позволил сгруппировать и выделить три кластера по степени сходства характеристики. Тех, кто проживает в одиночестве, вдвоем или втроем, мы отнесли к малонаселенной плотности проживания. Их оказалось большинство – 67%. Те, с кем совместно проживают 4–6 человек, были отнесены к группе с плотным заселением (24%). Те, с кем проживают совместно 7–10 человек, составили группу интенсивно заселенных (9%). Иными словами, почти треть опрошенных (31%) оказались значительно депривированными в плане физического пространства и еще 1,4% – эксклюзивно депривированными в данном контексте (бомжи и жильцы дома престарелых).

Сопоставив эти данные с характером жилья (табл. 1), видим, что собственные квартиры и комнаты в коммунальной квартире чаще оказываются плотно заселенными, т. е. имеет место физическая депривация. Аренднованное жилье чаще других оказывается интенсивно заселенным, что демонстрирует высокую степень пространственно-физической депривации. Среди частных домов выделились два полярных типа: 32% оказались малонаселенными и чуть больше, 36%, – перенаселенными. В последнем случае также, видимо, имеет место значительная фи-

зическая депривация. К значительно депривированным в плане жилья категориям населения можно отнести также 14% опрошенных, живущих в коммуналках или на съемных квартирах.

Соотнесение кластеров жилья с типом населенных пунктов (табл. 2) показало, что большинство малодепривированных респондентов в плане жилья достаточно равномерно распределены во всех типах населенных пунктов. Однако плотно заселенных больше в областных городах (26%), районных центрах (25%). Несколько меньше их в поселках городского типа (21%) и в селах (19%). Иными словами, чем крупнее населенный пункт, тем больше в нем средnezаселенного жилья, т. е. больше значительно депривированных в плане физического пространства.

И наоборот, перенаселенное жилье чаще встречается в селах (14%), в поселках городского типа и в районных центрах (по 9%) и реже – в областных городах (6%). Чем меньше населенный пункт, тем больше в нем доля глубоко депривированных людей с высокой плотностью заселения. Причем различия между областным городом и селом – более, чем в 2 раза.

Если посмотреть на различия между регионами (областями) (табл. 3), то увидим, что больше всего доля слабо депривированных в жилье респондентов с малочисленным заселением до 3 человек проживает в Ленинградской области (74% при средневыборочной 68%), Мурманской

Таблица 1

Жилищные условия семьи опрошенных, % по плотности заселения

Жилищные условия семьи	Кластерный номер наблюдения			По выборке
	малозаселенные	плотно заселенные	интенсивно заселенные	
Собственная квартира	35	43	23	36
Государственная (муниципальная) квартира	17	16	16	17
Частный дом	32	20	36	29
Съемная квартира, дом, часть дома	4	7	11	5
Комната в коммунальной квартире	7	8	7	7
Комната в квартире родственников	2	3	–	2
Не имею определенного места жительства	3	3	7	4
Дом престарелых	–	1	–	0
Итого	100	100	100	100

Таблица 2

Жилищные условия россиян, опрошенных в различных типах поселений, % по типам поселений

Кластеры жилья	Тип населенного пункта					Итого
	областной город	районный центр	поселок городского типа	село	деревня	
Малозаселенные	68	65	69	67	100	68
Плотно заселенные	26	25	21	19	–	24
Интенсивно заселенные	6	9	9	14	–	9
Итого	100	100	100	100	100	100

Таблица 3

Региональные различия в плотности заселения респондентов, % по каждой области (региону)

Область проживания респондента	Кластеры жилья			Итого
	малозаселенные	плотно заселенные	интенсивно заселенные	
Саратовская	63	25	11	100
Ульяновская	67	23	9	100
Республика Татарстан	68	24	7	100
Ленинградская	74	21	5	100
Ростовская	68	25	7	100
Мурманская	70	30	–	100
Республика Башкирия	70	19	11	100
По выборке	68	23	9	100

области и Башкирии (по 70%), меньше всего в Саратовской области (63%). Значительно депривированных с плотностью заселения 4–6 человек больше всего проживает в Мурманской (30% против 23% по выборке), Саратовской, Ростовской областях (по 25%) и в Татарстане (24%). Выше других доля глубоко депривированных респондентов с плотностью заселения 6–10 человек – в Саратовской области и Башкирии (по 11% против 9% по выборке).

В каждой из рассматриваемых областей самой значительной категорией населения (по условиям проживания) являются владельцы собственных квартир (табл. 4). Особенно это касается Ленинградской области (43,2%). Реже других они встречались только в Саратовской и Ростовской областях (соответственно 30,8 и 29,0% против 35,9% в среднем по выборке). В государственных и муниципальных квартирах чаще других проживают в Ленинградской области и Башкирии (соответственно 30,8 и 29,0% против 35,9% по выборке в целом). Доля лиц, проживающих в частных домах, больше в Ро-

стовской, Саратовской и Ульяновской областях (соответственно 44,0, 37,8 и 37,7% против 29,4% по выборке). В коммунальной квартире чаще живут жители Мурманской и Ленинградской областей (19,6 и 15,9% против 7,1% по выборке). В арендованном жилье чаще других обитают в Ленинградской области и Башкирии (6,8 и 6,3% против 5,2% по выборке в целом). У родственников чаще проживают в Саратовской области и в Башкирии (соответственно 3,5 и 3,1% против 2,2% по выборке в целом).

Лица без определенного места жительства больше всего представлены в Мурманской области, где их доля в выборке составила 19,6% (против 3,2% в среднем по выборке), что, вероятно, связано со значительной долей лиц, работающих вахтовым методом и остающихся жить по месту работы без прописки. На втором месте – Башкирия (3,1%), на третьем – Ленинградская область (2,3%), далее идут Саратовская, Ростовская области (соответственно 2,1 и 2,0%). Меньше всего их зафиксировано в Ульяновской области и Татарстане (по 0,8%).

Таблица 4

Региональные различия в жилищных условиях респондентов, % по каждой области (региону)

Жилищные условия семьи	Область проживания респондента							Итого
	Саратовская	Ульяновская	Республика Татарстан	Ленинградская	Ростовская	Мурманская	Республика Башкирия	
Собственная квартира	30,8	39,2	39,5	43,2	29,0	39,3	36,3	35,9
Государственная (муниципальная) квартира	14,0	12,3	16,9	22,7	16,0	16,1	20,6	16,8
Частный дом	37,8	37,7	29,0	6,8	44,0	–	24,2	29,4
Комната в коммунальной квартире	7,0	4,6	5,6	15,9	3,0	19,6	6,3	7,1
Съемная квартира, дом, часть дома	4,9	3,1	7,3	6,8	4,0	3,6	6,3	5,2
Комната в квартире родственников	3,5	2,3	–	–	2,0	1,8	3,1	2,2
Не имею определенного места жительства	2,1	0,8	0,8	2,3	2,0	19,6	3,1	3,2
Дом престарелых	–	–	0,8	2,3	–	–	–	0,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Из домов престарелых в выборку попали лишь жители Ленинградской области (2,3%) и Татарстана (0,8%). Лица без определенного места жительства и обитатели домов престарелых и составили 3,2% лиц, отнесенных к категории эксклюзивно депривированной в пространственно-физическом контексте категории населения.

Перекрестный анализ жилищных условий и степени экономической депривированности через потребительские возможности (табл. 5) показал, что в обнищавших семьях, где денег не хватает даже на питание, или в бедных, где есть проблемы с одеждой, большинство (соответственно 73,7 и 73,4%) живут в малозаселенном жилье. Однако 20,2% нищих и 23,1% бедных живут в плотно населенном жилье. 6,1% нищих (самый высокий показатель) и 3,5% бедных живут в интенсивно заселенном жилье. Иными словами, здесь на эксклюзивно глубокую и значительную экономическую депривацию накладывается значимая и сильная физически-пространственная депривация. Среди тех, у кого доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать займ, чуть меньше таких, кто мало испытывает пространственно-жилищную депривацию (61,6%), но больше тех, кто испытывает ее в значительной степени (33,5% живут в плотно населенном жилье) и сильной степени (4,9% живут в перенаселенном жилье).

Среди малообеспеченных, т. е. тех, у кого доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать займ, еще меньше доля имеющих малозаселенное жилье (61,6%), однако каждый третий, 33,5%, живет в плотно населенном и 4,9% – в перенаселенном жилье.

Среди тех, кого мы отнесли к среднеобеспеченным, которые могут позволить себе без труда покупать вещи длительного пользования, еще меньше доля тех, кто живет в малозаселенном жилье (59,3%), но выше доля живущих в плотно заселенном жилье (36,7%). В перена-

селенном жилье среди таковых живут 4,1%. Таким образом, для нищих, бедных, малообеспеченных и среднеобеспеченных категорий населения действует тенденция – чем выше экономическая депривация, тем больше малозаселенного и максимально депривированного жилищного пространства они имеют, но меньше значительно депривированного жилья. Среди состоятельных и богатых категорий опрошенных, наоборот, чем выше уровень достатка, тем больше малозаселенного жилья, меньше плотно заселенного жилищного пространства. Эти две тенденции снижают возможности корреляционного анализа, который, тем не менее, показал, что коэффициент сопряженности признаков значим на уровне 0,441 (при приближительной значимости 0,000).

Это подтверждают и данные табл. 6, демонстрируя сопряженность признаков экономической депривации и характера жилищных условий, которая наглядно показывает, что чем меньше уровень экономической депривации, тем чаще люди живут в собственных частных квартирах и домах. Чем выше экономическая депривация, тем чаще респонденты указывают на то, что они живут в арендованном или коммунальном жилье, у родственников. Крайняя степень нищеты (эксклюзивная экономическая депривация) сопрягается с тем, что респонденты оказываются в доме престарелых и даже вообще без определенного места жительства. Исключение из этой тенденции составляет ситуация с государственными, муниципальными квартирами, в которых чаще других живут бедные категории населения, что, вероятно, отчасти сопряжено с отголосками прежних ситуаций с жильем, доставшимся еще в советский период жизнедеятельности населения.

Крайней степенью физической депривации является пребывание респондента в исправительно-трудовых учреждениях. В нашу выборку попали 18,2% людей, побывавших там. Анализ показал, что большинство из них пополнили кластеры нищих и бедных.

Таблица 5

Плотность заселения россиян различных категорий экономической депривации, % по категориям депривации

Категории экономической депривации	Плотность проживания			Итого
	малозаселенные	плотно заселенные	интенсивно заселенные	
Нищие	73,7	20,2	6,1	100,0
Бедные	73,4	23,1	3,5	100,0
Малообеспеченные	61,6	33,5	4,9	100,0
Среднеобеспеченные	59,2	36,7	4,1	100,0
Состоятельные	67,3	28,8	3,8	100,0
Богатые	69,2	30,8	–	100,0
Нет ответа	70,0	30,0	–	100,0
Итого	66,9	28,7	4,4	100,0

Таблица 6

Жилищные условия россиян различных категорий экономической депривации, % по категориям депривации

Жилищные условия семьи	Категории экономической депривации							Итого
	нищие	бедные	малообеспеченные	среднеобеспеченные	состоятельные	богатые	нет ответа	
Собственная квартира	18,3	30,0	41,3	41,7	55,8	46,2	22,2	36,1
Государственная (муниципальная) квартира	17,2	22,5	16,4	10,4	9,6	7,7	11,1	17,2
Частный дом	36,6	30,0	26,4	33,3	17,3	38,5	55,6	29,0
Съемная квартира, дом, часть дома	3,2	4,8	4,7	10,4	7,7	–	11,1	5,1
Комната в коммунальной квартире	12,9	6,2	7,6	2,1	3,8	7,7	–	7,2
Комната в квартире родственников	2,2	3,1	2,1	2,1	–	–	–	2,2
Не имею определенного места жительства	8,6	3,1	1,5	–	5,8	–	–	2,9
Дом престарелых	1,1	0,4	–	–	–	–	–	0,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Так, если в категорию нищих в среднем по выборке попали 13,1% опрошенных, то среди имеющих одну судимость таковых 13,8%, с двумя-тремя судимостями – 18,2%. Среди тех, кто имеет больше трех судимостей, таковых каждый четвертый (25%). В категорию бедных попали 34,5% имеющих одну судимость, еще больше (39,4%) – с двумя-тремя судимостями, (хотя в среднем по выборке 28,7%). Даже в разряд малообеспеченных эти респонденты попадали реже тех, кто судимостей не имел. Таким образом, пребывание респондента в исправительно-трудовых учреждениях, их временная пространственно-физическая депривация способствует их экономической депривации. Причем чем больше количество судимостей, тем чаще они попадают в категорию эксклюзивно депривированной части населения, воспроизводящую саму себя.

Чем больше срок заключения, тем чаще осужденные теряют потом государственное или частное жилье; 13,9% вынуждены обитать после освобождения в съемном жилище, в коммунальной квартире, у родственников. В целом среди граждан с судимостями 11,8% оказываются в доме престарелых или на улице. Если срок наказания был до 1 года, на улице потом оказываются 9,4%. Если срок до 14 лет, то среди них в два раза увеличивается доля тех, кто оказывается без какого-либо жилья (18,8%) (табл. 7). Чем больше срок, тем чаще осужденные оказываются после освобождения без определенного места жительства, т. е. в состоянии эксклюзивной пространственно-физической депривации. Это не дает им шанса на возвращение к нормальной жизнедеятельности, провоцирует на последующее делинквентное поведение и правонарушения, еще

Таблица 7

Жилищные условия респондентов, имеющих судимости, % по категориям судимости

Жилищные условия	Общий срок пребывания в ИТУ					По выборке
	до 1 года	от 1 до 4 лет	от 5 до 9 лет	от 10 до 14 лет	более 15 лет	
Собственная квартира	28,1	34,0	33,3	37,5	57,1	34,0
Государственная (муниципальная) квартира	18,8	15,1	19,4	12,5	–	16,0
Частный дом	25,0	18,9	27,8	25,0	42,9	24,3
Съемная квартира, дом, часть дома	3,1	5,7	–	–	–	2,8
Комната в коммунальной квартире	9,4	15,1	–	6,3	–	8,3
Комната в квартире родственников	6,3	3,8	–	–	–	2,8
Не имею определенного места жительства	9,4	7,5	16,7	18,8	–	11,1
Дом престарелых	–	–	2,8	–	–	0,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

более дестабилизируя правовое экологическое пространство россиян.

Таким образом, по результатам анализа и критериям плотности заселения и характеру жилья выявлены и рассмотрены четыре степени пространственно-физической депривации:

1) относительная депривация (56,2% опрошенных), к которой отнесены большинство россиян, проживающих совместно в количестве не более 3 человек в государственной, собственной квартирах или частном доме, испытывая минимум неудобств в уровне комфортности;

2) значимая депривация (27,8%), к которой были отнесены лица, проживающие в составе не более 3 человек в арендуемом жилье (8,9%), и

лица, проживающие в собственном или государственном жилье в составе 4–6 человек (18,9%);

3) глубокая (острая) депривация (12,2%), к которой были отнесены лица, проживающие в арендуемом жилье в составе 4–10 человек (5,6%), проживающие в частном доме, государственной или собственной квартире в составе 7–10 человек (6,6%);

4) эксклюзивная депривация (3,8%), к которой отнесены лица в ситуации безнадежности (бомжи и жильцы дома престарелых).

Это важно учитывать при реализации социальной политики и в процессе адресной помощи гражданам, наиболее обездоленным в физически-пространственном контексте.

Образец для цитирования:

Мохнаткина К. В. Пространственно-физическая депривация россиян: кластерный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 394–399. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-394-399.

Cite this article as:

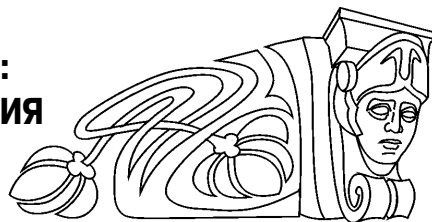
Mohnatkina K. V. Spatial and Physical Deprivation of Russians: Cluster Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 394–399 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-394-399.

УДК 316.334.22 (470.44)

СОВРЕМЕННЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА: СОСТОЯНИЕ И СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (на примере Саратовской области)

Е. Е. Немерюк

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

В статье рассматриваются состояние и специфика функционирования современного регионального рынка труда на примере Саратовской области. Обращается внимание на то, что региональный рынок труда, аналогично российскому, находится на стадии своего становления и в полной мере еще не сформировался. Состояние и общее положение занятости на российском рынке труда в целом напрямую зависит от состояния и функционирования региональных рынков труда, поскольку его становление осуществляется преимущественно на региональном уровне.

Ключевые слова: регион, рынок труда, безработица, занятость, образование, работодатель, персонал.

The Modern Regional Labor Market: Current Status and Specifics of Functioning (On the Example of Saratov Region)

Е. Е. Nemeryuk

Evgeniya E. Nemeryuk, ORCID 0000-0002-0866-2661, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

The article discusses the condition and the specificity of the functioning of a modern regional labour market on the example of Saratov region. Draws attention to the fact that regional labor market similar to the Russian labor market is at the stage of its formation and fully formed. The condition and General situation of employment in the Russian labor market in General depends on the condition and functioning of regional labour markets, since its formation occurs mainly at the regional level.

Key words: region, labor market, unemployment, employment, education, employer, employees.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-400-404

В российской действительности значимой составляющей рынка труда является его региональная доминанта, поскольку формирование и развитие рыночных отношений в нашей стране осуществляется в условиях значительного перепада региональных уровней хозяйственного развития и производительности труда, различий в национально-культурных традициях, природно-климатических условиях, технико-экономическом потенциале и, самое главное, в трудовом потенциале регионов.

Высокую занятость в России обеспечивает «ценовая подстройка», однако она влечет и не-

стабильные зарплаты, и значительное неравенство. По мнению директора Центра трудовых исследований ВШЭ Владимира Гимпельсона, в России за 25 лет сложилась, укрепилась специфическая модель рынка труда, в рамках которой адаптация происходит преимущественно за счет ценовой подстройки. Это происходит и в кризис, и на этапе роста. В основе специфической модели лежит определенная конфигурация институтов: МРОТ, пособие по безработице, трудовое законодательство, «двухъярусная зарплата», и эта система институтов обеспечивает высокую занятость и низкую безработицу почти автоматически, но ценой нестабильных зарплат и значительного неравенства, она не стимулирует создания новых рабочих мест¹.

Таким образом, ключевая особенность российской системы состоит в том, что приспособление рынка труда к колебаниям экономической конъюнктуры происходит, главным образом, за счет изменений стоимости труда, а не за счет изменений в занятости и безработице. Такая модель рынка сильно отличается от того, что считается нормой в ряде других стран.

Иными словами, когда в других странах случается экономический кризис, политики и экономисты с ужасом смотрят, как падает занятость и вследствие этого растут показатели безработицы. В России ничего подобного не случается – здесь режут, задерживают и даже не выплачивают зарплаты, но не пытаются увольнять.

По мнению экспертов, у формулы «стабильно высокая занятость – низкая безработица» есть своя цена, это сильные колебания в заработной плате. Однако это не означает гибкости формулы. По динамике заработной платы можно проследить все шоки, с которыми сталкивалась российская экономика, ведь именно заработная плата брала на себя все «удары судьбы» – практически мгновенно реагировала на любые, даже незначительные изменения в рыночных условиях.

По мнению В. Гимпельсона, вызовами для российского рынка труда являются сокращение числа молодежи, консервация низкой производительности труда и доли малооплачиваемых рабочих мест. Он полагает, что если говорить о вызовах, то прежде всего это демография, не просто сокращение численности занятых, но значительное сокращение численности молодежных групп, медленные темпы создания рабочих мест,

что ведет, соответственно, к замедлению модернизации и консервации низкой производительности труда, а также значительной доли «плохих» рабочих мест, отсутствию профессионального переобучения, что особенно заметно, когда мы смотрим на работников в старших возрастах².

Треть всех безработных на российском рынке труда ищут работу год и более – и шансы остаться безработным на такой срок, по мнению экспертов Высшей школы экономики, растут с возрастом и уровнем образования. Незначительное влияние на время поиска работы может оказывать и семейное положение, но сам по себе пол на показатели застойной безработицы не влияет.

Шансы искать работу более года на российском рынке труда увеличивают возраст и наличие высшего образования. Сейчас, по оценке Росстата, из 4,2 млн безработных россиян 31% ищут работу более года. Среди безработных на селе таковых было 37,5%, среди безработных городских жителей – 26,9%. Менее месяца работу искали 9,1%, от одного до трех месяцев – 19,9%. При этом средняя продолжительность поиска работы безработными у женщин составила 7,8 месяца, у мужчин – 7,6 месяца. Пол практически не влияет на вероятность оказаться в числе безработных на длительное время. При этом значимым становится фактор возраста – чем человек старше, тем больше он не может найти вакансию и тем выше опасность попасть в число длительно безработных. Для женщин вероятность долгой незанятости растет с возрастом до 42–45 лет, а затем несколько снижается, для мужчин, наоборот, снижается до 39–44 лет и повышается после.

Начиная с 2010 г. на поиск работы начинает негативно влиять фактор образования – безработные с высшим образованием не могут найти работу дольше, чем безработные со средним и средним специальным образованием. Эта тенденция характерна для регионов – в крупных городах больше рабочих мест для лиц с высшим образованием³.

Согласно результатам исследования Kelly Global Workforce Index (KGWI), проведенного международным рекрутинговым агентством Kelly Services, российские кандидаты, родившиеся до 1964 г., так называемые бэби-бумеры, чувствуют себя востребованными на рынке труда и готовы продолжить работу в режиме гибкого рабочего графика или частичной занятости.

Согласно результатам исследования, в котором приняли участие 164 000 респондентов из 28 стран, включая 12 760 человек из России, бэби-бумеры в России и странах Европы считают себя достаточно востребованными на рынке труда (63% респондентов в России и 60% в Европе подтвердили это). Что же касается молодого поколения Y (родились с 1980 по 1999 г.), то, по сравнению с Европой, наши молодые специалисты гораздо более уверены в своей востребованности на рынке труда – 82% против 67%⁴.

Несмотря на чувство собственной востребованности, многие представители старшего поколения испытывают неуверенность в будущем трудоустройстве. Только 40% бэби-бумеров в России считают, что при необходимости смогут найти аналогичную или лучше предыдущей работу, в странах Европы доля таких сотрудников составляет 49%.

Работники этой возрастной категории считают возраст одной из главных причин, по которым им будет тяжело вновь найти новую работу в случае потери текущей. Эксперты Kelly Services полагают, что у российских бэби-бумеров есть веские причины для беспокойства о перспективах своего будущего трудоустройства: помимо проявлений дискриминации по возрастному принципу, привлечение и удержание представителей старшего поколения не вписывается в HR-стратегию большинства компаний, в отличие от представителей поколения Y, над привлечением которых в компаниях иногда работают целые отделы.

Именно поэтому российские представители поколения Y чувствуют себя более уверенно в перспективах будущего трудоустройства (57%) не только по сравнению с представителями старшего поколения, но и с представителями поколения Y в странах Европы (53%).

Между тем поиск работы для бэби-бумеров может быть осложнен не только вследствие существования возрастной дискриминации. Низкие шансы на трудоустройство работников старшего поколения зачастую связаны с их отношением к более молодым коллегам. Особый интерес здесь представляет поколение Y, представители которого все чаще оказываются в роли руководителей бэби-бумеров или занимаются их приемом на работу.

Согласно результатам исследования, 67% бэби-бумеров в России и 54% в Европе считают, что люди поколения Y стремятся исключительно к получению немедленного результата. Больше половины российских бэби-бумеров (55%) обвиняют поколение Y в нежелании тратить дополнительное время и усилия на выполнение задачи. Это мнение разделяют и представители старшего поколения из стран Европы (46%). Лишь 25% бэби-бумеров в России и 21% в странах Европы считают своих более молодых коллег ориентированными на результат, при этом среди работников всех возрастных групп в совокупности такого мнения придерживаются 34% респондентов. 21% бэби-бумеров в России и 22% в странах Европы признаются, что поколение Y ценит командную работу, в то время как 40% представителей поколения Y приписывают себе способность работать в команде. Интересно, что европейские бэби-бумеры (25%) гораздо выше, чем коллеги из России (14%), оценили способность поколения Y работать в режиме многозадачности. Кроме того, европейские представители

старшего поколения приписывают Y-поколению желание хорошо проводить время и развлекаться гораздо чаще (30%) российских бэби-бумеров (14%)⁵.

По мере роста влияния представителей поколения Y на процесс принятия решений о приеме на работу такое отношение бэби-бумеров может оказать негативное воздействие на их карьерные перспективы.

Существующее между поколениями напряжение также усугубляет отношение представителей поколения Y к старшему поколению: большинство Y в России (76%) и в Европе (60%) считают, что бэби-бумеры отстают от других поколений с точки зрения использования технологий. Также, по мнению более половины (65%) респондентов поколения Y, бэби-бумеры зачастую оторваны от действительности и не стремятся узнавать что-то новое.

Между тем сотрудники этих двух возрастных категорий разделяют общие взгляды на некоторые вопросы, например в отношении к гибкому рабочему графику и частичной занятости. Многие бэби-бумеры (36%), как и представители поколения Y (30%), нуждаются в гибком графике и большем количестве выходных дней. 38% российских бэби-бумеров признались, что при принятии решения в пользу того или иного предложения работодателя они будут учитывать возможность дистанционной работы, как и 30% представителей поколения Y. Другими привлекательными факторами выбора работодателя для представителей обоих поколений являются возможность сокращения ответственности и руководящих функций (по 22%), а также дополнительный оплачиваемый отпуск⁶.

По словам генерального директора «Kelly Services Россия и Польша» Е. Гороховой, «с выходом на пенсию первой волны высокопрофессиональных бэби-бумеров в 2010–2014 годах работодатели обнаружили, что найти замену среди работников в возрасте от 25 до 45 лет не так-то просто. В Германии, например, передовые компании продумывают стратегии по подбору и удержанию персонала с учетом потребностей и адаптации бэби-бумеров. Взрослые и опытные специалисты способны помочь сохранить экспертизу компании и решить проблему нехватки персонала для многих работодателей. Важной проблемой привлечения взрослого поколения на работу сегодня является тот факт, что часто их руководителями становятся люди значительно более молодого возраста, которые относятся с недоверием к подчиненным, госящимся им в мамы или бабушки. Однако взрослые кандидаты могут принести много пользы и поддержки молодым специалистам, поделиться не только профессиональным, но и жизненным опытом. Научить работать вместе людей из разных поколений – это серьезный вызов для современных и будущих работодателей»⁷.

Всероссийский опрос, проведенный Аналитическим центром НАФИ, свидетельствует о том, что большинство работающих граждан не удовлетворены местом своей работы, однако искать новую готов только каждый пятый. Больше всего недовольных своей работой, по данным исследования, среди сотрудников небольших компаний и пенсионеров.

Сегодня 62% респондентов не удовлетворены своим работодателем и, возможно, подыскивают ему альтернативу. А рекомендовать его друзьям и знакомым, как выяснили эксперты НАФИ, готовы лишь 15% опрошенных.

По мнению Л. Храпылиной, профессора кафедры труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС, существуют три основные причины неудовлетворенности сотрудников своей работой: во-первых, как показывают социологические исследования, большинство полагает, что их потенциал на работе раскрыт всего на треть; второй фактор, порождающий негатив, – удаленность офиса от дома; третий – многих, особенно в последний год, беспокоят сокращения и не устраивает увеличение нагрузки⁸.

Однако, несмотря на неудовлетворенность своей работой, расстаться с ней готова только пятая часть респондентов. По словам Л. Спиридоновой, руководителя направления HR-исследований Аналитического центра НАФИ, поведение работающих россиян изменилось из-за экономической ситуации. Те, кто недоволен работодателем, не уходят из организации, а продолжают работать. Зачастую это обусловлено страхом не найти новую работу и остаться без заработка. Руководителям следует принимать во внимание, что лояльность сотрудников может быть неисчерпаемой⁹.

В ближайшие два года рынок труда будет развиваться разнонаправленно, и улучшения ситуации для большинства отраслей на рынке труда ожидать не стоит, так как при стагнирующей экономике рост числа вакансий и увеличение заработной плат невозможно. Наиболее стабильная ситуация будет в секторе государственного управления и госкомпаниях, где заработные платы индексируются на уровень инфляции, а массовых сокращений не проводится. При этом точками роста на рынке труда остаются ИТ-специальности, спрос на которые вызван конкуренцией за российских специалистов со стороны зарубежных компаний, что позволяет российским соискателям не только быстро находить работу, но и надеяться на повышение дохода при смене компании.

Сложившаяся ситуация меняет парадигму на рынке труда. Работающие сотрудники держатся за свои рабочие места, стараются повышать свою ценность в глазах работодателей, меньше брать больничных и уходить в отпуска. Работодатели, в свою очередь, оптимизируют рабочие

процессы, пока не рискуют выходить на новые рынки и двигаются проверенными путями, в этой связи не открывают набор кадров¹⁰.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что состояние и общее положение занятости на российском рынке труда в целом напрямую зависит от состояния и функционирования региональных рынков труда, поскольку его становление осуществляется преимущественно на региональном уровне. Вместе с тем регион не может полностью заботиться обо всех направлениях его развития. Основная нагрузка работы с населением по поводу его занятости выполняется региональными службами занятости. Идет интенсивный процесс территориальной сегментации рынка труда со специфическими характеристиками, присущими каждому региону особенностями.

Проанализируем ситуацию, складывающуюся на региональном рынке труда Саратовской области.

Следует отметить, что ситуация на региональном рынке труда Саратовской области, по сравнению с началом 2016 г. имеет тенденцию к улучшению. Уровень общей безработицы, рассчитанный в соответствии с методологией Международной организации труда, снизился с 5,5 до 4,4%. По уровню общей безработицы область занимает 6-е место в Приволжском федеральном округе и 20-е место в Российской Федерации. Уровень регистрируемой безработицы, по сравнению с началом 2016 г., снизился с 1,1 до 1,0%. По уровню регистрируемой безработицы Саратовский регион на 9-й позиции в ПФО и 32-м месте в РФ¹¹.

Численность безработных снизилась на 1,6 тыс. чел., или 11,4%, и составила 12,4 тыс. человек (в аналогичном периоде 2015 г. – 12,8 тыс. чел.). Напряженность на рынке труда снизилась с 0,7 до 0,5 незанятых на вакансию. По напряженности на рынке труда область занимает 4-е место в ПФО (0,7) и 18-ю позицию в РФ (0,7). Здесь Саратовская область также входит в первую двадцатку с наилучшими показателями по России¹².

С начала 2016 г. с предприятий области было высвобождено 6,5 тыс. чел., что в 1,3 раза меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. Большая часть высвобождений прошла на промышленных предприятиях – 20%, в организациях государственного управления и обеспечения военной безопасности – 19%, на предприятиях по производству и распределению электроэнергии, газа и воды – 11%, предприятиях транспорта и связи – 10%, образовательных организациях – 9% и др.¹³

Следует обратить внимание на тот факт, что на региональном рынке труда существует проблема трудоустройства граждан, которые в силу различных социальных, физических и иных причин являются наименее конкурентоспособными.

К такой категории граждан относятся женщины, имеющие малолетних детей, многодетные родители, родители детей-инвалидов, граждане, имеющие ограничения трудоспособности по состоянию здоровья, граждане предпенсионного и пенсионного возрастов, отдельные категории молодежи, не имеющие профессионального образования, или выпускники профессиональных образовательных учреждений без опыта работы, а также другие категории граждан, такие как лица, уволенные с военной службы, освобожденные из мест лишения свободы.

Необходимо отметить, что районные рынки труда, несмотря на относительно благополучное положение с ситуацией на региональном рынке труда в целом по области, характеризуются значительной дифференциацией по показателям уровня безработицы и ее продолжительности, территориальной диспропорцией спроса и предложения рабочей силы и наличием населенных пунктов, относящихся к «критическим» зонам рынка труда.

Для составления интегрированной ситуации на рынке труда конкретного муниципального района и Саратовской области в целом с целью оказания адресных услуг безработным и незанятому населению Министерством занятости, труда и миграции Саратовской области ежегодно проводится социальное картографирование районов области.

В 2015 г., по результатам социального картографирования, в 27 муниципальных районах области выявлено 63 «критических» зоны рынка труда, из них в 31 населенном пункте с численностью населения в трудоспособном возрасте свыше 100 чел., практически отсутствуют работодатели (2014 г. – 67 и 25 соответственно)¹⁴.

В «критических» зонах проживают 59,6 тыс. чел. или 2,4% от общей численности населения области, из них 58,7%, или 35 тыс. чел. трудоспособного возраста. Уровень регистрируемой безработицы в «критических» зонах на 1 апреля 2015 г. составил 1,9% от численности трудоспособного населения, или 654 чел. Наиболее высокий уровень регистрируемой безработицы отмечен в селах Покровка (Вольский МР) – 13,2% от численности населения в трудоспособном возрасте, Семеновка (Аркадакский МР) – 10,5%, Львовка (Балашовский МР) – 8,9% и др.

В 2016 г., по результатам социального картографирования, в 28 муниципальных районах выявлена 61 «критическая зона» рынка труда, из них в 26 населенных пунктах с численностью населения в трудоспособном возрасте свыше 100 чел. практически отсутствуют работодатели. В «критических зонах» проживают около 52 тыс. чел., из них 58,8%, или 30,8 тыс. чел., трудоспособного возраста. Уровень регистрируемой безработицы в «критических зонах» на 1 апреля 2016 г. составил 2,0% от численности трудоспособного населения, или 602 чел. Наиболее высо-

кий уровень регистрируемой безработицы отмечен в селах Львовка (Балашовский МР) – 12,4% от численности населения в трудоспособном возрасте, Асметовка (Петровский МР) – 8,5%, Покровка (Вольский МР) – 8,2% и др.¹⁵

На регистрируемом рынке труда г. Саратова сохраняется профессионально-квалификационный дисбаланс спроса и предложения рабочей силы, хотя в целом спрос превышает предложение в 2,1 раза. По-прежнему ощущается нехватка специалистов в сфере здравоохранения, преподавателей и воспитателей, техников и инженеров различной специализации, менеджеров, страховых и рекламных агентов, милиционеров и следователей; по рабочим профессиям – строителей, станочников, механиков, электриков, водителей, монтажников, электрогазосварщиков, слесарей различной специализации, продавцов, парикмахеров, швей и поваров. Наибольшую потребность в рабочих кадрах испытывают обрабатывающие производства, торговля и строительство.

Ситуация с дефицитом квалифицированных рабочих и технических специалистов носит в России хронический характер. Не секрет, имидж рабочего, инженера был подорван в 1990-е гг., что стало одной из причин сегодняшнего дисбаланса на рынке труда. В условиях современного кризиса увольнение работников стало явлением не редким. И это не значит, что уволенный работник имеет низкую квалификацию или не справляется со своей работой. Как правило, на данный момент предприятие может находиться в тяжелом финансовом положении.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующее заключение. Региональный рынок труда, аналогично российскому, находится на стадии своего становления и в полной мере еще не сформировался. Для рынка труда Саратовской области характерны: относительная стабильность кадрового состава организаций; привлечение новых специалистов по рекомендациям знакомых и работников предприятия; популярность государственных служб занятости; интерес работодателей к учебным организациям, в том числе и вузам, осуществляю-

щим подготовку и переподготовку специалистов и часто оказывающим услуги по трудоустройству и подбору персонала для организаций; сравнительно небольшая загруженность кадровых агентств.

Примечания

- 1 См.: Низкая безработица в РФ сопровождается нестабильными зарплатами. URL: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=15945> (дата обращения: 03.09.2017).
- 2 Там же
- 3 См.: Застойной безработице помогают уровень образования и возраст. URL: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=16000> (дата обращения: 03.09.2017).
- 4 См.: Российский рынок труда «повзрослеет», и востребованность молодых специалистов возрастет. URL: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=15949> (дата обращения: 02.09.2017).
- 5 Там же
- 6 Там же
- 7 Там же
- 8 См.: Больше 60% россиян не любят свою работу, но менять ее не собираются. URL: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=15962> (дата обращения: 04.09.2017).
- 9 Там же
- 10 См.: Вакансии не успевают за спросом. URL: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=15931> (дата обращения: 04.09.2017).
- 11 См.: *Кривицкая Н.* Рынок труда Саратовской области демонстрирует относительное благополучие. URL: <http://glasnarod.ru/saratov/59616-nataliya-kriviczskaya-lrynok-truda-saratovskoj-oblasti-demonstriruet-otnositelnoe-blagopoluchie> (дата обращения: 02.09.2017).
- 12 Там же.
- 13 Там же
- 14 Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области : [сайт]. URL: http://www.mintrud.saratov.gov.ru/disclaimer/legal_acts/index.php?SECTION_ID=260 (дата обращения: 03.09.2017).
- 15 Там же.

Образец для цитирования:

Немерюк Е. Е. Современный региональный рынок труда: состояние и специфика функционирования (на примере Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 400–404. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-400-404.

Cite this article as:

Nemeryuk E. E. The Modern Regional Labor Market: Current Status and Specifics of Functioning (On the Example of Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 400–404 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-400-404.

УДК 316.334.23

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ

И. В. Нечаева

Нечаева Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов, irnech89@mail.ru

Статья восполняет недостаток социологических знаний о малых формах хозяйствования в сельском социуме. В ней сделан акцент на социальной сущности данных форм хозяйствования и тех функциях, которые они выполняют в сельском сообществе. Анализируется феномен социальной укорененности и его влияние на функционирование сельского сообщества. Выявляются социальные качества предпринимательно ориентированных индивидов, способных обеспечить прирост фермерского сословия. Формулируются основные приоритеты коррекции программных документов по поддержке малых форм хозяйствования.

Ключевые слова: малые формы хозяйствования, сельский социум, социально-функциональное значение, приоритеты развития.

The Social Importance of Small Forms of Management in the Rural Society

I. V. Nechaeva

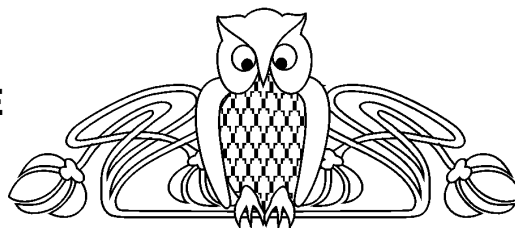
Irina V. Nechaeva, ORCID 0000-0001-8187-7362, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, 94, Moskovskaya Str., Saratov, 410012, Russia, irnech89@mail.ru

The article to fill the lack of sociological knowledge about small forms of farming in the rural society. It emphasizes the social essence of these forms of farming and the functions that they perform in the rural community. Analyzed the phenomenon of social rootedness and its influence on the functioning of the rural community. Identified social qualities of entrepreneurially oriented individuals, able to ensure the growth of the farming class. The main priorities for the correction of program documents for supporting small forms of farming are formulated.

Key words: small forms of farming, rural society, social and functional significance, development priorities.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-405-409

Вопросы социологических аспектов функционирования малых форм хозяйствования еще не получили должной и детальной проработки среди отечественных социологов, так как их голос пока мало заметен среди общей общественной рыночной ориентации, где многих преимущественно волнуют экономические результаты их развития, темпы прироста сельскохозяйственного производства, объемы произведенной сельхозпродукции. Нацеленность современной аграрной политики на экономический результат¹ способствовала постепенному наращиванию объемов производства данными формами хозяй-

ствования, однако они уже по определению не могут конкурировать с потенциалом и объемами производства более крупных сельскохозяйственных образований. Крупные сельскохозяйственные предприятия, как правило, стремятся к быстрому наращиванию экономического потенциала, претендуют на объемные рынки сбыта. Сфера деятельности малых предприятий преимущественно охватывает местный уровень – локальные рынки, а экономические стратегии чаще всего представлены самоокупаемостью и минимальной устойчивостью функционирования. Однако внутренние интенции данной формы, представленные ее сильными сторонами, такими как высокий уровень адаптации, умелое маневрирование ограниченными ресурсами, могут быть существенными факторами успешного хозяйствования, дающего возможность поддерживать и повышать уровень материального достатка хозяйствующего субъекта².

Таким образом, несмотря на то, что объективные социально-экономические параметры и критерии деятельности малых форм хозяйствования относят их в разряд слабых социально-экономических феноменов действительности, на взгляд социолога, основное предназначение малых форм хозяйствования в сельском социуме состоит не в реализации себя как экономической единицы, а в социальной сущности данной формы хозяйствования и тех функциях, которые она выполняет в сельском сообществе. И в данном контексте ее главное социальное предназначение кроется в глубоких социальных связях с сельским сообществом.

Если проанализировать внешние условия и сферы реализации предпринимательских интересов малых аграрных форм, то можно увидеть, что они органично вписаны в сельское локальное сообщество, имеют прочные интегративные связи с ним и ориентируются преимущественно на использование местного трудового потенциала села. Также нельзя переоценить их роль в оказании посильной помощи селу, поддержке социальных объектов, удовлетворении насущных общественных нужд. Таким образом, малые формы хозяйствования обладают чрезвычайно важным социальным качеством – укорененностью в сельском социуме, а позиционирование себя как местной социально-экономической единицы формирует поле новых интегративных связей в различных сферах жизнедеятельности сельского сообщества. Что не относится к крупным

формам аграрного производства, как правило, имеющим напряженные отношения с местным сообществом и формализованные связи с сельским социумом, что выражается в отстраненности от местных задач развития и проблем села. А главное разногласие, на наш взгляд, заключается в игнорировании местных трудовых ресурсов и использовании на собственном производстве привозных работников.

Ограниченная встроенность малых форм производства в социально-экономический ландшафт села формирует островки некой социальной стабильности и относительного благополучия, поскольку фермерские хозяйства дают работу далеко не всем желающим, но способны задействовать определенную часть работоспособных сельчан. Данное обстоятельство является чрезвычайно важным, особенно в условиях отсутствия в селах сельскохозяйственных предприятий и других работодателей.

Таким образом, главное социальное значение данных форм проявляется в том, что они выступают важными опорными точками сельскохозяйственного производства и выполняют важную социальную функцию по сохранению устойчивости жизнедеятельности сельского социума как в условиях отсутствия крупного работодателя, так и при его наличии, поскольку коллективные предприятия сегодня уже не могут предоставить рабочие места всем желающим трудиться в селе³.

Малые формы аграрного производства, активно развиваемые в современный период, полностью отвечают критериальным рамкам социального новаторства, поскольку социально активные субъекты осваивают новую, ранее неизвестную для них форму жизнедеятельности, влекущую существенные изменения их статуса и жизненного стиля в целом. Традиция длительного социального присутствия данной формы производства на селе, ранее в замаскированном, усеченном виде (в период советского прошлого – в форме личных подворий колхозников), не входит в противоречие с ее современной социальной инноватикой, так как данный социальный процесс осуществляется заново, на совершенно иной социальной платформе. И главное социологическое значение данной новаторской деятельности – это возможность по-новому подойти к формированию собственной судьбы, признание наличия условий, дающих возможность самостоятельно хозяйствовать и жить лучше – иметь достойный уровень доходов, занимаясь традиционной сельскохозяйственной деятельностью. Таким образом, ее социальный конструктивизм проявляется в самостоятельной реализации, в самоорганизации своего трудового и социального пространства каждым конкретным, предпринимательно ориентированным индивидом. Одновременно возникают новые, ранее неизвестные нашим гражданам

чувства – нового положения в социальном пространстве села, собственной значимости, полезности своей семье, социуму.

Упрочить социальные позиции малых форм хозяйствования и их позитивное влияние на самые разные сферы сельского жизненного континуума возможно за счет постепенно складывающегося представления о фермерстве как предпочтительном и престижном занятии, основанном на комбинации традиционных ценностно-нормативных качеств и определенной социальной инноватики. Современные научные представления о социологических механизмах освоения предпринимательских практик все более концентрируются на вопросах нематериальных составляющих предпринимательской деятельности. Помимо чисто практических потребностей, которые подвигают человека к освоению новых экономических ниш, существует еще сложный комплекс ценностных представлений о достойном образе жизни, о социальном значении своего труда, о престиже, которые регулируют человеческую деятельность⁴. И внедрение данных представлений в общественное сознание невозможно без опоры на незыблемые основания длительного существования сельского сообщества – исконно крестьянскую приверженность труду. Труд как таковой, трудолюбие, различные спектры трудовой занятости в общественной, домашней и неформальной сферах – одно из мощных и важнейших средств проявления человеческой природы в социуме, самовыражения и реализации личности, проявления творческих сил. Общий массив респондентов и выделенная нами предпринимательно ориентированная группа показывают подавляющее преобладание важности качеств исконного крестьянского трудолюбия как общей основы крестьянской жизни, которому отдают предпочтение около 90% опрошенных сельчан⁵. На наш взгляд, здесь прослеживается прочная взаимосвязь между данным качеством и чувством незыблемости собственного существования, что чрезвычайно важно в контексте развития аграрного предпринимательства в целом. В данной связи социальное значение новых форм хозяйствования проявляется в сохранении ими лучших черт крестьянских традиций, основанных на исконно крестьянском трудолюбии, социальной жизнестойкости и приверженности сельскохозяйственной занятости.

Освоение предпринимательских практик идет на селе несмотря на слабую степень механизации трудоемких сельскохозяйственных работ и высокий уровень прямых физических затрат, обусловленных спецификой малых форм хозяйствования. Поэтому аскриптивные характеристики индивидов, такие как возраст активной трудоспособности, запас здоровья, продолжают иметь важное значение для перспектив развития фермерских хозяйств. Зачастую главы и члены

фермерских хозяйств владеют рядом специальностей, совмещая профессиональные функции⁶.

Прирост фермерского сословия, на наш взгляд, зависит от состояния социально-инновационного потенциала села, наличия креативных индивидов, способных освоить ранее не известный им способ жизнедеятельности. Фермерское производство на сегодня является основной нишей закрепления важнейшего социальной ресурса модернизации аграрной сферы – креативного слоя сельского социума. По определению аналитиков, основными индикаторами креативной личности являются стремление к самовыражению, высокая степень адаптации, нацеленность на результативность деятельности, выход за рамки стандартного, традиционного⁷. По сравнению с другими группами села, данный слой обладает высокими показателями социальной конкурентоспособности. Закономерным, на наш взгляд, является тот факт, что лишь 12% его представителей считают, что могут реализовать себя в сфере официальной занятости, в то время как остальные, не имеющие явных предпринимательских предпочтений, в 70,7% рассматривают сферу официальной занятости в качестве основной арены проявления своей инициативы. Жизнестойкость представителей группы проявляется, прежде всего, в преодолении социального конформизма следования привычным трудовым стратегиям, в выборе индивидуального стиля жизни. От представителей предпринимательской группы зачастую требуется особая целеустремленность, необходимость «идти против течения», действовать вопреки чьему-то мнению, противопоставлять себя окружению и преодолевать немало иных трудностей, связанных со своей деятельностью. Немаловажно для сохранения жизнестойкости иметь оптимистический настрой, соответствующее социальное самочувствие. Как показали исследования, психологической настрой предпринимательской группы характеризуется существенным превосходством позиций оптимизма – 60,8% (против 39,3% в общем массиве респондентов). Среди их представителей вдвое ниже мотив беспокойства, связанный с неопределенностью будущего.

Малые формы хозяйствования неоднородны и существенно отличаются друг от друга размерами земель, ресурсным и трудовым потенциалом, но главное отличие – в количестве предприятий, имеющих семейный характер. Как правило, в та-

ком семейном предприятии находится дело для всех членов семьи, подрастающего поколения и родственников. Продуктивный семейный характер труда служит важным объединительным моментом, и важность данного значения проявляется не только в общей консолидации семьи, но и в выстраивании будущего жизненного вектора для следующего поколения. Семейный феномен хозяйствования формирует самые благоприятные условия для развития тенденций династичности данного вида деятельности, межпоколенного воспроизводства фермерской деятельности. И здесь важная функция современной фермерской деятельности – это сохранение и передача потомкам устойчивой жизненной ориентации на сельскохозяйственную занятость и сельский образ жизни. Социологическое исследование воспроизводственных механизмов предпринимательского уклада, связанных с включением подрастающего поколения в семейный бизнес, показало, что половина действующих фермеров организовали свои хозяйства для того, чтобы у их детей было предопределенное будущее. Половина данной группы видит своих детей в будущем в частном секторе аграрного производства и планирует передать детям семейное хозяйство. Другие группы сельского населения слабо связывают жизненную перспективу своих детей с сельскохозяйственной деятельностью. Большинство опрошенных сельских респондентов ориентируют молодежь на получение высшего образования и переезд в город (таблица).

Как показывают исследования, в сельском сообществе постоянно присутствует риск ухода молодого поколения из семейных предприятий в иные сферы деятельности. Одновременно с профилирующими и воспитательными моментами, получаемыми в семейном предприятии, молодежь, как относительно инновационная в социальном плане группа, воспринимает множество социальных сигналов извне сельского пространства, которые формируют уже более широкий «горизонт возможностей», чем, например, таковой имелся у предыдущего поколения. Удержать молодежь в фермерских нишах, сделать так, чтобы ей хотелось самостоятельно трудиться на земле, можно только формируя определенное специфическое мировоззрение, соответствующее данному виду деятельности, когда самостоятельный труд на земле воспринимается не просто как вид рациональной деятельности,

Представление о перспективах подрастающего поколения в зависимости от наличия предпринимательских ориентаций респондентов, % от ответивших

Альтернативы ответов	Получили высшее образование	Переехали в город	Работали в сельском хозяйстве	Стали фермерами
Хотел бы открыть собственное дело	62,1	40,5	0	0
Нет желания открыть собственное дело	66,6	41,6	12,5	2,1
Уже имею собственное дело	50	50	25	25

Примечание. Превышение 100% показателя за счет многоальтернативности вопроса.

направленный на извлечение прибыли, и которую в любой момент можно поменять на иную. В данном процессе существенную роль играет рейтинг ценностно-мотивационного спектра. Установлено, что в группах с практически сформированным ценностно-мотивационным предпринимательским блоком преобладают позиции индивидуальности, самостоятельности – 53,3% (против 33,3% – непредпринимательская группа), нацеленность на работу со значительной самоотдачей.

Поэтому для расширения социальной базы предпринимательства сельскохозяйственного профиля необходима идеология, ориентированная на рост индивидуального начала. Приоритет должны получать информационно-консультационные мероприятия, направленные на расширение и изменение представлений субъектов о новых способах экономической самореализации, прежде всего, в аграрном секторе экономики. Учебные программы сельских старшеклассников следует дополнить элементами, нацеленными на раннее формирование трудолюбия, получение сельскохозяйственных знаний, развитие инициативного типа поведения, развитие краеведения в сельских поселениях и формирование приверженности сельскому образу жизни. Данный спектр «неосознаваемых» факторов в перспективе должен способствовать реализации жизненных планов индивида в аграрной сфере. Таким образом, необходимо постепенно видоизменять традиционную ментальность, с приоритетом развития качеств, необходимых для ориентации в рынке, социальной активности, престижа работы на земле.

В целом же риск репрофилирования фермерской деятельности зависит от ряда разнообразных факторов, объединяющих как институциональный уровень, так и личностный. Нарастание данного риска в основном зависит от ряда внешних факторов, правил «изменения игры», к которым частные сельхозпроизводители не успевают адаптироваться. Это и необоснованное изменение суммы отчислений в пенсионный фонд, неустойчивость ставок земельного налога, рост кадастровой стоимости земли, изменение (усложнение) условий получения государственной поддержки, фактор климатических катастроф, противоречивость системы аграрного страхования. Для сокращения влияния данных рисков, на наш взгляд, требуются повсеместное упрощение регламентаций и условий деятельности, существенная работа по непротиворечивости принимаемых решений, введение определенной стабильности в данной сфере. Риск, носящий личностный характер, чаще всего связан с недостаточным уровнем дохода от фермерской деятельности. Состояние, при котором запросы фермерской семьи остаются неудовлетворенными, провоцирует возрастание риска репрофилирования производства, ухода из сферы сельскохозяйственной занятости.

Существенным заслоном по минимизации данного риска сегодня выступают социальные факторы, которые относятся к блоку общей социальной удовлетворенности выбранной социально-экономической нишей. В настоящий период представители малого аграрного производства на селе демонстрируют следующие социальные показатели по вышеозначенному контексту. Так, степень удовлетворенности своими доходами имеет среднее значение. Вполне удовлетворена своими доходами только половина сельских агропредпринимателей и 36% самозанятых респондентов. Основная же часть описываемых групп находится в градации испытывающих определенную степень недостаточности доходов. Несколько выше рейтинг удовлетворенности надежностью своего занятия. Около 60% группы сельских работодателей и 45% самозанятых вполне удовлетворены надежностью выбранного дела. Достаточно высокая степень удовлетворенности зафиксирована по режиму работы, несколько ниже оцениваются условия труда. Но основным социальным нивелиром вышеозначенного риска выступают такие показатели, как профессиональная и моральная удовлетворенность занятости в частной сфере аграрного производства, нужность и полезность своего дела в широком общественном контексте (зафиксированы самые высокие показатели удовлетворенности, достигающие 60–75%)⁸.

В настоящий период учет социальных аспектов становится необходимым компонентом, обеспечивающим инновационное обновление существующих подходов при формировании программ развития села, в которых социальное значение данных форм хозяйствования может перевешивать их экономическую роль. Экономические параметры деятельности малых форм аграрного предпринимательства, которые чаще представлены минимальной устойчивостью функционирования, сегодня служат объективным основанием направлять финансовые потоки на развитие крепких и экономически эффективных хозяйств. Но, по нашему мнению, даже убыточные фермерские хозяйства выполняют важнейшие социальные функции, которые чрезвычайно важны в депрессивных сельских территориях:

- 1) они предотвращают перетекание социально активной части сельского потенциала в городскую местность;
- 2) постепенно формируют слой хозяйственного направления, выполняющего ряд важных социальных функций по взаимодействию села с государственными и иного рода агентами;
- 3) способствуют развитию преемственности фермерской деятельности (семейный характер деятельности, межпоколенное наследование хозяйств);
- 4) сохраняют фермерство как одну из разновидностей сельскохозяйственной занятости,

способствующей сохранению сельских традиционных жизненных основ.

Итоговое резюме по перечисленным функциям заключается в объективном улучшении социальной среды, реализации предпринимательских инициатив и расширении социальной базы будущего фермерства. Возможно в данной связи введение профильных программ поддержки именно для хозяйств со слабыми экономическими параметрами развития, продолжение деятельности которых будет способствовать даже не столько развитию экономических показателей этих хозяйств, сколько дальнейшему исполнению их социальных функций как для самого фермера и его семьи, так и для сельского населения. В связи с вышесказанным выделены основные социальные направления, присутствие которых необходимо в целевых программных документах развития села и малых форм аграрного предпринимательства:

- преимущественная поддержка сельскохозяйственного профиля производства малых агропроизводителей;
- поддержка социальной преемственности фермерского уклада;
- популяризация данной сферы деятельности, способствующей нейтрализации рисков перетекания экономической инициативы в города.

Новизна исследуемого направления определяется смещением исследовательских акцентов на социологические функции и значение феномена малых форм хозяйствования и раскрыта через обоснование интенсифицирующей роли социальных факторов как в развитии сельского социума в целом, так и самой предпринимательской деятельности. На основе чего сформулированы основные социальные направления формирования и коррекции социального потенциала малых форм аграрного предпринимательства. Результат исследования заключается в раскрытии социального значения малых форм хозяйствования,

способствующих наращиванию их социальной конкурентоспособности.

Примечания

- ¹ См.: Семенов С. Н., Бочарова Е. В. Проблемы оценки потенциала социального пространства АПК в рамках стратегического управления // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2016. № 3. С. 5.
- ² См.: Нечаева И. В. Перспективы развития малого аграрного предпринимательства // Научное обозрение. 2016. № 4. С. 100–104.
- ³ См.: Нечаева И. В. Социальные риски развития предпринимательских инициатив в аграрной сфере // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2016. № 2. С. 19.
- ⁴ См.: Кравцова А. П. Предпринимательская культура в современном российском обществе : социологические аспекты : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1999. С. 12.
- ⁵ Здесь и далее представлены результаты социологического исследования лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий (ИАГП РАН). Саратовская область. Квотная выборка. 2011–2012 гг. (N = 332).
- ⁶ См.: Нечаева И. В. Условия и факторы формирования предпринимательского потенциала сельского социума // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 28–33. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-28-33.
- ⁷ См.: Мореханова М. Ю. Социальные ресурсы обеспечения продовольственной безопасности // Социально-экономические механизмы обеспечения продовольственной безопасности в условиях углубления международной конкуренции : материалы Островских чтений 2013. Саратов : Изд-во ИАГП РАН, 2013. С. 24–25.
- ⁸ См.: Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения. 2014 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html (дата обращения: 10.12.2016).

Образец для цитирования:

Нечаева И. В. Социальное значение малых форм хозяйствования в сельском социуме // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 405–409. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-405-409.

Cite this article as:

Nechaeva I. V. The Social Importance of Small Forms of Management in the Rural Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 405–409 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-405-409.

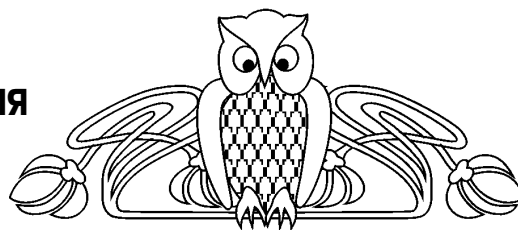

УДК 316.342.5

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. В. Покатов

Покатов Дмитрий Валерьевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, dvpokatov@gmail.ru

В статье автор останавливается на анализе базовых проблем формирования сравнительно новой отрасли – социологии политической элиты. Особое внимание обращается на такие сложные и дискуссионные проблемы, как категориальный аппарат и, прежде всего, сама категория политической элиты, теоретико-методологические подходы к ее определению и анализу характерных признаков. Определяется их эвристический потенциал, возможности, предоставляемые данными методологическими ориентациями для рассмотрения элиты в современных условиях развития российского общества. Исходя из представленного в работе анализа, обосновывается необходимость применения в изучении элитных групп интегрально-аналитического подхода.

Ключевые слова: элита, политическая элита, социология политической элиты, структурно-функциональный и меритократический принципы, интегрально-аналитический подход.

The Sociology of the Political Elite in Russia: the Possibilities and Limitations of the Subject Field of the Investigation

D. V. Pokatov

Dmitrij V. Pokatov, ORCID 0000-0002-9973-1473, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, dvpokatov@gmail.ru

In the article the author analyses the basic formation problems of the comparatively new branch – the sociology of the political elite. Special attention is paid to such complicated and debatable problems as the category apparatus and, first of all, the very category of the political elite, theoretical and methodological approaches to its definition and analysis of the typical signs. The author defines their heuristic potential, which is given by these methodological orientations to study the elite in the present conditions of the Russian society development. Proceeding from the analysis, given in the article, the necessity of using the integral and analytical approach in studying the elite groups is substantiated.

Key words: elite, political elite, sociology of the political elite, structural and functional and meritocratic principles, integral and analytical approach.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-410-413

Процесс становления и развития любой науки неразрывно связан с формированием в ее границах новых направлений. Не является здесь

исключением и социология, активно включающая в предметную область своего исследования различные институты, процессы, явления и субъекты. Среди последних одну из заметных ролей продолжают играть элитные группы, ведущие позиции среди которых, благодаря своему статусу и концентрируемым ресурсам, занимают политические элиты.

Сам процесс становления социологии политической элиты проходит в достаточно сложных условиях, вследствие, прежде всего, сравнительно недавно начавшегося формирования ее предметной области, продолжающегося методологического разногласия и дискуссий относительно использования для анализа элитных групп тех или иных методов.

Сегодня можно с уверенностью говорить, что процесс становления социологии политической элиты, особенно в российских реалиях, достаточно объективен, если учитывать сформировавшийся в России цивилизационный тип развития, в котором не преодолены элементы мобилизационного уклада с присущим ему доминированием политических институтов и субъектов, во многом определяющих направления общественного развития, к числу которых, без сомнения, относится политическая элита, объединяющая лиц, профессионально занимающихся политической деятельностью и имеющих необходимые ресурсы, позволяющие оказывать влияние на общественные процессы.

Несмотря на имеющиеся объективные условия формирования социологии политической элиты, сама сложность данного процесса объясняется, в первую очередь, тем, что дискуссионным остается вопрос о сущности и самом использовании категории элиты. В большинстве случаев отечественные исследователи стремятся ориентироваться на уже апробированные в западной социологии и политологии подходы. Признается даже и само первенство западной социологии во введении в научный оборот категории «элита», что также представляется сегодня не совсем оправданным, учитывая заслуги отечественной социологической науки, в частности, яркого представителя теории органицизма А. И. Стронина.

Как известно, в 90-е гг. прошлого века и начале 2000-х гг. в большинстве отечественных исследований по социологии и политологии

политическая элита рассматривалась в рамках структурно-функционального, позиционного подхода исключительно как группа, объединяющая политических деятелей, обладающих реальной властью и занимающих ведущие позиции в структурах власти и управления¹. Но сведение политической элиты только к правящему классу, исключая другие важные ее сегменты, прежде всего контрэлиту, вызвало справедливую критику со стороны ряда известных отечественных социологов, приводило к тому, что они еще в конце 1990-х гг. сомневались в самой возможности использования данной категории для обозначения высокостатусных групп, занимающих ведущие позиции в социальной структуре российского общества. Так, по мнению Ж. Т. Тощенко, «ни о какой элите в сегодняшней (да и вчерашней) России не может быть и речи. Ее давно уже не стало. <...> нам предлагают именовать элитой нечто сомнительное, весьма спорное и подозрительное во всех отношениях»². Данный подход, как думается, оправдан, если отождествлять, что нередко и случается в современных исследованиях, политическую элиту только с правящим классом или правящей прослойкой, связанной с институтами власти и управления. Однако это только часть элиты, включающей, согласимся здесь с известными западными социологами В. Парето и Ч. Р. Миллсом, и околоэлитное окружение, и контрэлиту – политиков, обладающих всеми характерными чертами элитного деятеля, кроме одного – принадлежности к власти.

В этой связи более правильным, как думается, ставить вопрос не об уместности употребления понятия «элита», используемого как западными, так и рядом отечественных социологов еще начала XX в. (в том числе Г. П. Федотовым, П. А. Сорокиным и др.), а о качественном уровне политической элиты, ее элитном потенциале. Именно при рассмотрении элитного потенциала обнаруживается одно из самых существенных противоречий – амбивалентность характеристик современной элиты, предопределяемой во многом дихотомией между объективными процессами трансформации современного общества с присущими ему изменениями принципов и форм подбора элитных кадров, большей открытостью и, с другой стороны, ограничениями, связанными с особенностями социализации элитных групп, их установками, а также усиливающимся процессом архаизации отечественного социума.

Относительно социализации, имеющей важное значение для облика элиты, во многом предопределяющей многие стереотипы, образцы и нормы поведения, можно сказать, что для значительного сегмента элиты она проходила в условиях сельской местности. В настоящее время в составе федеральной политической элиты насчитывается 29,0% политиков, детство которых прошло в сельской местности, на региональном уровне – 26,6%. После выборов в Государствен-

ную думу 18 сентября 2016 г. доля выходцев из сельской местности в составе федеральной парламентской элиты составила 32,0%³. Во многом именно характер социализации, проходившей у достаточно весомого сегмента элиты в условиях сельской местности, продолжает оказывать некоторое сдерживающее влияние на открытость элитной группы, закрепляя уже устоявшиеся ценности, нормы и образцы поведения и отчасти способствуя закреплению в ряде регионов тенденций архаизации или, как справедливо отмечает А. В. Дука, ретро ориентированных социальных форм и порядков, сопровождающихся их культурной, религиозной и иной легитимацией⁴.

К этому добавляется значительная деформация и дробление прежних социальных слоев и групп, в условиях которой современная политическая элита России все отчетливее начинает выражать интересы некоторых относительно закрытых прослоек, в частности, «сервис-класса», а также «салариата» и так называемых «квалифицированных кадров» (*profitians*), которые в большей степени ориентированы на запросы общества потребления⁵.

Все сказанное выше, несомненно, диктует разницу в подходах к элите в идущей от западной социологии ценностной парадигме и доминирующей в большинстве случаев в отечественных научных исследованиях структурно-функциональной, позиционной методологической ориентации. Как известно, меритократическая парадигма стала формироваться еще трудах философов Древнего мира и эпохи Античности. В разные годы ее обосновывали в своих трудах Конфуций, Платон и Аристотель, а затем Н. Макиавелли, Т. Карлейль, М. А. Бакунин, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров. В XX в. ее разрабатывали Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Х. Ортега-и-Гассет и целый ряд других выдающихся представителей социально-философской мысли. В XIX в. один из создателей теории элит, В. Парето, отмечал, что представитель элиты должен обладать определенным набором элитных качеств, к числу которых ученый относил: военную доблесть, происхождение, личное достоинство, искусство управления⁶. Квинтэссенцией данного подхода были взгляды Х. Ортега-и-Гассета, относившего к элите вообще и политической в частности (или «избранному меньшинству») тех деятелей, кто требует от себя очень многого, стремится подчинить свою жизнь высоким требованиям и законам, обладает интеллектуальным или моральным превосходством над массой⁷.

Структурно-функциональный, позиционный подход, более ориентированный на рассмотрение элиты как относительно небольшой группы, объединяющей политиков, занимающих ведущие позиции в системе власти и управления, стал формироваться в социологии в конце XIX – начале XX в. в трудах, прежде всего, представителей так называемой «макиавеллистиче-

ской школы» (Г. Моска, Р. Михельс и др.). В России его главными приверженцами в разные годы были А. И. Стронин, Г. К. Ашин, О. В. Гаман-Голутвина, О. В. Крыштановская и многие другие.

Происходящий в последние годы процесс трансформации элитных групп, в том числе и политической элиты, позволяет говорить о ряде изменений облика элиты и ее элитного потенциала. Прошедшие в сентябре 2016 г. выборы в Государственную думу Российской Федерации способствовали приходу в элиту новых лиц, что, несомненно, отразилось и на самой элитной группе. Из 450 депутатов 222 входили в прежний состав парламентской элиты; 11 депутатов вернулись в состав Государственной думы после некоторого перерыва на один или несколько созывов. Сократилось число парламентариев, избиравшихся последовательно все семь созывов (начиная с 1993 г.). Если в 1999 г. таковых было 77, в 2003 г. – 27, в 2007 г. – 18, в 2011 г. – 14, то в 2016 г. – только 8⁸. По итогам прошедших 18 сентября 2016 г. выборов в Государственную думу, состав политической элиты сохранил значительную гуманитарную составляющую. Если в прежнем составе российского парламента доминирующей была прослойка лиц с техническим образованием («технократов»), составляющих 51,3% от общего числа парламентариев, то в 2016 г. их доля сократилась до 39,2%. Практически не изменилась доля политиков с экономическим и юридическим образованием: в 2011 г. она составляла 12,0 и 10,8%, а в 2016 г. – 11,7 и 11,0% соответственно. Доля гуманитариев также осталась практически на прежнем уровне (в 2011 г. – 18,6%, в 2016 г. – 17,3%)⁹.

В целом, даже краткий анализ происходящих в современной политической элите изменений позволяет говорить о некоторой трансформации ее интеллектуальной основы, что существенно повышает возможности дальнейшего использования меритократических принципов ее научного анализа. Вместе с тем применение меритократического подхода на современном этапе, как думается, должно быть свободно от мистифицированных идеологем и преувеличений, свойственных некоторым исследованиям как прошлого, так и настоящего. Как показывают события последнего времени, не все имеющиеся у данного направления возможности использованы сегодня должным образом. Несмотря на значительный потенциал меритократического подхода к анализу политической элиты, следует учитывать, что данная группа является достаточно сложным социальным образованием, элитный потенциал которой весьма различен у западной и отечественной разновидностей. Так, в западных обществах, согласимся здесь с А. В. Понеделковым, элита отличается определенным креативным потенциалом, некоторой долей пассионарности, в какой-то мере подготовленностью к политико-управленческой деятельности. В России все еще

сохраняется тенденция к доминированию не личностных, а статусных показателей¹⁰. Вследствие этого ее изучение должно вестись на основе не одного, а целой группы индикаторов, комплексно представляющих различные подходы, что, без сомнения, позволит сделать анализ данной группы более адекватным современным реалиям общественного развития.

Необходимо, как думается, избегать и присутствующего в ряду современных исследований стремления к анализу только статусно-имиджевых сторон элитарности.

Существенным ограничением для научного анализа современной элиты является и эклектичность методологической базы, относительно слабая представленность результатов социологических исследований. Конечно, нельзя согласиться с их отсутствием или недостаточностью для выработки концептуального подхода к изучению элит, как подчеркивают некоторые современные элитологи¹¹. Ряд таких исследований был проведен с использованием в том числе качественных методов Л. М. Дробижевой, а также авторскими коллективами под руководством члена-корреспондента РАН К. Микульского и доктора политических наук, профессора А. В. Понеделкова. Вместе с тем, конечно, следует отметить, что они не стали пока той основой, на которую могла бы полностью рассчитывать в институционализации своей предметной сферы отечественная социология политической элиты.

Как думается, именно опора на мультипарадигмальность подходов и методологических ориентаций, широкую эмпирическую базу исследований будет способствовать активному применению интегрально-аналитического подхода, свободного от нормативистского взгляда на элиту, а также иных идеологических штампов, утвердившихся в рамках западной социологии, учитывающего все новейшие прогрессивные тенденции в ее изучении. Именно это, полагаем, придаст дальнейший импульс развитию современной отечественной социологии политической элиты, более точно разграничив предметную сферу изучения элитных групп, определив новые векторы ее развития.

Примечания:

- ¹ См.: Ашин Г. К. Элитология. М., 2005; Гаман-Голутвина О. В. Политическая элита. Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 74–286; Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М., 2005.
- ² Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001. С. 284–285.
- ³ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Коммерсант-власть. 2016. № 44. С. 21–53; Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78; Правительство Российской Федерации // Рос. газ. 2012. 22 мая. С. 2–4; Правительство Саратовской области: [сайт]. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2017);

- Саратовская областная Дума : [сайт]. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 05.04.2017).
- ⁴ См.: Дука А. В. Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии) // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. СПб., 2014. С. 405.
- ⁵ См.: Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М., 2014. С. 21.
- ⁶ См.: Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2008. С. 340–348.
- ⁷ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991. С. 89–90.
- ⁸ См.: Вся Дума // Коммерсант-власть. 2016. № 44. С. 29.
- ⁹ См.: Покатов Д. В. Профессионализм политической элиты : понятие, критерии, формы проявления // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 86. Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Коммерсант-власть. 2016. № 44. С. 21–53 ; Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78 ; Правительство Российской Федерации // Рос. газ. 2012. 22 мая. С. 2–4 ; Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2017) ; Саратовская областная Дума : [сайт]. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 05.04.2017).
- ¹⁰ См.: Понделков А. В. Политическая элита в элитологическом измерении. Ростов н/Д., 2010. С. 78.
- ¹¹ См.: Мусиенко И. М. Проблемы развития элитологии в России. URL: <http://www.online-science.ru/userfiles/file> (дата обращения: 10.03.2017).

Образец для цитирования:

Покатов Д. В. Социология политической элиты в России: возможности и ограничения предметного поля исследования // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 410–413. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-410-413.

Cite this article as:

Pokatov D. V. The Sociology of the Political Elite in Russia: the Possibilities and Limitations of the Subject Field of the Investigation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 410–413 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-410-413.

УДК 316.654

МОДЕЛИ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ СПЕЦИАЛИСТОВ СЕМЕЙНОЙ СФЕРЫ

С. А. Узакова, С. Г. Ивченков, Н. Е. Симонович

Узакова Салима Андромасовна, старший преподаватель кафедры общественно-гуманитарных дисциплин, Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем, Уральск (Республика Казахстан); аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, salima1966@mail.ru

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivchenkovsg@mail.ru

Симонович Николай Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и юридической психологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 5910055@mail.ru

Объектом анализа данной статьи являются процессы конструирования семейных ценностей. В основном анализ строится в сравнительной сетке Россия – Казахстан. Нас интересовало, каковы ценностные установки и социальные дистанции специалистов системы образования и социальной работы по отношению к межнациональным, межконфессиональным, однополым формам семьи. **Ключевые слова:** динамика семейных ценностей, социальные дистанции, межнациональные, межконфессиональные браки, официальная семейная политика государства.

Models and Values of the Contemporary Family: Analysis of Views of Specialists of the Family Sphere

S. A. Uzakova, S. G. Ivchenkov, N. E. Simonovich

Salima A. Uzakova, ORCID 0000-0001-9385-2891, Kazakhstan University of innovative and telecommunication systems, 81, M. Mametova Str., Uralsk, 090000, Republic of Kazakhstan, salima1966@mail.ru

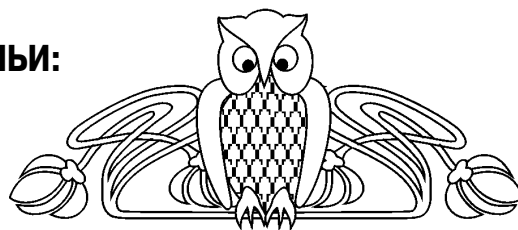
Sergei G. Ivchenkov, ORCID 0000-003-1939-214X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ivchenkovsg@mail.ru

Nikolay E. Simonovich, ORCID 0000-0001-5330-5383, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Sg., Moscow, GSP-3, 125993, Russia, 5910055@mail.ru

The objective of this paper is the construction analysis of family values. The analysis is mainly based on the comparative grid of Russia – Kazakhstan. The main goal of this study is to understand the social values and the distances of educators and social work experts with respect to interethnic, interfaith, and same-sex family forms.

Key words: dynamics of family values, social distance, interethnic, interfaith marriages, official family policy of the state.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-414-418

Становление семейных ценностей происходит в условиях трансформации внутренней и внешней политики государств бывшего единого советского пространства. Анализ строится вокруг дискурса о семье и семейных ценностях в сравнительной сетке Россия – Казахстан. Исследовательский вопрос связан с желанием понять, в каком поле конструируются представления или модерн), что, безусловно, отражается на их профессиональной деятельности и транслируется в социум в силу профессии. В современном мире наблюдается определенный спрос, мода на фундаментализм, что нередко объясняется «социальной усталостью» от прогресса, преобразований, перестроек, кризисов. В рамках модернизма или традиции должен действовать и мыслить специалист, изучающий семейно-брачные отношения?

С 1990-х гг. система социальной работы с семьей на постсоветском пространстве закладывалась на фундаменте советской основы социального обеспечения. В государствах еще не было практикующих специалистов, способных внедрять новые подходы и алгоритмы работы, а официальная политика задавала новые идеологические ориентиры. Национальные системы социальной защиты Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Молдовы, Армении, Таджикистана, Узбекистана, России формировались в условиях выбора типа социальной поддержки и методов государственного регулирования социальных проблем. Во всех постсоветских странах эволюцию системы социальной защиты можно характеризовать как движение от государственной перераспределительной социально-культурной модели, где одни феномены, семейно-брачные и поведенческие формы исключались из поля социального внимания как неаутентичные, в отношении других выполнялась социальная работа по адаптации, к либеральной модели, характеризующейся возникновением и привинчиванием дифференцированных жизненных и культурных стилей. Иными словами, социальная работа формировалась в логике прогресса, модернизации, либерализации ценностей, а точнее, в логике догоняющей модернизации. Сегодня возникли новые вызовы и вопросы относительно дальнейшего пути развития общества, наступает эпоха национальных модернизационных проектов, что хорошо видно на примере Казахстана.

Исходя из ошибочности крайних утверждений – «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие должно быть исключительно самобытным», мы подчеркиваем значение таких ценностей социальной работы, как гуманность, справедливость, самоопределение, конфиденциальность, антидискриминация и честность в профессиональной деятельности¹.

Эти ценности были достигнуты в том числе огромными усилиями прогрессивно мыслящих социальных работников во всем мире. Для людей, которые работают в системе «человек – человек», наличие нравственно-этических установок, закрепленных ключевыми кодексами профессиональной этики социального работника, социального педагога, является необходимостью. Социальная установка специалистов системы социальной работы и социальной педагогики должна предполагать готовность к положительной реакции на нетипичные семейные формы или семейные ценности из другой системы координат. Невозможно быть профессионалом в социальной сфере и иметь негативную социальную установку по отношению, например, к межнациональным, межконфессиональным, асимметричным по возрасту бракам и в целом к тем категориям людей, с которыми приходится работать и которые нуждаются в корректном отношении к себе.

Данное исследование посвящено изучению социальных дистанций специалистов социальной и образовательной сферы к некоторым видам семьи и брака, исследованию индивидуальных проявлений социальных конструктов и ценностных установок специалистов по шкале политкорректности, традиционности, современности.

Исследовательские вопросы, ответы на которые мы ищем, сравнивая ценностные установки социальных работников, социальных педагогов в России и Казахстане:

– насколько современная социальная работа с ее системой профессиональных ценностей встроена в логику западной модернистской культуры, которая требует терпимости граждан и социальных институтов по отношению к новым и непривычным стилям жизни, готовности жить в достаточно сложной полистилистической среде;

– какое влияние сегодня оказывает фундаментализм (в форме движения в сторону преобразованного возрождения традиций) на формирование профессиональных ценностных установок;

– каковы ценностные установки и социальные дистанции специалистов системы социальной работы по отношению к межнациональным, межконфессиональным, другим нетипичным семьям?

Методологическим основанием сравнительного исследования господствующих ценностных

установок среди специалистов стали взгляды М. Фуко на историю сексуальности, а также теория Э. Гидденса о трансформации интимности, где обозначены тенденции разрушения традиционных устоев общественных институтов, изменение стандартов морали и переход к новым типам функционирования семьи в рамках полистилистической культуры и нового гендерного порядка. Методы сбора информации – экспертные интервью со специалистами по социальной работе (область деятельности – работа с семьей), руководителями социальных отделов и центров, а также с социальными педагогами в Российской Федерации (г. Саратов) и Республике Казахстан (г. Уральск).

Теоретически можно исходить из того, что между различными странами существуют значительные расхождения в субкультурах. Некоторые общества имеют более долгую историю сексуальной толерантности, нежели другие, и изменения, которые они испытывают, возможно, не настолько радикальны, как в США, но и в этих обществах происходят изменения в системе нравственных и сексуальных ценностей². Насколько новый гендерный порядок и новые семейные формы приемлемы в системе социальной работы государств постсоветского блока, как выражены социальные дистанции по отношению к национальной и религиозной гетерогенности?

Анализ предполагает выявление представлений о динамике семейных ценностей и эталона (доминирующего конструкта) семьи в сознании специалистов социальной сферы. Во всех направлениях анализа латентно мы пытаемся нащупать влияние официального дискурса социальной политики на формирование ценностных установок о семье среди специалистов социально-педагогической сферы и определить склонность к фундаментализму или модернизму и либеральности при рассуждении о семье и семейных ценностях.

В нашем исследовании, проведенном методом глубинного интервью, приняли участие 10 специалистов, работающих в социальной сфере: пять жителей Казахстана и пять россиян. Из них четверо занимают руководящие должности в социальных службах, остальные являются специалистами по социальной работе и социальными педагогами школы.

Вопросы о динамике семейных ценностей и в Казахстане, и в России были восприняты однозначно и единодушно. Абсолютно все информанты полагали, что семейные ценности существенно изменились, и изменились в основном в результате внешних трансформаций и макро-социальных перемен. Оценку характера произошедших перемен однозначно определить не удалось, однако общее настроение информантов позволяет заключить, что модернизация в смысле усвоения западных моделей и образцов

отрицается. В обоих государствах люди говорили о собственных национальных ценностях и традициях, которые надо возрождать с учетом реалий современности (в Казахстане), или о забытых советских моделях семьи и семейного воспитания (в России). Россияне более пессимистичны в оценках сути перемен, считают их негативными в связи с кризисом, утратой межпоколенческих связей, разлагающим влиянием СМИ, засильем компьютерных игр, ростом разводов. Казахстанские информанты, строя свои рассуждения в поле глобальных социальных изменений, предпочитали логику прогресса и модернизации, возрождения целостности и развития социума:

20 лет назад наши родители росли как сорная трава, сейчас все у детей расписано, родители стали больше обращать внимание на развитие детей и воспринимают их как сосуд, в который надо вкладывать и вкладывать (РК, руководитель социального центра);

Семейные ценности изменились не в лучшую сторону. Взгляды на семью стали иными, в наше время семьи как таковой нет, каждый из членов семьи старается жить как бы обособленно (РФ, социальный педагог).

Моделируя образ полноценной (социально благополучной) семьи, российские информанты говорили о сочетании душевно-нравственной атмосферы в семье с материальным благополучием. Несколько неожиданным стало то, что ряд российских информантов связывают категорию «неполная семья» с понятием «неполноценная семья». В российском контексте слова идентифицируются, и это очевидно неблагоприятный знак в логике социального конструирования реальности. Казахстанские информанты, говоря о социально успешных семьях, рассуждали больше о семейном микроклимате:

Показателем успешной семьи является доверие. Полноценными нельзя считать семьи, где люди не уделяют внимания детям и друг другу, а есть семьи, где один родитель заменяет всех (РК, специалист по социальной работе)³.

Хотя большинство информантов единодушны в том, что успешность семьи не снаружи, а внутри, все же среди казахстанских специалистов больше тех, кто полагает, что нельзя считать полноценными те семьи, где существуют жесткая иерархия, патриархат, тирания, где люди не чувствуют себя под защитой семьи. Российские эксперты были более озадачены внешними факторами – материальное благополучие, хорошее образование, отсутствие социальных патологий у членов семьи.

Более пристальный анализ темы социальных дистанций и социальных конструктов специалистов социально-педагогического поля в двух государствах показал, что в некоторых вопросах казахстанские информанты либеральнее, чем россияне. Так, семья, существующая

без официальной регистрации (в бытовом сленге – сожительство), воспринимается лояльнее казахстанцами, хотя и с оговорками о неприемлемости такого союза традиционной национальной культурой, в то время как многие российские информанты резко и категорично высказались против такой формы семьи, акцентируя безответственность и инфантильность этой формы супружества. Высказывания казахстанских информантов лучше всего иллюстрируются мнением:

Сожительство без регистрации – это нормально. Не скажу, что я на 100% приветствую такие вещи, но люди могут узнать друг друга, а минус в том, что снижается чувство ответственности. Лет 10 назад можно было сказать, что сожительство более выгодно для мужчины, но сейчас женщина тоже легко идет на такие вещи, это скорее тоже шаг в сторону ухода от лишней ответственности. Но традиционные ценности сильно влияют, т. к. в восточной семье вряд ли родители согласятся на сожительство своих детей (РК, руководитель социальной службы).

Россияне чаще выражают следующую позицию:

Сожительство – это гражданский брак (РФ, социальный педагог).

Чем моложе информанты, тем спокойнее они относятся к такой форме союза и охотнее подчеркивают тот факт, что в гражданском браке есть возможность узнать партнера и принять осознанное решение о дальнейшей жизни и совместном потомстве, а также это способ не разочаровать родных, которые потратят, словами одной информантки, «миллионы тенге» на организацию свадебной церемонии.

Наше исследование позволило увидеть картину социальных дистанций по отношению к межнациональным и межконфессиональным бракам. Оказалось, что первые воспринимаются лояльнее, в то время как в рассуждениях о вторых можно слышать фразы: «в наше время – это сложно» или «очень много сложностей с родителями, с родственниками будет, и если пара пройдет эти испытания, то брак и дети в нем будут счастливы», или «раньше я относилась к этому нормально, но с годами понимаю, что лучше, когда люди одной национальности». Все эти фразы принадлежат российскими информантам. В целом социальная дистанция к межнациональным бракам невысока, а порой минимальная, информанты и сами гипотетически высказывали готовность вступить в такой брак. В числе плюсов межнационального союза и казахстанскими, и российскими информантами отмечалось, что в таком браке расширяется кругозор, человек погружается в иную культуру, он становится «надэтническим», гораздо шире и эрудированнее смотрит на многие вещи. Хотя порой в своих рассуждениях информанты в России допускали

оговорки, что если и заключать межэтнический брак, то с людьми, которые близки к твоей культуре, живут рядом.

Никто из наших экспертов не считает, что в интернациональных семьях проблем больше, чем в остальных, напротив, все зависит от людей и от взаимоуважения членов семьи. Выявлено мнение, что более традиционно воспитанные люди те, кто чтит и внешние религиозные атрибуты – они менее открыты и лояльны к межконфессиональным и межнациональным бракам, а люди более атеистически настроенные открыты к интернациональным и разнорелигиозным бракам.

Несмотря на достаточно позитивное отношение к межнациональным бракам, все же стоит отметить, что в постсоветскую эпоху количество гетерогенных в национальном отношении браков и в России, и в Казахстане снизилось. Объяснительные причины этого строятся как вокруг рассуждений о всеобщем кризисе семьи и семейных ценностей, так и в поле размышлений о межэтнической напряженности и конфликтности в ряде регионов постсоветского пространства. Нельзя упускать из виду и мощную пропагандистскую силу социалистического периода, когда межнациональный брак декларировался как средство укрепления дружбы между народами. Современный официально-политический дискурс, хотя и содержит интегративные установки и призывы к межнациональному партнерству, но уже не в той степени и не в том контексте. В настоящее время и в Казахстане, и в России отсутствует какая-то общепризнанная идеологическая доктрина в области межэтнических отношений.

Социологи, исследующие межнациональные и межэтнические браки (А. А. Сусоколов, Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева), отмечают, что доля межэтнических союзов в структуре брачности зависит от социально-политической ситуации в стране и регионе, экономической стабильности, государственной идеологии, этнонационального состава населения, исторических предпосылок развития народов региона, культуры и образа жизни, религии, особенностей национальной психологии и ряда других факторов.

Подводя итоги, следует отметить, что в своем исследовании мы усмотрели влияние в основном первых трех факторов на рассуждения информантов о межнациональных союзах. Ведь наши информанты в определенном смысле – посредники между обществом и социальной политикой государства, и именно эту политику они явно или латентно артикулируют. Казахстанские эксперты в большей мере говорили о праве выбора, отсутствии жестких моделей семьи, о культурном обогащении в результате межнациональной брачности. Российские эксперты не возражали, но и не воспевали такие союзы, все чаще апеллируя к труд-

ностям, которые могут встать на пути такой семьи в результате социокультурных различий и разницы воспитания. Создается ощущение, что на сегодняшний день дискурсы мировой интеграции и глобального сотрудничества более присущи Казахстану.

Если межэтнические и межконфессиональные браки имеют низкий или средний показатели по шкале социальной дистанции и в целом приветствуются, то вопрос о гомосексуальном партнерстве стал совсем иной лакмусовой бумажкой. Несмотря на некоторые старания, информанты в двух государствах не смогли убедить нас в своей лояльности к гомосексуальным бракам, впрочем, среди российских информантов таких попыток и вовсе не было. Казахстанские работники социальной сферы больше рассуждали о таких браках как о болезни, одновременно пытаясь подчеркнуть свою не осуждающую и не обвинительную позицию:

Гомосексуальные браки – это не их вина, а их беда. Я, конечно, могу умно демократично рассуждать, что я не вижу ничего плохого в гей-браках, но всегда можно задать уточняющий вопрос: а вы хотите такого для своего ребенка? Тогда вся теория рушится, как картонный домик. Конечно, никто не хочет для своего ребенка этого. Наверное, если так сложится, то я как человек более образованный буду потихонечку привыкать к этому. Это очень сложный вопрос (РК, директор социальной службы).

Стоит отметить, что не многие информанты старались сохранять профессиональный имидж, вспоминая об этическом кодексе социального работника. Наше исследование в определенной степени дает ответ на вопрос о том, какими будут действия специалистов и какую роль в выборе стратегий поведения и взаимодействия с клиентами сыграют профессиональные компетенции, а какую личностные ценностные установки.

Асимметричные по возрасту браки описывались нашими информантами в основном ценностно нейтрально в логике, примерно следующей:

Мне кажется, вообще нельзя в современном мире вводить стандарты. Даже в самое традиционное общество проникают взгляды, что мир меняется. Если жена старше мужа на 20 лет – значит это любовь (РК, директор социального центра);

Это может быть любовь, а может расчет или договор, разницы нет, если они друг друга дополняют и понимают (РК, специалист по социальной работе).

Наш анализ показал, что чем более высокую должность в иерархической системе координат занимает информант, тем сильнее он старается придерживаться официальной риторики, идей толерантности, лояльности, терпимости, поликультурности, модерности.

Важным фактором формирования установки на фундаментализм или модернизм в практиках социальной работы являются официально декларируемые государственные ориентиры. Полученные нами результаты говорят о большем градусе толерантности в высказываниях казахстанских специалистов относительно свободных форм брака, межэтнических и асимметричных по возрасту браков и большей нормативности и категоричности у российских коллег. По шкале фундаментализм – модернизм мы маркируем оба государства в позиции «национальная модернизация».

Примечания

- ¹ См.: Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.
- ² См.: Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / пер. с фр. В. Каплуна. СПб.: Академический проект, 2004.
- ³ См.: Симонович Н. Е. Понятие и содержательные аспекты социального самочувствия // Вестн. РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. 2012. № 15 (95). С. 258–265.

Образец для цитирования:

Узакова С. А., Ивченков С. Г., Симонович Н. Е. Модели и ценности современной семьи: анализ взглядов специалистов семейной сферы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 414–418. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-414-418.

Cite this article as:

Uzakova S. A., Ivchenkov S. G., Simonovich N. E. Models and Values of the Contemporary Family: Analysis of Views of Specialists of the Family Sphere. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 414–418 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-414-418.

УДК 316.74:2

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ОПЫТ САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Е. И. Уфимцева

Уфимцева Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ufim75@mail.ru

Статья посвящена описанию социальных практик организации работы с молодежью в Русской православной церкви. Рассматриваются особенности возникновения, развития, функционирования института молодежного служения Русской православной церкви. Описываются цели, задачи, уровни, направления и формы деятельности субъектов современного православного молодежного движения в России. Представлен анализ социальных практик организации деятельности православных молодежных объединений Саратовской епархии.

Ключевые слова: церковная работа с молодежью, православное молодежное движение, православное молодежное общество, Саратовская епархия.

Social Practices of Working with Young People in the Russian Orthodox Church: the Experience of the Saratov Diocese

E. I. Ufimceva

Ekaterina I. Ufimceva, ORCID 0000-0002-0164-2430, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ufim75@mail.ru

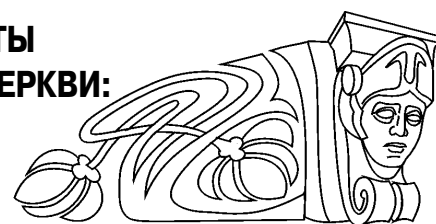
The article is devoted to the description of social practices of organizing work with young people in the Russian Orthodox Church. Discusses the features of formation, development and functioning of the Institute of youth Ministry of the Russian Orthodox Church. Describes the goals, objectives, levels, directions and forms of activity of subjects of modern Orthodox youth movement in Russia. Presents an analysis of the social practices of organizing the activities of the Orthodox youth associations of the Saratov diocese.

Key words: church work with youth, Orthodox youth movement, Orthodox youth society, Saratov diocese.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-419-426

Генезис молодежного служения Русской православной церкви

Русская православная церковь (РПЦ), пережившая семидесятилетний период политических несвобод и гонений, восстанавливает свои структуры. Расширена система богословского образования, организовывается катехизаторская, миссионерская, социальная работа на приходах. Работа с молодежью представляет собой новое и значимое направление церковной деятельности. До Ре-

волюции 1917 г. церковная молодежная работа в России была частью системы церковного образования и не составляла отдельного направления. В советский период подобная работа не могла осуществляться, так как Церковь была лишена права проповеди. Молодые люди, проявившие интерес к религии и Церкви, подвергались идеологическому давлению и общественному порицанию. После принятия Закона «О свободе совести и религиозных организациях» (1990 г.) создались благоприятные условия для развития разносторонней церковной деятельности, в том числе православных молодежных объединений.

Уже в декабре 1990 г. Священный синод РПЦ принял решение о создании единой молодежной церковной организации и благословил проведение съезда православной молодежи. Открытие съезда состоялось 25 января 1991 г. в день памяти мученицы Татианы в Москве, в здании домового храма самого главного вуза страны – Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. На съезд прибыли делегаты от всех епархий РПЦ. Было образовано Всецерковное Православное молодежное движение (ВПМД), принят его устав и избран председатель. В состав ВПМД вошли представители православных братств, молодежных приходских организаций, скаутских групп. В качестве основной цели ВПМД провозглашалось «объединение православной молодежи в служении Православной Церкви, а также приведение ко Христу тех, кто находится вне спасительной церковной ограды»¹. В дальнейшем работа Всецерковного Православного молодежного движения велась по нескольким направлениям:

- создание епархиальных молодежных центров;
- проведение семинаров по вопросам молодежной деятельности Церкви;
- духовное окормление скаутских организаций;
- информационная и издательская деятельность;
- развитие сотрудничества с христианскими и светскими молодежными неполитическими организациями;
- взаимодействие с государственными и общественными структурами в целях координации государственной молодежной политики.

Председатель ВПМД распоряжением Президента РФ был включен в президиум Совета по

делам молодежи. Среди всех программ ВПМД наиболее широкую известность в церковной среде получили программа паломничества по святым местам для детей и программа молодежных летних лагерей «Реставрос» (<http://www.dom-restavros.ru>), действующие по настоящее время. При их реализации группы детей и молодежи направлялись во вновь открытые, требующие восстановительных и ремонтных работ храмы и монастыри Русской православной церкви для участия в возрождении святынь. В декабре 2000 г. в аспекте реализации определения Юбилейного Архиерейского Собора Русской православной церкви о совершенствовании миссионерской и духовно-просветительской работы в молодежной среде ВПМД был преобразовано в синодальный Отдел по делам молодежи Московского патриархата.

Необходимо отметить, что 2000 г. стал решающим в развитии молодежной работы РПЦ. В этом году не только был организован главный координационный орган по работе с молодежью, но и утвержден первый основной рамочный документ этой деятельности – Концепция православного молодежного служения Русской Православной Церкви. С 2000 г. начался новый период в развитии молодежной деятельности РПЦ.

Основная цель молодежной работы Русской православной церкви – воцерковление

На современном этапе ответственные и участники церковной работы с молодежью в своей деятельности руководствуются, прежде всего, двумя основополагающими церковными документами: Концепцией православного молодежного служения Русской Православной Церкви (2000) и «Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви» (2011). Первый документ является составной частью социальной политики Русской православной церкви. Целью Концепции молодежного служения является совершенствование и развитие православной миссии и духовно-просветительской работы Церкви среди детей и молодежи. В ней отражены цели, задачи, принципы молодежной работы РПЦ. Описываются основные формы церковной работы с молодежью. Документ «Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви» был утвержден в октябре 2011 г. Он включает описание системы управления церковной молодежной работой, перечень обязанностей ответственных за молодежную работу, а также рекомендации к их деятельности.

Согласно тексту Концепции молодежного служения РПЦ основной целью такого служения является воцерковление всех сторон жизни молодого человека. Следует отметить, что понятие «воцерковление» – церковного происхождения и в первоначальном значении представляет со-

бой христианский церковный чин, совершаемый над младенцем и его матерью на сороковой день после рождения ребенка. Данный христианский обряд сохранился и применяется в современной богослужебной практике РПЦ.

Однако в современном церковном дискурсе понятие «воцерковление» чаще используется в ином значении. В Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви воцерковление определяется как «включение предлагаемых, оглашаемых и крещеных людей в полноту церковной жизни, помощь в формировании православного содержания и стиля их жизни, введение человека в церковную жизнь»². В другом важном церковном документе – «Стандарте учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации» – воцерковление воспитанников рассматривается как «приобщение их к православной вере, к Богослужению и Церковным Таинствам, православной традиции и православной культуре, через которые происходит освящение личности и ее преображение в Духе Истины и Любви»³. Подобные аспекты значения понятия «воцерковление» мы находим и в работах церковнослужителей, посвященных данной проблеме. Так, игумен Нектарий (Морозов) описывает воцерковление как процесс постепенного «вращения человека в церковную жизнь, претворение его в маленькую, но живую клеточку этого великого организма – Тела Христова, Церкви»⁴. Архимандрит Иоанн (Экономцев) в большей степени склонен интерпретировать данное понятие в аспекте научения религиозному вероучению и поведению. При этом под воцерковлением архимандритом Иоанном понимается приобщение к свидетельству о Христе, к евангельским заповедям, обретение уверовавшими людьми Евангелия как книги жизни, формирование христианского мировоззрения, обретение базовых знаний о церковной жизни и церковной дисциплине, формирование чувства каноничности и дисциплинированности, формирование внутренней духовной и внешней культуры благочестия, обретение своего места в Церкви, обретение личной духовной жизни⁵. Итак, мы видим, что в указанных документах и цитатах освещается несколько аспектов понимания воцерковления, а именно:

- как духовно-нравственное совершенствование личности сообразно Евангельскому идеалу – личности Иисуса Христа;
- как преемство православного духа;
- как научение и усвоение православного образа жизни (мировоззрения, нравственных норм, религиозного поведения);
- как процесс интеграции личности в церковную общность.

Все эти определения, дополняя друг друга, формируют общее значение воцерковления как основной миссии молодежной работы РПЦ.

Общенациональный уровень православного молодежного движения в России

Координация церковной молодежной работы РПЦ осуществляется на общенациональном уровне, на уровне епархий, на уровне благочиний и уровне приходов. На общенациональном уровне главным координатором работы с молодежью выступает Синодальный отдел по делам молодежи (<http://sinodmrpc.ru>), возглавляет который епископ Выборгский и Приозерский Игнатий (Пунин). В состав отдела входят как священнослужители, так и миряне.

Деятельность отдела направлена на формирование общенациональной системы молодежной работы. В рамках данной цели синодальный отдел осуществляет разработку, координацию и реализацию общенациональных молодежных программ и проектов. В качестве примера подобных проектов можно привести международную образовательную игру «Православная традиция». Это важная образовательная площадка для молодых знатоков Священного Писания. Игра проходит в форме знаменитой телевизионной игры «Брэйн-ринг», в которой команды «знатоков» соревнуются между собой в знании какой-либо темы. В случае с «Православной традицией» основной темой игры является Священное Писание. В игре принимают участие студенческие, приходские, монастырские молодежные объединения, каждое из которых для участия в игре представляет команду из девушек и юношей в количестве 6 человек до 30 лет. В 2016 г. в ней участвовали 16 команд⁶. Команды-победители получили именные кубки, игроки – дипломы участников и победителей.

Еще одним направлением деятельности синодального отдела является организация и проведение многочисленных ежегодных молодежных съездов, форумов, лагерей и сборов. Ежегодно проводится Международный православный молодежный форум «Вера и дело» – основная летняя образовательная и коммуникативная площадка для православной молодежи России и зарубежья, благодаря которой активисты православных молодежных организаций получают уникальную возможность обмениваться опытом реализации проектов и программ, приобретают навыки и знания по различным аспектам молодежного служения. Еще 13 октября 2016 г. в Москве прошел II Международный православный студенческий форум «Вера и профессия», на котором были представлены инновационные, социальные и экологические проекты, 3D-технологии, робототехника и медицина. Параллельно работали три лектория, где проходили беседы и дискуссии с известными деятелями науки, искусства, спорта, культуры и религии. Ключевым событием Форума стала встреча молодежи со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

Синодальным отделом осуществляется работа по обмену опытом с зарубежными молодежными организациями. Так, в мае 2016 г. в Кёльне (Германия) на базе прихода храма Великомученика Пантелеимона прошел XIV съезд православной молодежи Германии. На съезд прибыли не только молодые люди из Германии, но также гости из России, Прибалтики, Беларуси, Польши, Дании. В рамках съезда прошли лекции и семинары по различным вопросам молодежного служения.

К обязательной функции синодального отдела относится координация и развитие системы образования и повышения квалификации для священнослужителей, мирян, специалистов в области церковной работы с молодежью. Одним из проектов данного направления стал международный образовательный форум «Православный молодежный практикум 2016», который прошел в Москве в сентябре 2016 г. Трехдневная образовательная программа включала лекции и мастер-классы по приходскому консультированию как направлению молодежного служения.

Важное направление деятельности синодального отдела – методическое обеспечение церковной молодежной работы, подготовка и распространение методических материалов по всем направлениям молодежной работы. Достаточно обширная база методических материалов, разработанных сотрудниками отдела, выложена в открытом доступе на сайте Синодального отдела по делам молодежи (<http://sinodmrpc.ru>). Она включает методические рекомендации по организации православных летних лагерей, молодежных акций социально ориентированного, культурно-просветительского, исторического характера, рекомендации по подготовке приходских молодежных сотрудников и др.

Создание общенациональной системы молодежной работы осуществляется синодальным отделом также через координацию работы отделов по делам молодежи на уровне епархий. Для организации молодежной работы в епархиях действуют епархиальные отделы по делам молодежи, общее руководство которыми осуществляют правящие архиереи. Мероприятия епархиального отдела по делам молодежи оплачиваются из бюджета епархии и привлеченных средств. В задачи епархиальных отделов входят: координация всей церковной молодежной работы в епархии, координация деятельности штатных ответственных по работе с молодежью в благочиниях и в приходах; разработка и реализация годовых планов молодежной работы в епархии; содействие созданию в приходах православных молодежных объединений; проведение краткосрочных обучающих курсов и семинаров по организации молодежной работы в приходах; разработка и реализация общепархиальных молодежных программ и проектов. Приоритетными формами и направлениями молодежной работы на епархи-

альном уровне являются: занятия для молодежи по изучению Священного Писания, вероучения Церкви, литургической традиции, постижению смысла богослужения и основ христианской жизни; миссионерские молодежные акции и поездки; клубы молодой семьи; молодежные социальные волонтерские проекты; епархиальный фестиваль, включающий различные виды творчества молодежи; спортивные игры с участием молодежных команд благочиний и приходов; летние молодежные лагеря; участие православной молодежи в церковных, общественных и государственных праздниках и мероприятиях, связанных с памяtnыми датами; съезды православной молодежи и форумы с ее участием.

Разумеется, степень развития молодежной работы и каждой из ее форм в разных епархиях различна, что зависит от многих факторов. Но нет епархии, в которой бы работа с молодежью не велась. При этом с течением времени в каждой епархии складываются свои особенные проекты и программы. Например, проведение краткосрочных обучающих курсов и семинаров по организации молодежной работы осуществляется во многих епархиях. Это православный молодежный форум «Радость Веры: OpenAir», объединяющий молодых представителей 7 епархий Дальнего Востока: Хабаровской, Амурской, Благовещенской, Сахалинской, Владивостокской, Находкинской и Арсеньевской. В Кубанской митрополии – форум «Регион 93»; в Лысковской – школа молодежного актива, в Омской – ежегодная летняя школа молодежных лидеров «Вера и Дело», в Виленско-Литовской епархии – Школа молодежного служения в Вильнюсе и др. А вот ежегодный открытый фестиваль-конкурс православных детских и молодежных театральных коллективов «Божественная искра» проводится только в г. Чистополь Республики Татарстан⁷. На фестивале детские и молодежные театральные коллективы из разных регионов России представляют публике спектакли, в которых утверждаются главные христианские ценности: любовь, милосердие, стремление к Добру и Свету. Свои особенности имеет и организация работы с молодежью в Саратовской епархии.

Истоки православного молодежного движения в Саратовской епархии

Работа с молодежью в Саратовской епархии началась в 2006 г. с организации при храме иконы Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратова первого православного молодежного общества. На тот момент это было единственное в Саратовской области и Саратовской епархии и одно из первых в Русской православной церкви молодежное объединение, созданное при православном приходе. На первое собрание этого общества пришли несколько сотен человек. Это были

люди разных возрастов, которые хотели узнать о Церкви, получить ответы на давно мучающие их вопросы о Боге и православной вере. Первое православное молодежное общество в Саратове стало местом, на тот момент единственным, «куда человек мог с улицы прийти и узнать, что такое Церковь», пообщаться со священником и братьями по вере, поговорить о своем первом духовном опыте жизни в Церкви. Для многих из тех, кто пришел в молодежное общество, это был первый опыт церковного общения и первый шаг осознанного вступления в Русскую православную церковь.

Формально общество было приходским, но по существу выполняло функции епархиального молодежного объединения. Поэтому именно при нем были открыты первые в епархии катехизаторские курсы азов православия, организован первый православный любительский хор. Епархиальное управление административно поддерживало общество, предоставляло помещение для встреч и мероприятий. Вместе с тем руководители общества осознавали, что миссия первого православного молодежного общества – в его посредничестве, что через него люди, которые хотят быть частью Церкви, должны войти в православную общину или стать православной общиной при том храме, в котором они молятся и причащаются Святых Христовых Таин. Потому что не молодежное общество является центром духовной жизни человека, а храм – место, где совершается Божественная литургия, где человек встречается и соединяется со Христом. Поэтому, когда люди, пришедшие и оставшиеся в молодежном обществе, получали необходимое для них знание основ православного вероучения и начальный опыт духовной жизни, их направляли в тот приход, который им был ближе по месту жительства, где они знакомились со священником, где начинался новый этап их жизни в Церкви.

Деятельность же первого православного молодежного общества города Саратова постепенно переросла в деятельность отдела по делам молодежи Саратовской епархии, который был официально создан в 2011 г.

Современная система управления и организации молодежной работы в Саратовской епархии

Саратовская епархия наряду с Покровской и Балашовской епархиями входит в состав Саратовской митрополии, совпадающей в границах с Саратовской областью, численность которой составляет около двух с половиной миллионов человек. Работу с молодежью в Саратовской епархии координирует отдел по делам молодежи⁸, с 2015 г. возглавляемый священником Кириллом Петровичем. Деятельность отдела направлена на формирование епархиальной системы молодежной работы. На современном этапе основными

направлениями деятельности епархиального отдела по делам молодежи являются:

– содействие созданию в приходах православных молодежных объединений;

– проведение ежедневных встреч и занятий по основам православного богослужения, церковного пения, чтению Евангелия, православному краеведению;

– реализация проекта «Семейный клуб» по воспитанию семейных ценностей среди молодежи;

– реализация проекта «Утраченные храмы Саратова», в рамках которого проходят еженедельные краеведческие встречи, силами участников православных молодежных объединений осуществляются экскурсии по городу и просветительские акции, организованы курсы для экскурсоводов по православному краеведению, проводится цикл лекций по истории утраченных саратовских храмов для школьников и студентов городских вузов;

– организация ежегодного празднования Дня православной молодежи «Сретенье», который отмечается 15 февраля;

– организация участия представителей православных молодежных объединений Саратовской епархии в межрегиональных и международных форумах и съездах православной молодежи, таких как: Православный молодежный международный фестиваль «Братья», Молодежный добровольческий образовательный форум «ДоброЛето», Фестиваль колокольного звона «Алексеевские перезвоны», Зимний слет православной молодежи в городе Самаре;

– информационно-просветительская работа через сайт отдела, страницы в социальных сетях и публикации в местных СМИ.

Об одном проекте, разработанном и реализуемом епархиальным отделом по делам молодежи, необходимо рассказать подробнее. Молодежный просветительский проект «Утраченные храмы Саратова» направлен на поиск и систематизацию исторических сведений о православной истории г. Саратова и дальнейшее их распространение среди горожан. Проект также имеет целью воцерковление и личностный рост молодых людей в служении Богу, Церкви и людям. Почему этот проект актуален и значим для молодежи города? Дело в том, что на территории г. Саратова – культурного, образовательного, научного центра дореволюционной России – до 1917 г. действовало 49 православных храмов, а во всей Саратовской епархии – 891. К 1937 г. в епархии не осталось ни одной действующей церкви. Большинство из них оказались разрушены или перестроены: стали складами, больницами, клубами, тюрьмами. К началу 90-х гг. XX в. в г. Саратове сохранилось только четыре дореволюционные церкви, которые и стали центрами возрождения церковной жизни города. Не имея знаний о православной истории своего

края, молодежь лишается возможности сохранить преемственность православной и культурно-исторической традиции своего народа, своей страны. Поэтому ключевыми мероприятиями молодежного просветительского проекта являются организация экскурсий по местам утраченных храмов, а также проведение культурно-просветительских акций на улицах города с целью информирования горожан о незнакомой для них странице истории Саратова. Организаторами и участниками мероприятий выступают члены православных молодежных объединений города. Проект включает курсы экскурсоводов (по профилю православного краеведения) для организации систематических экскурсий по православным храмам г. Саратова, а также проведения лекций, семинаров и иных культурно-просветительских мероприятий по православной истории города. В проекте предусмотрено проведение и участие в научно-практических и научно-образовательных мероприятиях по проблеме возрождения православного культурно-исторического наследия Саратовского края. Частью проекта является проект «Утраченные храмы Саратова глазами художника», к участию в котором приглашаются профессиональные художники, желающие внести свой вклад в живописное воссоздание облика одного из утраченных храмов.

Управление епархиальной системой молодежной работы осуществляется отделом через координацию деятельности помощников благочинных по молодежной работе (Саратовская епархия включает 13 благочиннических кругов), а также помощников настоятелей храмов по молодежной работе. Ежегодно проводится общее собрание сотрудников и участников православных молодежных объединений Саратовской епархии, в рамках которого подводятся итоги работы и обозначаются приоритеты и направления развития молодежной работы на новый год. Общей задачей для всех ответственных в епархии за молодежную работу является создание благоприятных условий для самоорганизации верующей молодежи в приходах.

Приходской уровень молодежного служения Русской православной церкви

Если Синодальный отдел по делам молодежи РПЦ – главный координатор православного молодежного движения в России, то православный приход – главный источник этого движения. Основным местом организации служения молодежи и для молодежи должен быть и является церковный приход, церковная община. Где бы эта деятельность ни велась – в детском лагере, больнице, церковно-приходской школе, она обязательно будет связана с жизнью церковной общины. В соответствии с документом «Об организации молодежной работы в Русской Православной Церк-

ви» организация, координация и контроль работы с молодежью на приходском уровне находятся в компетенции настоятеля храма⁹. Непосредственное осуществление этой работы должно быть возложено на ответственного за молодежную работу в тех приходах, где есть возможность создать такую штатную единицу. Работа с молодежью в приходе имеет различные формы, в частности: беседы и встречи с духовенством и специально приглашаемыми гостями; вероучительные (катехизаторские) занятия; группы по изучению Священного Писания; миссионерские акции и поездки; социальные проекты; молодежные лагеря; интернет-проекты; киноклубы; кружки по интересам; проекты по профилактике зависимостей; спортивные секции; военно-патриотические клубы; клубы молодой семьи.

Базовая форма организованной молодежной активности в приходе – православное молодежное общество. Оно представляет собой действующее в структуре православного прихода сообщество православной верующей молодежи, объединенной потребностью общения, совместной деятельности и самореализации в православной среде. В современных условиях секулярности социальной среды российского общества православные верующие имеют большую потребность в общении друг с другом. Для православной молодежи эта проблема стоит наиболее остро, так как в юном возрасте потребность в общении со своими сверстниками является одной из ведущих. Поэтому перед руководителями и организаторами работы с православной молодежью стоит задача, прежде всего, по организации в приходах площадок для встреч и регулярного общения именно приходской молодежи друг с другом и с духовными наставниками.

В то же время подобное молодежное объединение призвано как к внутренней, так и к внешней миссии и имеет целью привлечь православных, но далеких от Церкви молодых людей к духовной и приходской жизни, а также вести просветительскую работу среди тех, кто еще даже не называет себя христианином, но имеет какие-то вопросы о Боге, вере и Церкви. Еще одной основополагающей функцией приходских молодежных обществ является катехизация – знакомство с основами христианского вероучения, с текстом Священного Писания, с историей христианской церкви, особенностями православного богослужения, обучение молитве, исповеди, посту. Православные молодежные объединения – это также каналы профессиональной мобильности в церковной среде, через которые молодые люди, желающие послужить Церкви, становятся церковными социальными работниками, катехизаторами, священнослужителями. Данные молодежные сообщества являются благоприятной средой личностного и духовного роста молодежи.

Управление такими сообществами осуществляют руководитель и координатор. Руководите-

лями выступают священнослужители – клирики или настоятели храмов, в структуре которых действует молодежное общество. Вся полнота ответственности за деятельность приходского молодежного общества лежит на его руководителе. Поэтому его основная административная функция – контролирующая. В то же время в зависимости от личной заинтересованности и полноты участия в жизнедеятельности общества он может выступать и как ведущий, инициатор какой-то деятельности, как организатор, исполнитель, а также как духовный наставник. Координаторами обычно являются миряне – юноши или девушки – лидеры молодежных объединений, утвержденные в этой должности руководителями. Основная задача координатора – организовать общение или деятельность молодых людей в рамках тех или иных мероприятий молодежного общества.

Участники молодежных обществ встречаются с определенной периодичностью для общения, совместного участия в богослужении, проведения мероприятий. Так, например, встречи молодежного общества при Свято-Троицком кафедральном соборе г. Саратова проводятся еженедельно по вторникам в вечернее время¹⁰. 70% этих встреч проводит руководитель общества, предлагая для дискуссии какую-либо тему, обсуждая с ребятами текущие дела и будущие мероприятия. Он же организует встречи с другими священнослужителями и интересными людьми, которые рассказывают о своем особом служении: миссионерском, тюремном, катехизаторском, социальном. Часть встреч проводит координатор общества, организуя, например, просмотр и обсуждение православных кинофильмов. Однако взаимодействие участников общества не ограничивается этими встречами, а еще включает такие формы, как:

- совместная молитва: коллективное чтение Псалтыри во время многодневных постов, еженедельное совместное чтение акафиста святым преподобным Петру и Февроньи, почитаемым в Русской православной церкви в качестве небесных покровителей семьи и брака;

- еженедельные визиты в реабилитационный центр для несовершеннолетних: проведение с воспитанниками бесед на нравственные темы, организация досуга, праздничных мероприятий и концертов;

- приходское консультирование: подготовка к православным праздникам и распространение информационных материалов о праздничном событии среди участников богослужения, консультирование пришедших в храм по различным вопросам;

- организация и проведение четыре раза в год «Дня православного донора»;

- трудовая помощь пенсионерам в рамках проекта «Мы не одни», организуемого Министерством социального развития Саратовской области;

- уход за могилами священников, служивших в Свято-Троицком соборе г. Саратова;
- сбор пожертвований для конкретных людей, детей, нуждающихся в финансовой поддержке;
- паломнические поездки;
- спортивный кружок;
- подготовка информационных материалов о деятельности общества для приходской газеты «Троицкий листок», для сайта Свято-Троицкого собора, для группы «ВКонтакте».

В структуре деятельности других молодежных обществ имеются как сходные, так и особенные, зависящие от состава молодежного общества, направления и формы взаимодействия.

Участники православных молодежных обществ Саратова

На начало 2017 г. в Саратовской епархии действовало 160 приходов и 6 монастырей (2 мужских и 4 женских)¹¹. В большинстве приходов молодежная работа ведется, но приходские молодежные общества есть не во всех приходах, так как не везде есть достаточное для создания молодежного сообщества количество молодежи. Особенно остро эта проблема стоит перед сельскими приходами. Во-первых, молодые люди, окончившие общеобразовательное учебное заведение, стремятся продолжить обучение в вузах и мигрируют либо в областной центр – Саратов, либо в другие города. Во-вторых, если эта молодежь семейная и имеющая детей, то ее возможности часто и регулярно собираться достаточно ограничены. В-третьих, не во всех приходах можно найти человека – мирянина, который взял бы на себя функцию координатора, организатора деятельности молодежного общества, человека заинтересованного, инициативного, гибкого и обладающего достаточным количеством свободного времени. Четвертым важным препятствием в организации приходского молодежного общества является личная заинтересованность настоятелей и клириков храмов. В качестве следующей трудности следует назвать материально-технические возможности прихода: наличие свободного помещения для собраний, обеспеченность компьютерной и иной техникой, транспортные возможности.

В то же время сегодня православные молодежные объединения есть во всех районных центрах той части Саратовской области, которая административно относится к Саратовской епархии. В самом Саратове действует около десяти молодежных обществ. Количественный состав их различен: 20, 30, 40, 60 человек. Каждое общество имеет ядро – от 5 до 15 человек, которые представляют собой регулярно взаимодействующую и активно участвующую в различных молодежных мероприятиях часть молодежного общества.

Возрастные границы молодежных обществ условны. В одном приходе это объединение может включать людей в возрасте от 19 до 27 лет, в другом – от 17 до 45 и выше. Женский состав в молодежных обществах преобладает. Большинство участников не состоят в браке и не имеют детей. Как отметил в интервью руководитель епархиального отдела по делам молодежи Кирилл Петрович, молодые по возрасту люди, вступившие в брак, в большинстве своем выпадают из категории участников молодежного общества, так как у них формируется иная шкала потребностей и возможностей. Что касается профессиональной занятости, то большинство участников обществ либо проходят обучение в высших учебных заведениях, либо работают в различных сферах деятельности – строительстве, сфере искусства, медицине, юриспруденции и проч.

Основными мотивами вступления в православное молодежное общество его участников являются: поиск друзей и единомышленников по вере, потребность в самореализации в православной среде, потребность в знакомстве и общении с прихожанами своего прихода, поиск потенциального православного супруга, личностный и духовный рост:

...это люди, которые ищут спасение души, это люди, которые стараются быть лучше, чем они были до этого, не хочу сказать лучше, чем другие, это будет не верно, лучше, чем они были сами. Это первое, что стоит перед любым сообществом, которое имеет в своем заголовке слово православный (Руководитель православного молодежного общества).

Вместе с тем, как отмечали члены молодежных обществ в процессе интервьюирования, вступив в православную молодежную группу, они приобрели то, чего не ожидали приобрести, но что для них оказалось очень нужным, жизненно необходимым:

Наверно, без молодёжного общества я бы никогда не созрела и не смогла бы пойти к детям в приют. Через вот это, наверное, Господь меня готовит к какому-то большему служению (Помощник благочинного по молодежной работе);

В свете последних событий у меня получилось так, что в этом году я в семинарию поступил... чего не должно было быть, если бы я не был бы в этом обществе (Член молодежного общества);

Что дало? Друзей, вот именно такой фундамент для дружбы, самый крепкий, самый прочный фундамент – вера (Координатор молодежного общества);

Получила уверенность. Я как-то стала более уверенно даже по городу ходить. ... Много что хотела сделать всё время. Боль вызывали одинокие люди, падшие люди. ... Я помогала, делала это одна, а здесь появился коллектив, который занимается тем же самым. И именно здесь появилась уверенность, что это точно так, это

всё не зря, это всё нужно делать. И когда ты делаешь, живёшь спокойно, чувствуешь себя счастливо (Член молодежного общества).

Дальнейший анализ личностных мотивов вступления и особенностей интеграции молодых людей в православное молодежное сообщество, описание представлений православной молодежи о значении церковных молодежных объединений и их роли в них, выявление отношения молодежи к духовным наставникам и друг к другу, изучение трудностей, проблем интрагруппового и аутигруппового общения православной молодежи и ресурсов их преодоления – предмет будущих социологических исследований.

Автор выражает глубокую признательность руководителю отдела по делам молодежи Саратовской епархии иерею Кириллу Петровичу, руководителю молодежного общества при Свято-Троицком кафедральном соборе г. Саратова иерею Николаю Генсичкову, а также другим руководителям молодежных обществ за экспертное консультирование по исследуемой проблеме, благодарит помощников благочинных по молодежной работе, координаторов и участников православных молодежных обществ Саратовской епархии за участие в нашем исследовании.

Примечания

- ¹ Всецерковное православное молодежное движение // Православная энциклопедия : [сайт]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/155568.html> (дата обращения: 10.07.2017).
- ² Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (2.2. Формы и методы современной миссионерской деятельности) // Официальный портал Синодального миссионерского отдела. URL: <http://портал-миссия.рф/index.php/item/kontseptsiya-missionerskoj-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi> (дата обращения: 10.07.2017).
- ³ Стандарт учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви. С. 8 // Православное образо-

вание. Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви. URL: <http://pravobraz.ru/standart-uchebno-vospitatelnoj-deyatelnosti-realizuemoj-v-voskresnyx-shkolax-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/> (дата обращения: 10.07.2017).

- ⁴ *Игумен Нектарий (Морозов)*. Что есть церковная жизнь и как на нее настроиться // Воцерковление.ру : информационно-аналитический портал. URL: <http://www.vocerkovlenie.ru/index.php/vocerkovlenie/1258-2011-02-08-07-31-39.html> (дата обращения: 10.07.2017).
- ⁵ См.: Воцерковление и катехизация в наше время. Интервью с архимандритом Иоанном (Экономцевым) // Русская Православная Церковь : официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/212598.html> (дата обращения: 10.07.2017).
- ⁶ См.: «Православная традиция» определила победителей. 26.09.2016 // Синодальный отдел по делам молодежи Русской Православной Церкви. URL: <http://sinodmrgc.ru/4154-2/> (дата обращения: 10.07.2017).
- ⁷ См.: Положение о втором открытом фестивале-конкурсе православных детских и молодежных театральных коллективов «Божественная искра» // Молодежный отдел Чистопольской епархии. URL: <http://chistopolmlad.pravorg.ru/news/guid/1131870> (дата обращения: 10.07.2017).
- ⁸ См.: Молодежный отдел Саратовской и Вольской епархии. URL: <http://www.pmsar.ru> (дата обращения: 10.07.2017).
- ⁹ См.: Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь : официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1639899> (дата обращения: 10.07.2017).
- ¹⁰ См.: Молодежное общество // Свято-Троицкий кафедральный собор города Саратова. URL: <http://trsobor.ru/category/molodezhnoe-obshhestvo/> (дата обращения: 10.07.2017).
- ¹¹ См.: Доклад Правящего Архиерея Саратовской Епархии Митрополита Саратовского и Вольского Лонгина на собрании Саратовской Епархии // Православие и современность : информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской епархии. URL: <https://eparhia-saratov.ru/Articles/doklad-na-eparkhialnom-sobranii-saratovskoj-eparkhii-2016> (дата обращения: 10.07.2017).

Образец для цитирования:

Уфимцева Е. И. Социальные практики организации работы с молодежью в Русской православной церкви: опыт Саратовской епархии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 419–426. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-419-426.

Cite this article as:

Ufimceva E. I. Social Practices of Working with Young People in the Russian Orthodox Church: the Experience of the Saratov Diocese. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 419–426 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-419-426.

УДК 316.35:616–006

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

А. Б. Шмеркевич

Шмеркевич Александр Борисович, кандидат медицинских наук, соискатель кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины), Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, a.shmerkevich@rambler.ru

Типологизация социальных рисков является одной из наиболее значимых проблем в исследованиях этиологии онкологических заболеваний, занимающих в последние десятилетия высокие ранговые позиции в группе хронических неинфекционных заболеваний. Междисциплинарный анализ социальных факторов этиологии онкологических заболеваний позволяет рассматривать онкопатологию в ракурсе мультикаузальной патологии.

Ключевые слова: паллиативная помощь, социальные риски, этиология онкологических заболеваний.

Social Risks Typologization of Oncological Diseases

A. B. Shmerkevich

Alexandr B. Shmerkevich, ORCID 0000-0002-3177-0767, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112, Bolshaya Kazachia Str., Saratov, 410012, Russia, a.shmerkevich@rambler.ru

Typology of social risks is one of the most significant problems in the etiology of cancer research, occupying last decades high ranking positions in the group of chronic non-communicable diseases. Interdisciplinary analysis of social factors of etiology of cancer allows to oncopathology to be considered from the perspective of multicausal pathology.

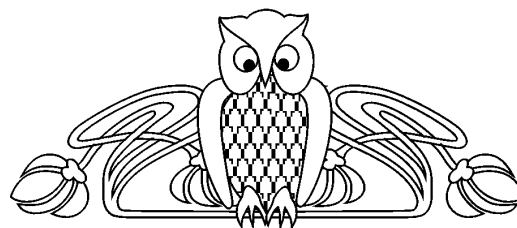
Key words: palliative care, social risks, etiology of cancer.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-427-430

Современный мир характеризуется полидетерминированностью здоровья человека, многообразием действующих факторов, а также значимым вкладом социальных рисков в показатели смертности, инвалидизации и заболеваемости населения.

Сосредоточение исследовательского фокуса на социальных детерминантах здоровья предполагает принципиальный уход от анализа непосредственных причин заболеваний к «причинам причин», к социальным контекстам формирования индивидуальных факторов риска или «рискам рисков», действующим как на микро- (малые группы), так и на макроуровне¹.

Социальная среда является источником и контекстом формирования социальных рисков здоровья населения. На актуальность проблемы влияния социальных рисков на здоровье населения, а также многообразии и разнонаправлен-

ность научных исследований по верификации социальных рисков указывают многие исследователи², отмечая, что полидетерминированность здоровья человека в современном мире свидетельствует о том, что значимый вклад в показатели смертности, инвалидизации и заболеваемости населения вносят социальные риски.

Онкологические заболевания являются многофакторными и полиэтиологическими³. Одним из наиболее значимых моментов в проблеме исследования онкологических заболеваний представляется типологизация социальных факторов, определяющих характер клинического течения и прогноз заболевания. В результате проведения интервенционных и наблюдательных исследований получены фактические данные, указывающие на связь между социальными рисками и онкологическими заболеваниями.

Помимо немодифицированных факторов риска (пол, этническая идентичность или возраст), существует целый ряд модифицированных факторов: образ жизни, социально-экономические или психосоциальные факторы, которые предлагается отнести к факторам риска возникновения онкологических заболеваний во многих наблюдательных исследованиях.

Бедность и сильный пролонгированный психоэмоциональный стресс, ведущий к тяжелой депрессии, – два важнейших фактора риска, которые влияют на уровень онкологической заболеваемости населения⁴.

S. Duijts et al.⁵, Y. Lin et al.⁶, Y. Chida et al.⁷ проанализировали стрессовые события и пришли к выводу, что они повышают риск возникновения рака молочной железы, а также уровень распространенности онкологических заболеваний и уровень смертности от них.

Н. А. Русина⁸ отмечает, что для онкологических больных характерны экстремальные ситуации в анамнезе заболевания и отсутствие адекватных стратегий совладания.

В литературе встречаются различные сведения о влиянии душевного состояния на развитие и течение онкологических заболеваний. Так называемыми психологическими канцерогенами являются различные психотравмирующие события, длительное пребывание в состоянии тоски и отчаяния⁹. Ведущую роль в воздействии на иммунную систему, приводящем к повышенному синтезу атипичных клеток, играет потеря интереса к жизни¹⁰.

Социально-экономические условия, в частности низкий доход, могут быть важным фактором, влияющим на уровень рака различной локализации. Субъекты с низкими доходами имеют низкие потребительские возможности, что, безусловно, является социально-экономическим фактором риска заболеваемости и выживаемости онкологических больных. Состояние питания населения, как недостаточное и несбалансированное, принято считать причиной почти в 1/3 случаев онкологических заболеваний¹¹.

Установлена связь онкологических заболеваний с низким социально-экономическим статусом¹². Пациенты с низким социально-экономическим статусом имеют более низкий уровень субъективного контроля, оптимизма, доброжелательности, самоуважения и более высокие показатели морбидности и смертности по сравнению с представителями среднего класса¹³.

Зависимость распространенности и частоты злокачественных новообразований от антропогенной нагрузки и качества среды обитания подтверждается исследованиями отечественных и зарубежных авторов.

Связь возникновения рака с экологическими особенностями существования человека убедительно доказывается изменением заболеваемости при миграции населения и характером распространения онкологических заболеваний в различных регионах¹⁴. По данным Международного агентства по изучению рака, возникновение 85% опухолей человека можно связать с действием окружающих факторов среды¹⁵. Факторы онкогенного риска для населения тесно связаны с экологическими условиями в различных климатогеографических зонах¹⁶. В работах, посвященных проблеме злокачественных новообразований, показано, что основным этиопатогенетическим и эпидемиологическим звеном, определяющим частоту распространения злокачественных опухолей, является состояние окружающей среды¹⁷. Ряд авторов указывают, что 70–90% опухолей человека связаны с особенностями образа жизни и воздействием канцерогенных факторов окружающей среды¹⁸.

Значимыми преддиспозициями развития злокачественных новообразований являются конституционально-депрессивная структура личности и преморбидный инфантилизм¹⁹. Н. Eysenck²⁰ выделяет личностный тип «С», характеризующийся чувством отчаяния, беспомощности, отсутствием социальной поддержки, неспособностью выразить отрицательные эмоции.

Саймонтоны²¹ отмечают следующие личностные черты онкологического больного:

- 1) очень низкая самооценка с чувством нелюбви к себе и не-ценности;
- 2) неспособность принять и пережить потерю значимого объекта;

- 3) напряжение в отношениях с родителями (с одним или обоими);

- 4) заметная неспособность прощать;

- 5) чувства отчаяния и беспомощности, безнадежности («синдром отчаяния» по LeShan);

- 6) тенденция к жалости к себе;

- 7) неспособность выразить враждебность, особенно чтобы защитить себя, и очень сильная тенденция сдерживать враждебность;

- 8) незрелая сексуальная адаптивность в отношениях;

- 9) слабая способность развивать и устанавливать значимые длительные отношения.

Подавление негативных эмоций, особенно гнева (в случае отсутствия других атрибутов, характерных для типа личности «С»), может способствовать развитию онкологической патологии²². Другие исследования доказывают влияние подавления чувств на тяжесть течения онкологических заболеваний²³.

По мнению М. М. Орловой, самоотношение женщин, больных онкологическими заболеваниями, характеризуется внутренней неустроенностью и снижением как позитивной оценки своей личности, так и эмоционального принятия себя²⁴.

Междисциплинарный анализ социальных факторов этиологии онкологических заболеваний позволяет рассматривать онкопатологию в ракурсе мультикаузальной патологии. Изменение экологических стандартов, бедность, высокие психоэмоциональные нагрузки, преморбидные личностные характеристики – ведущие социальные предикторы онкологических заболеваний.

Примечания

¹ См.: *Лебедева-Несевря Н. А.* Теория, методология и практика анализа социально детерминированных рисков здоровью населения : дис. ... д-ра социол. наук. Пермь, 2014.

² См.: *Коблова А. А., Кром И. Л., Новичкова И. Ю.* Социальные риски психического здоровья : медико-социологическая интерпретация // *Современные проблемы науки и образования.* 2012. № 6. С. 728 ; *Лебедева-Несевря Н. А.* Социальные факторы риска здоровью как объект управления // *Вестн. Перм. ун-та. Сер. Биология.* 2010. № 3. С. 36–41 ; *Черкасова Е. А., Кром И. Л., Новичкова И. Ю.* Социальные детерминанты онкологических заболеваний // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2013. Т. 13, вып. 1. С. 53–56 ; *Шугаев Н. Н., Кром И. Л., Еругина М. В., Дорогойкин Д. Л.* Междисциплинарный анализ социально детерминированных рисков здоровья детского населения // *Современные проблемы науки и образования.* 2016. № 2. С. 65.

³ См.: *Сидоров П. И., Совершаева Е. П.* Синергетическая биопсихосоциодуховная концепция социальной эпидемиологии онкологических заболеваний // *Экология человека.* 2015. № 4. С. 47–57.

- 4 См.: Юдин С. В., Мелякова А. А. Бедность как социально-гигиенический фактор риска онкологических заболеваний // Тихоокеанский медицинский журнал. 2005. № 4. С. 37–39.
- 5 См.: Duijts S., Zeegers M., Borne B. V. The association between stressful life events and breast cancer risk : a meta-analysis // International Journal of Cancer. 2003. Vol. 7, № 6. P. 10213–1029.
- 6 См.: Lin Y., Wang C., Zhong Y. [et al.]. Striking life events associated with primary breast cancer susceptibility in women : a meta-analysis study // Journal of Experimental and Clinical Cancer Research. 2013. Vol. 32 (1). P. 53.
- 7 См.: Chida Y., Hamer M., Wardle J., Steptoe A. Do stress-related psychosocial factors contribute to cancer incidence and survival? // Nature Clinical Practice Oncology. 2008. Vol. 5 (8). P. 466–475.
- 8 См.: Русина Н. А. Эмоции и стресс при онкологических заболеваниях // Мир психологии. 2002. № 4. С. 152–160.
- 9 См.: Архипова И. В., Кокорина Н. П., Магарилл Ю. А. Психогенные факторы и рак молочной железы // Актуальные проблемы рака молочной железы. Кемерово, 2003. Вып. 7. С. 7–8; Писарева Л. Ф., Одинцова И. Н., Ананина О. А., Муранова О. Ю., Гурина Л. И. Эпидемиология рака молочной железы в Приморском крае // Сибирский онкологический журнал. 2010. № 1. С. 50–55.
- 10 См.: Саймонтон К., Саймонтон С. Психотерапия рака. СПб. : Питер, 2001.
- 11 См.: Тутельян В. А., Батулин А. К. Мониторинг питания населения России // Вестн. РГМУ. 2004. № 7. С. 31–36; Юдин С. В., Кукун П. Ф. Социально-гигиенические факторы риска онкологических заболеваний // Сибирский онкологический журнал. 2009. № 52. С. 232; Путилова А. А. Социально-экономическая детерминация злокачественных новообразований человека // Регион : экономика и социология. 2013. № 3. С. 172–192; Леонтьева А. Г. Анализ влияния социально-экономических факторов, определяющих возникновение злокачественных новообразований в регионах России // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 6 (88). С. 79–82.
- 12 См.: Березанцев А. Ю., Монасыпова Л. И., Стражев С. В. Клинико-психологические аспекты реабилитации женщин, страдающих раком молочной железы // Опухоли женской репродуктивной системы. 2012. № 1. С. 812; Малофеевская Н. А. Социально-экономический статус человека как фактор формирования злокачественных новообразований (обзор зарубежных исследований) // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 1 (38). С. 82–86; Mackillop W. J., Zhang-Salmons J., Boyd C. J., Groome P. A. Associations between community income and cancer incidence in Canada and the United States // Cancer. 2000. Vol. 89. P. 901–912.
- 13 См.: Кукишина А. А., Верещагина Д. А. Особенности психоэмоционального состояния и психотерапевтические подходы в реабилитации онкологических больных // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. 2013. № 5. С. 28–34.
- 14 См.: Писарева Л. Ф., Бояркина А. П., Тахауов Р. М. Особенности онкологической заболеваемости населения Сибири и Дальнего Востока. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001; Давыдов М. И., Аксель Е. М. Злокачественные новообразования в России и странах СНГ в 2003 г. М. : РОНЦ им. Н. Н. Блохина РАМН, 2005; Леонтьева А. Г. Указ. соч.
- 15 См.: Global geocancerology / ed. by G. M. Howe. Edinburgh : Churchill Livingstone, 2006.
- 16 См.: Кукун П. Ф., Гельцер Б. И. Экологические проблемы здоровья. Владивосток : Дальнаука, 2004; Тюляндин С. А., Моисеенко В. М. Практическая онкология : избранные лекции. СПб. : Центр ТОММ, 2004; Muir C. S. Etiology of cancer. Accomplishments in cancer research / eds. J. G. Fortner, J. E. Rhads // Philadelphia. 2006. Vol. 11. P. 108–121; Stang A., Kowal, B., Rusner C. [et al.]. A novel method for identifying settings for well-motivated ecologic studies of cancer // International Journal of Cancer. 2016. Vol. 138, № 8. P. 1887–1893; Schootman M., Gomez S. L., Henry K. A. [et al.]. Geospatial Approaches to Cancer Control and Population Sciences // Cancer epidemiology biomarkers & prevention. 2017. Vol. 26, № 4. P. 472–475.
- 17 См.: Манжуров И. Л., Лежнин В. Л. Многофакторная оценка влияния окружающей среды на развитие онкологических заболеваний // Экология человека. 2015. № 1. С. 3–9; Заридзе Д. Г., Мукерия А. Ф., Шаньгина О. В. Взаимодействие факторов окружающей среды и генетического полиморфизма в этиологии злокачественных опухолей // Успехи молекулярной онкологии. 2016. № 3. С. 8–17; Борщук Е. Л., Боев В. М., Бархатова Л. А. [и др.]. Прогностическая модель онкологической заболеваемости населения в условиях воздействия химических канцерогенов среды обитания // Здоровье населения и среда. 2017. № 1 (286). С. 13–16.
- 18 См.: Higginson J. Cancer etiology and prevention // Persons and high risk of cancer. An approach to cancer etiology and control. N. Y. : Acad. Press. 2005. P. 385–398; Hirayama T. Life-style and cancer : from epidemiological evidence to public behavior change to mortality reduction of target cancer // Journal of the National Cancer Institute. Monographs. 2002. Vol. 1. P. 65–74; Muir C. S. Op. cit.
- 19 См.: Гуменюк Л. Н., Рослякова В. А. Биопсихосоциальные факторы риска формирования дезадаптации у больных со злокачественными опухолями челюстно-лицевой области // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2010. № 1–2. С. 103–106; Ивашкина М. Г. Опыт психокоррекционного и психореабилитационного сопровождения личности в условиях онкологического заболевания // Лечебное дело. 2010. № 3. С. 49–54; Ганич М. К. Психологические факторы, влияющие на возникновение и течение онкологического заболевания // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 77–80.
- 20 См.: Eysenck H. Cancer, personality and stress : prediction and prevention // Advances in behaviour research and therapy. 1994. Vol. 16. P. 167–215.
- 21 См.: Саймонтон К., Саймонтон С. Указ. соч.
- 22 См.: Cox T., Mackay C. Psychosocial factors and psychophysiological mechanisms in the aetiology and development of cancers // Social science and medicine.

1982. Vol. 16. № 4. P. 381–386 ; Chida Y., Hamer M., Wardle J., Steptoe A. Op. cit.

- ²³ См.: Garssen B. Psychological factors and cancer development : evidence after 30 years of research // Clinical psychology review. 2004. Vol. 24. P. 315–338 ; Dahl A. A. Link between personality and cancer // Future oncology. 2010. Vol. 6, iss. 5. P. 691–707.

²⁴ См.: Орлова М. М. Идентичность больного в контексте внутренней картины болезни больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы // Личность в меняющемся мире : здоровье, адаптация, развитие : сетевой журн. 2014. № 3 (6). URL: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=101> (дата обращения: 25.03.2017).

Образец для цитирования:

Шмеркевич А. В. Типологизация социальных рисков онкологических заболеваний // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 427–430. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-427-430.

Cite this article as:

Shmerkevich A. V. Social Risks Typologization of Oncological Diseases. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 427–430 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-427-430.

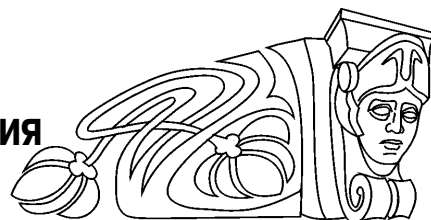

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316. 334.55

ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕЛЬСКОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ В РОССИИ И КОЛУМБИИ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. М. Краснов

Краснов Михаил Михайлович, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, superlosik@mail.ru

На основе материалов анкетирования, проведенного автором в Саратовской области РФ и департаменте Боякá Колумбии, выполнен сравнительный межстрановой анализ хозяйственно-экономических и социальных аспектов стиля жизни сельского населения обеих стран. Выявлены общие характеристики сельского стиля жизни, не зависящие от национальных особенностей.

Ключевые слова: стиль жизни, хозяйственно-экономическая деятельность, миграция, сельский рынок труда, занятость.

Characteristics of Rural Lifestyle in Russia and Colombia: Comparison Based on the Results of the Sociological Research

М. М. Krasnov

Mikhail M. Krasnov, ORCID 0000-0002-3260-287X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, superlosik@mail.ru

Based on the results of the questionnaire survey carried out by the author in the Saratov region of the Russian Federation and in the department Boyacá of Colombia, a comparative cross-country analysis of economic and social aspects of the lifestyle of rural people in both countries was made. The general characteristics of a rural lifestyle that don't depend on national peculiarities are found.

Key words: lifestyle, economic activity, migration, rural labor market, employment.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-431-434

Современная социологическая концепция стиля жизни занимается исследованием устойчивых структур поведения и закономерностей их формирования. В рамках настоящей работы было проведено сопоставление стилей жизни сельского населения России и Колумбии с использованием первичных данных, собранных автором в ходе выборочных анкетных опросов 2016–2017 гг. в обеих странах. Всего было опрошено 215 респондентов из сельской местности РФ (Саратовская область) и 414 респондентов из сельской местности Колумбии (департамент Боякá (Departamento de Boyacá)). Тип выборок – стратифицированные, с учетом сложившихся в генеральных совокупностях соотношений по

показателям пола и возраста. Цель исследования состояла в выявлении характерных черт в стиле жизни, не зависящих от национальных особенностей.

Колумбия является интересной страной для сравнения, причем как из-за различий с Россией (социально-экономических, культурно-исторических, ментальных, политических и др.), так и из-за сходства. Что касается сходства, речь идет о значительной «псевдоурбанизации», при которой формальная доля городского населения выше 70%, а фактически значительная его часть живет в условиях, далеких от городских стандартов – в частном жилье с приусадебным хозяйством, без удобств или с частичными удобствами и т.п.¹. Высокие темпы экономического развития в первом десятилетии XXI в. в обеих странах были неравномерными по отраслям экономики и вели к росту социально-экономического неравенства, в том числе между городом и селом. Это усиливало отток сельского населения в города, создавая иллюзию ускоренной урбанизации и модернизации. Более медленное развитие села и в России, и в Колумбии делает явным присутствие архаичных черт в стиле жизни сельского населения (натуроплата труда в сельском хозяйстве, значительная роль потребительского сельскохозяйственного производства, высокая занятость женщин в домашнем хозяйстве и др.)².

Большинство респондентов и в России, и в Колумбии оценивают благосостояние своих семей как среднее. Уровень благосостояния семьи определяется в первую очередь доходами, формируемыми из разных источников. В табл. 1 показано распределение ответов российских и колумбийских респондентов на вопрос об источниках семейных доходов.

Анализируя источники доходов, отметим, прежде всего, позитивные для сельского населения факторы – те, которые способствуют выживанию, росту благосостояния и устойчивости положения сельских семей. Для сельского населения России это большая диверсифицированность семейных доходов и большой масштаб маятниковой трудовой миграции, за счет которой экономически активное население российского села самостоятельно расширяет рамки узкого сельского рынка труда, меньше зависит от сельского работодателя и имеет более высокие до-

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос об основных источниках средств существования семьи респондента,
% ответивших**

Источник	По российской выборке	По колумбийской выборке
Заработная плата	69,6	32,9
Доход от частного сельскохозяйственного производства (в РФ – от ЛПХ)	56,4	33,1
Пособия, пенсии, стипендии	62,8	4,2
Предпринимательская деятельность	15,7	27,3
Дополнительные (случайные) приработки	21,6	13,4
Работа в городе (периодическая, временная)	30,1	11,2

Примечание. Сумма превышает 100%, так как у большинства респондентов имелось по несколько источников.

ходы, обеспечиваемые занятостью в городской экономике.

Позитивными факторами для сельского населения Колумбии являются высокая активность в сфере предпринимательской деятельности (главным образом, в сфере малого бизнеса) и высокая доля частного сельскохозяйственного производства.

В России место «нормального» бизнеса часто занимают предпринимательская деятельность в ЛПХ и дополнительные приработки, являющиеся, как правило, разновидностью неформальной занятости, дающей сравнительно небольшой и нерегулярный доход. С одной стороны, хозяйственная деятельность в ЛПХ и дополнительные приработки характерны для довольно архаичной экономики. Однако в то же время в современных сложных социально-экономических условиях эти виды деятельности способствуют выживанию сельского населения в России и повышению его доходов.

В Колумбии вместо *дополнительных* приработков говорят о *случайных* приработках, что подчеркивает более низкий статус занятости, которая их обеспечивает. Однако их удельный вес сравнительно невелик и уступает большинству других источников семейных доходов.

Отметим также явно заниженный удельный вес такого источника доходов сельского населе-

ния Колумбии, как пенсии и пособия. Это, скорее всего, означает, что размер пенсий и пособий сельского населения Колумбии крайне низок и явно проигрывает другим, более значимым источникам доходов.

Важность мнения респондентов по поводу сферы проявления деловой активности и, в частности, возможностей развития малого предпринимательства в сельской местности показывает, насколько успешно проходит диверсификация сельской экономики и занятости и в каком направлении меняется стиль жизни сельского населения (табл. 2, 3).

Крайне низкий уровень таких категорий, как «промышленность», «туризм», «охота», «дикоросы» по российской выборке показывает узость возможностей для приложения сил малых предпринимателей, которые фактически сводятся к сельскому хозяйству и торговле.

Одновременно с этим одной из самых заметных сфер приложения деловой активности сельских жителей в РФ является работа за пределами села – маятниковая трудовая миграция, которая становится естественной составной частью стиля жизни сельского населения и перестает восприниматься как вынужденная.

Предпринимательская и деловая активность в сельской Колумбии, как и в сельской России, проявляется, прежде всего, в сфере сельского

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос об основных направлениях предпринимательской и деловой активности сельских жителей (по российской выборке)

Направление	% ответивших
Сельское хозяйство	67,4
Торговля сельскохозяйственной и несельскохозяйственной продукцией (магазины, стационарные и неформальные торговые точки)	30,3
Работа за пределами села	61,7
Промышленность	5,3
Охотничий и рыбный промысел	5,3
Заготовка и сбыт дикоросов	5,3
Туризм	2,0

Примечание. Сумма превышает 100%, так как у большинства респондентов имелось по несколько источников.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос об основных направлениях предпринимательской и деловой активности сельских жителей (по колумбийской выборке)

Направление	% ответивших
В сельском хозяйстве – фермерами на собственной или арендованной земле	45,7
В сельском хозяйстве – наемными работниками у фермеров	22,6
Занимаются мелкой торговлей или имеют другие небольшие, нерегулярные заработки	25,1
Владеют небольшим несельскохозяйственным бизнесом (магазин, кустарное производство, услуги и проч.)	28,9
Ездят на заработки в город	13,2
Занимаются охотничьим или рыбным промыслами	1,8

Примечание. Сумма превышает 100%, так как у большинства респондентов имелось по несколько источников.

хозяйства – соответственно в товарных ЛПХ и в фермерских хозяйствах.

Если в России под предпринимательством в сельском хозяйстве чаще всего понимается мелкотоварное неформальное сельскохозяйственное производство в ЛПХ, гораздо реже – товарное производство в фермерском хозяйстве, то в Колумбии сельскохозяйственное предпринимательство – это всегда товарное производство в рамках фермерского хозяйства. При этом имеется четкое разделение между теми, кто является самостоятельным фермером и работает в собственном хозяйстве, и теми, кто работает по найму. В последнем случае речь может идти как о более-менее успешных сельскохозяйственных рабочих, занятых на постоянной основе, так и о безземельных временных и сезонных рабочих-батраках, фактически являющихся сельской беднотой. Часто производительной мощности собственного участка недостаточно для обеспечения выживания семьи, и фермер вынужден подрабатывать у соседа или у латифундиста, особенно на таких сезонных работах, как посадка и уборка. Понимаемое таким образом батрачество в сельской местности Колумбии распространено очень широко: по данным официальной статистики, удельный вес батраков среди занятого сельского населения Колумбии в 2016 г. составлял 11,5%³. Тем не менее, можно говорить о позитивной тенденции, характеризующейся снижением уровня неквалифицированного труда в сельской местности Колумбии (в 2013 г. было 14,9%) и тем, что, по оценкам респондентов, доля работающих по найму у фермеров более чем в два раза ниже, чем доля работающих самостоятельно.

Вслед за сельским хозяйством основными сферами деловой и предпринимательской активности сельского населения колумбийские респонденты называли небольшой несельскохозяйственный бизнес и мелкую торговлю с нерегулярными заработками, которую отметил каждый четвертый опрошенный. При этом в Колумбии нет широкого распространения маятниковой трудовой миграции: согласно опросу, мелким предпринимательством сельское население Колумбии занимается гораздо чаще. В России, напротив, маятниковая трудовая миграция почти оттеснила сельское хозяйство с ведущей позиции в проявлении деловой активности.

Для более подробного анализа миграции респондентам в обеих странах были заданы вопросы о ее направленности, интенсивности и причинах⁴. Отвечая на вопрос о преобладающем направлении миграции, большинство российских респондентов, как и ожидалось, отметили направление из села в город. При этом они, по видимому, не только выражали свое экспертное мнение, но и демонстрировали собственные настроения. Так, известно, что миграционная активность сельской молодежи выше: гораздо больше респондентов в возрасте 20–39 лет отметили село-городское направление миграции, чем в целом по выборке (табл. 4).

Среди колумбийских респондентов только 5,0% отметили, что миграция сельского населения в города незначительна. Первой по значимости причиной миграции ими была названа трудность нахождения высокооплачиваемой работы: ее назвали почти 65,0% респондентов. Удельные веса остальных причин миграции сельского на-

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос о преобладающем направлении миграции (по российской выборке), % ответивших

Преобладающее направление миграции	В целом по выборке	Группа 20–39 лет
Из села в город	58,7	71,9
В равной степени двустороннее	16,6	14,0
Из города в село	4,2	4,4
Миграция незначительна	19,5	9,6

селения в города шли с заметным отставанием: мало перспектив для карьеры назвали 44,0% респондентов; мало возможностей для ведения бизнеса – 32,5%; низкие возможности для роста доходов и для получения детьми образования отметили 30,0 и 26,5% респондентов. Очевидно, что ответы колумбийцев о причинах миграции касались возможностей трудоустройства, роста доходов и получения образования.

С вопросом о причинах миграции тесно связаны вопросы об учебной миграции, заданные колумбийским респондентам: 34,6% опрошенных ответили, что не менее половины молодых сельских жителей после окончания школы уезжают в город продолжать учебу. Одновременно с этим 63,0% опрошенных ответили, что не более 10–20% из них возвращаются в село после окончания учебы.

Распределения ответов российских и колумбийских респондентов свидетельствуют об активном продолжении процесса постоянной миграции сельского населения в города в обеих странах. Низкое качество жизни и отсутствие работы, а также «аграрное перенаселение», характерное для Колумбии⁵, являются главными причинами, которые выталкивают молодежь и активное сельское население в города. Ответы респондентов подтверждаются и данными официальной статистики: в демографических структурах сельского населения Колумбии и России наблюдается провал численности молодых возрастных групп⁶.

Таким образом, для современного стиля сельской жизни и в России, и в Колумбии характерны высокая миграционная активность по поводу переезда в город, высокие миграционные желания и ожидания. Наиболее мобильна в этом смысле, как можно было ожидать, молодежь. Село не удерживает население из-за низкого качества жизни, отсутствия работы, перспектив для карьеры, бизнеса и получения образования.

Получившаяся по результатам опроса колумбийских респондентов картина – низкая удовлетворенность качеством жизни, широкое распространение неквалифицированного труда и мелкой, фактически маргинальной торговли, дополняемая очень высоким показателем социального неравенства, высокие миграционные настроения – отражает значительный уровень бедности и характерна для патриархального, но в то же время постепенно модернизирующегося стиля жизни в сельской местности Колумбии.

Распределения ответов российских респондентов демонстрируют низкие самооценки качества жизни, проблемы в сфере занятости, высокую миграционную активность, мотивированную низким качеством жизни, ограниченными возможностями в сфере трудоустройства и роста доходов.

Итак, для стиля жизни сельского населения характерны следующие устойчиво воспроизводящиеся формы, в той или иной мере присутствующие и в России, и в Колумбии, и, по-видимому, являющиеся универсальными, не зависящими от национальных особенностей исследуемой страны:

– в хозяйственно-экономической сфере – ориентация на малое предпринимательство чаще в сельском хозяйстве и торговле. Поступательное развитие экономики способствует замещению сельского хозяйства на другие отрасли;

– в социальной сфере – неудовлетворенность качеством жизни, отражающая традиционное отставание уровня и условий жизни в селе по сравнению с городом;

– ориентация сельского населения, особенно молодого, на миграцию в город – маятниковую трудовую или постоянную.

Примечания

- ¹ См.: *Нефедова Т. Г.* Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство, 2003. С. 20–23.
- ² См.: *Hernández O. V., Krasnov M. M., Shakhmatova N. V.* Particularidades del desarrollo socio-demográfico de la Colombia rural en la etapa moderna // *Iberoamerica*. 2017. № 2. P. 80–101.
- ³ См.: *Gran Encuesta Integrada de Hogares: Anexos*. 2013, 2016. URL: <http://www.dane.gov.co/index.php> (дата обращения: 01.03.2017).
- ⁴ *Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // *Социс*. 2015. № 12. С. 60–69; *Рандалов Ю. Б., Хараев Б. В., Чукарев П. А.* Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
- ⁵ См.: *Hernández O. V., Krasnov M. M., Shakhmatova N. V.* Op. cit.
- ⁶ Ср.: *Encuesta de Calidad de Vida: Anexos*. 2015. URL: <http://www.dane.gov.co/index.php> (дата обращения: 01.03.2017) и *Российский статистический ежегодник*. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 74.

Образец для цитирования:

Краснов М. М. Характеристики сельского стиля жизни в России и Колумбии: сопоставление по итогам социологического исследования // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 431–434. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-431-434.

Cite this article as:

Krasnov M. M. Characteristics of Rural Lifestyle in Russia and Colombia: Comparison Based on the Results of the Sociological Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 431–434 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-431-434.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.722

МЕМОРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

В статье обоснована целесообразность и возможность системного подхода к изучению исторической памяти постсоветских обществ как предмету современных идеологических дискуссий и политических исследований. Для выявления структурных и динамических характеристик исторической памяти предложено использовать категорию «мемориальная система современных обществ». Дана функциональная характеристика основных уровней «мемориальной системы» и связей между ними.

Ключевые слова: политическая культура, историческая память, социально-политическая мифология.

Memorial System of Modern Societies

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, ORCID 0000-0003-2220-7582, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

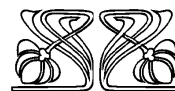
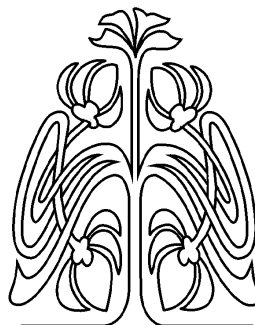
The article substantiates feasibility and possibility of a systematic approach to the study of the historical memory of post-Soviet societies as a subject of contemporary ideological discussions and political studies. To identify the structural and dynamic characteristics of historical memory, it is suggested to use the category "the memorial system of modern societies". The functional characteristics of the main levels of the "memorial system" and the links between them are given.

Key words: political culture, historical memory, social and political mythology.

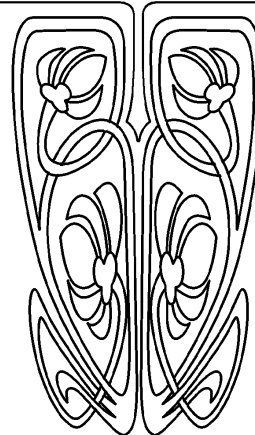
DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-435-440

На постсоветском пространстве, особенно в западной его части, в последние десять лет множатся политические конфликты на почве отношения к прошлому. Их субъектами являются отдельные граждане, общественные группы и даже целые государства. Историю переосмысливают, переписывают, иногда придумывают. Герои наций превращаются во врагов наций и наоборот. Одни памятники событиям и деятелям прошлого сносят, другие устанавливают. Стимулирует и легитимирует эти усилия «политика памяти», проводимая государственными и общественными элитами бывших советских республик и стран социалистического содружества. Ее идеологическим обоснованием является установка на десоветизацию государства и общества, а потому предметом конфликтов чаще всего выступают инициативы и практические действия государственных и общественных институтов либо отдельных энтузиастов по ревизии исторической памяти и мест памяти. Напряженность этих конфликтов побуждает вспомнить название сборника статей известного французского историка прошлого века Л. Февра: это в полном смысле «Бои за историю»¹.

Понятна озабоченность отечественных историков, политологов, общественных деятелей, работников СМИ, а также действующих политиков теми изменениями, которые претерпевает историческая память современных обществ. Понятна та активность, с которой все они

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

пытаются уяснить для себя и объяснить рядовому российскому гражданину суть, механику и вероятные опасные последствия происходящего для нашей страны. Если длительное время страны и народы развивались в тесном и разностороннем взаимодействии, как это всегда имело место в России и Европе, то пространства их исторической памяти пересекаются, а часто и совпадают. Нестабильность, возникающая в одной части этого общего пространства исторической памяти, неизбежно влечет за собой трудно просчитываемые изменения в других его сегментах. Одно дело, когда с исторической памятью своих обществ политические эксперименты ставят, например, польские, литовские или украинские политики, ученые и журналисты. Это соответствует их интересам, и это их суверенное право. Другое дело, что такого рода эксперименты неизбежно скажутся на состоянии исторической памяти российского общества. В лучшую или худшую сторону – сегодня определенно этого не может сказать никто. Эта неопределенность, естественно, беспокоит всех тех, кто понимает значение исторической памяти как ресурса развития российской социально-политической системы².

Вместе с тем во всех этих творческих усилиях отечественных специалистов по диагностике процессов, идущих в сознании постсоветских обществ и элит, публицистический, обличительный подход заметно преобладает над подходом аналитическим. Специалисты концентрируют свои усилия в основном на доказательстве противоестественности, политической конъюнктурности, а потому временности и бесперспективности тех трансформаций, которые претерпевает историческая память современных обществ и элит в тех странах, чьи геополитические интересы так или иначе конкурируют с российскими³. В публичных дискурсах российских политиков и исследователей часто звучит тезис, что изменения в состоянии исторической памяти граждан, которые сегодня можно наблюдать в сопредельных с Россией государствах, есть исключительно результат злонамеренных манипуляций с массовым сознанием, осуществляемых элитами этих государств⁴. Критики «политики памяти» справедливо отмечают, что политика эта раскалывает гражданские общества и не способствует демократическому процессу в постсоветских государствах и обществах.

Из этого отечественные критики «политики памяти» делают обычно оптимистический вывод, что как только произойдет смена элит и злонамеренные манипуляции с массовым сознанием прекратятся, «историческая правда» восторжествует и историческая память вернется в прежнее состояние. Иначе говоря, по их мнению, то, что сегодня происходит с исторической памятью обществ и элит на постсоветском пространстве, следует воспринимать как нечто пре-

ходящее, почти случайное, «бесмыслицу и в историческом, и в политическом, и в моральном плане» (профессор Дипломатической академии МИД России Лев Клепацкий)⁵, как отклонение от «нормы», к которой массовое сознание современных обществ и элит неизбежно должно будет вернуться.

Есть ряд оснований для того, чтобы не согласиться с таким оптимистическим прогнозом. В нынешней «политике памяти», проводимой постсоветскими элитами и поддерживаемой значительной частью постсоветских гражданских обществ, действительно ярко выражены манипулятивно-технологические моменты. Эта политика действительно временами напоминает «театр абсурда», и у здравомыслящего человека возникает естественное убеждение, что абсурд этот не может длиться долго.

Но, с другой стороны, то, что происходит с исторической памятью сегодня на постсоветском пространстве, не уникально. На протяжении последних двух столетий то состояние, в котором пребывала историческая память восточных и западных европейцев, для многих патриотично настроенных российских интеллектуалов от А. Пушкина и Ф. Тютчева до А. Зиновьева выглядело абсурдом⁶. За последние десятилетия, в сравнении с периодом «холодной войны», например, изменилось лишь то, что этот «театр абсурда» резко приблизился к границам России. Он стал более, чем прежде, заметно и более непосредственно влиять на повестку российской публичной политики. В результате конфликты «нашей» и «их» версий исторической памяти стали сегодня глубже, чем прежде, переживаться значительной частью российских граждан, которые ранее не имели непосредственного повода размышлять на тему прошлого. Теперь такая широкая общественная рефлексия стала частью российской повседневности и одной из несущих конструкций информационного пространства российской политики.

Вместе с тем суть самого конфликта, источником которого являются устойчивые свойства разных версий исторической памяти в разных социально-политических системах, не поменялась. Нынешняя российская версия отечественной и мировой истории органично восходит к советской ее версии. Уже в силу этого она неприемлема для политических и интеллектуальных элит и достаточно большого числа граждан тех постсоветских стран, которые привержены идее «десоветизации» и видят себя частью «Европейского мира». Для них естественно стремление придать собственной и мировой истории такой облик, чтобы в нем как можно больше напоминало бы о прошлых политических конфликтах с Россией и как можно меньше напоминаний было бы о не менее частых и драматичных конфликтах с их соседями на Западе. Poleмика с теми, кто задает исторической памяти своих обществ

антироссийскую направленность, неизбежна и необходима. Речь в данном случае идет о заявлении и отстаивании российских национально-государственных позиций. Имеет смысл принимать во внимание вместе с тем, что и противная сторона в этой полемике не отступит от своих национально-государственных позиций в «политике памяти», несмотря ни на какие увещания, звучащие с российской стороны.

Тем более что наши оппоненты имеют перед своими глазами недавний поучительный опыт собственно российских попыток отступления в «политике памяти» от национально-государственных интересов. В 90-е гг. прошлого века российские либеральные интеллектуалы и политики попытались перекроить историческую память постсоветского российского общества по лекалам, прописанным в «соросовских» учебниках по отечественной и всеобщей истории. Была проведена титаническая организационная и творческая работа по «ликвидации черных дыр и белых пятен» в отечественной истории, а также по насаждению в сознании российских граждан мысли, что есть история «правильная», есть рационально обоснованная в либеральной теории и подтвержденная фактами из истории Запада «магистральная дорога мировой цивилизации», а есть история российская, т. е. «неправильная», основанная на логике абсурда. Результат этих попыток либеральных реформаторов побудить российских граждан видеть свою историю чужими глазами очевиден сегодня для наших оппонентов так же, как и для нас: среди российских граждан, особенно молодых, на рубеже веков заметно выросла численность политических абсентеистов, для которых понятие «национально-государственный интерес» – не тема для размышлений⁷. Это урок, который, очевидно, воспринят и российскими политическими и культурными элитами (судя по тем усилиям по возвращению исторической памяти российских граждан в патристическое русло, которые они сегодня предпринимают), и элитами других постсоветских государств (судя по агрессивной тактике проведения ими собственной «политики памяти»).

Суть урока такова: если гражданин уверен, что он понимает национально-государственный интерес и является его потенциальным защитником в случае внутренних и внешних политических конфликтов, то при всех экспериментах с его исторической памятью, как бы они ни были научно и идеологически мотивированы, последняя каждый раз будет возвращаться в русло этого интереса. Точнее сказать, в русло тех отличий одного национально-государственного интереса от других национально-государственных интересов, которые гражданин обнаруживает и которые он считает важными в качестве собственных ориентиров политического участия.

По этой причине сколько существует различий в национально-государственных инте-

ресах современных обществ, столько будет и вполне естественных (а потому не преодолимых средствами идеологических дискуссий, и даже средствами научной полемики) различий в состоянии исторической памяти этих обществ. Если гражданин обнаруживает в «своем» национально-государственном интересе некие отличия от интересов других наций и государств, то его историческая память будет избирательно прирастать историческими фактами и оценками этих фактов именно по линии нахождения оснований для таких отличий в прошлом.

В сущности, нынешний разлад в исторической памяти современных демократических обществ на постсоветском пространстве и их внутренние гражданские конфликты на почве отношения разных групп населения к своему и своих соседей прошлому есть прямое следствие развития в этих обществах либерально-демократической (т. е. поощряющей индивидуальный выбор гражданином собственного ракурса видения национально-государственного интереса) гражданственности.

Произошло не «повреждение» исторической памяти современных обществ. Скорее, происходит ее возврат (лишь ускоренный информационными манипуляциями и идеологическими конфликтами) к тем смысловым и ценностным координатам, вынужденное отступление от которых имело место прежде. Для одних постсоветских обществ, как для российского например, отступление произошло в эпоху радикальных либеральных реформ. Для других, как, например, для Польши, Украины, Болгарии, прибалтийских государств, оно стимулируется сегодня необходимостью геополитически самоопределиваться в условиях начинающегося нового этапа «холодной войны» между Россией и США. Иначе говоря, происходит ускоренное наращивание исторической памятью современных обществ ресурса национально-государственной политики, что часто и выводит политические конфликты на почве этого ресурса на ее передний план.

Если действительно такова одна из основных тенденций в развитии политико-культурных процессов на постсоветском пространстве, то в ее свете оптимистично выглядит судьба национально-государственной традиции на Евразийском континенте. Сегодня в политической аналитике популярна тема кризиса национально-государственных систем, особенно их суверенитета. В одной, западноевропейской, части континента сегодня действительно назревают проблемы с суверенностью национально-государственных институтов и рациональностью национально-государственной политики. С теми свойствами национально-государственной политики, благодаря которым она исторически успешно конкурировала с имперской традицией. Масштаб этих проблем сегодня до конца не ясен, но будущие

политические и культурные риски очевидны. На остальной же части континента в сознании гражданских обществ и в практике государственных институтов национально-государственная традиция активно развивается. Конкуренция разных стран за энергетические ресурсы и региональное военно-политическое доминирование, усиливающаяся в современном мире, служит стимулом такой активности.

Обстоятельства, отмеченные выше, указывают на то, что историческая память современных обществ, как и в прежние времена, постоянно балансирует между состояниями устойчивости и неустойчивости. Из состояния устойчивости ее обычно выводит конъюнктурный интерес политических и интеллектуальных элит. Интерес этот разделяет та часть граждан, которая в силу разных субъективных причин видит себя «гражданами мира». В состоянии устойчивости ее в условиях национально-государственной политики возвращает идейная консолидация другой части элит и граждан на почве стремления сохранить и усилить свою национально-государственную идентичность и превратить историческую память в ресурс развития, а иногда и самозащиты. Постоянство проявляется и в том, что историческая память современных обществ балансирует в пределах национально-государственного пространства около некоторых «средних значений». Такowymi являются немногочисленные обычно перечни исторических событий и исторических личностей, символизирующих специфику национальных политических интересов и традиций.

Механизм этих колебаний и избирательность подхода сознания граждан в современных обществах к потенциально доступному им объему исторического знания определяется системными свойствами исторической памяти. Историческая память, как структурный элемент и функция массового и индивидуального сознаний в современных гражданских обществах, существует не сама по себе. Она не изолирована от остального пространства политики и политической культуры. Историческая память современных обществ обладает свойством системности. Отечественными специалистами были предложены подходы к анализу исторической памяти как системы⁸. Имели место предложения по анализу механизмов функционирования исторической памяти⁹. Эти предложения представляются не вполне удовлетворительными уже потому, что в структуру «памяти», например, предлагается включать «традиции», «обычаи», «ритуалы» и даже «устное народное творчество». А в качестве основных механизмов приведения исторической памяти в устойчивое и системное состояние предлагается рассматривать школы и вузы. Другая крайность – включение в состав исторической памяти только «рационального и систематизированного», т. е. научного, знания¹⁰.

Представляется, что системность исторической памяти определяется не количеством и разнообразием элементов, которые исследователи, не всегда логично, включают в ее структуру. Системность исторической памяти определяется ее включенностью в «мемориальные системы» современных обществ. Именно включенность исторической памяти в «мемориальную систему» данного национально-государственного образования придает ее развитию колебательную траекторию и побуждает ее на очередном этапе политического процесса возвращаться из неустойчивого положения в устойчивое. «Мемориальная система» – это источник совершенствования исторической памяти и одновременно специфически-национальные рамки (российские, польские, украинские и т. д.), ограничивающие такое движение вопросами к прошлому и ответами на эти вопросы, однажды найденными и хорошо показавшими себя в роли политических мотиваций.

«Мемориальную систему» (подобно тому, как организованы политическая, экономическая и правовая системы современных обществ) образуют связи (конструктивные и конфликтные) интересов разных социальных групп к использованию знаний о прошлом, оценок прошлого и мест памяти в качестве ресурса политических и неполитических коммуникаций. Продолжением этих связей интересом являются связи между различными социальными практиками, в рамках которых актуализируются научные и социальные знания о прошлом. На этом уровне функционирования «мемориальной системы» происходит преобразование исторического факта в политическую ценность, придающую позитивный либо негативный смысл той или иной социальной практике, апеллирующей к данному факту. На этом же уровне, в коммуникациях в сфере публичной политики и в научных и публицистических дискуссиях, происходит отбор и апробация тех исторических фактов и их оценок, из которых складывается «область средних значений», определяющая фактические основания и структуру исторической памяти и всей «мемориальной системы».

Еще один уровень структур и связей, формирующих «мемориальную систему» современных обществ, – это, образно выражаясь, конечные продукты практической реализации социального интереса к прошлому. Они же обеспечивают дальнейшее устойчивое воспроизводство этого интереса в политическом процессе, а также воспроизводство социальных практик, этот интерес реализующих. Продуктом является, собственно, сама историческая память в ее текущем состоянии, в совокупности ее устойчивых и неустойчивых свойств и тенденций развития. Продуктом являются также «места памяти». Для движений исторической памяти и социальных практик, мотивированных ею, они создают своеобразную

матрицу, или систему символических координат, на основании которой (на основании отношения людей к «местам памяти») становится возможным опознание «своих» и «чужих» в политических коммуникациях.

Не случайно сегодня, в ходе реализации «политики памяти» элитами постсоветскими государствами, именно «места памяти» чаще всего оказываются в ее фокусе: разрушаются и восстанавливаются памятники, переписываются биографии исторических личностей и характеристики исторических событий, меняется перечень национальных празднеств и важнейших событий национально-государственной истории. Для сознания отдельных политически деятельных граждан и массового гражданского сознания в целом «места памяти» служат точками соединения рациональных и эмоциональных мотиваций интереса к прошлому, к поиску в нем аргументов в пользу солидарности либо конфликта с тем или иным развитием политических процессов.

Устойчивость всей этой многоуровневой конструкции придает то, что упомянутые связи имеют социально-мифологическую природу. Вся «мемориальная система» функционирует согласно логике социального мифа. Если под таковой логикой понимать не логику фантазии или лжи, а логику оптимизации формата информации. Той информации, которая обладает повышенной значимостью для исторической жизни данной социальной системы, а потому подлежит передаче по каналам социальной коммуникации в максимально неповрежденном и доступном для любого из пользователей виде. Иначе говоря, в «мемориальной системе» информация о прошлом и мотивации социальных практик, опирающиеся на эту информацию, превращается сознанием людей в их историко-политический миф.

Миф обеспечивает четкую формулировку национально-государственного интереса, «схватывание» его сути сознанием гражданина поверх многих нюансов его жизненного опыта, образования, субъективного отношения к политическим деятелям и политическим событиям. В случае сугубо критического отношения гражданина к тем позициям, которые составляют «историческую формулу» национально-государственного интереса, перечисленные субъективные факторы могли бы негативно сказаться на его гражданской лояльности и политической активности. Такой гражданин слишком много времени и сил затрачивал бы на решение тех мировоззренческих проблем, которые с точки зрения государственных и общественных институтов должны быть для него как для гражданина очевидно. Современный гражданин обнаружил бы в истории своего общества и государства, своего ближайшего социального окружения много событий и процессов, не согласующихся с той «формулой» национально-государственного интереса, которую ему предлагают общественные

и государственные институты. Иначе говоря, был бы возможен опасный для судеб публичной демократической политики вариант, что гражданин, поразмыслив над содержанием политических интересов своей нации, предпочел бы им свои, сугубо личные интересы. Приверженность гражданина «своей» социально-политической мифологии не исключает такого варианта полностью. Тем более что на протяжении жизни люди часто меняют свои социальные и культурные ориентации. Для общества готовность гражданина продемонстрировать свою приверженность социально-политическому мифу служит своего рода «страховым полисом» его гражданской лояльности.

Мифологичность связей между интересами, практиками и продуктами обеспечивает максимальный эффект гражданской мобилизации в тех политических ситуациях, когда нужна экономия социальной энергии и социальных ресурсов при решении важных национально-государственных задач: например, при решении задач обеспечения национальной безопасности или при проведении реформ социально-политической системы, т. е. там, где принципиально значим фактор времени и концентрации социальных и государственных ресурсов.

Продукты функционирования «мемориальной системы», будь то структуры исторической памяти, либо «места памяти», также связаны между собой и с социальными интересами и практиками сетью мифологических связей. Благодаря этому в России, например, нынешнее поколение молодых граждан без дополнительных пояснений и расшифровок воспринимает от старших поколений в готовом виде историко-патриотические идеи и практики (как, впрочем, и непатриотические), определенный порядок реагирования на «места памяти» и историческую национально-государственную символику. Категория «мемориальная система» расширяет и усложняет предметное поле исследований современной политики и политической культуры современных постсоветских обществ в части их исторических мотиваций. В таком усложнении есть вместе с тем смысл. О. Б. Леонтьева, например, в своей монографии, посвященной проблемам исторической памяти российского общества XIX и начала XX столетий, констатирует как непреложный факт: «Особенности изучения исторической памяти обусловлены прежде всего тем, что память представляет собой и совокупность текстов, и совокупность образов. Безусловно, текст может быть насыщен образами, а образ – семантически расшифрован с помощью текста. Но в большинстве случаев текст и образ анализируются с помощью различных исследовательских методик и различных категорий»¹¹. «Мемориальная система» – это теоретическая конструкция, посредством которой с единой методологической позиции может быть осуществлено исследование и образа как продук-

та сознания, и текста как продукта социальных практик. Кроме того, в ином ракурсе представит вся логика нынешних политических «боев за историю». Это научные и идеологические споры о будущем больше, чем споры о прошлом. Это споры о способности обществ и элит «управлять своим прошлым» и при необходимости создавать проблемы с «управлением прошлым» для своих политических конкурентов. Это в конечном итоге – обсуждение вопроса о способности современных обществ и элит быть уверенными в своих возможностях «управлять прошлым» настолько, чтобы не сомневаться в том, что будущее, когда оно наступит, тоже будет управляемо и предсказуемо.

Примечания

- 1 См.: *Февр Л.* Бои за историю. М. : Наука, 1991.
- 2 См.: *Вилков А. А., Захарова Т. И.* Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов : ИЦ «Наука», 2010.
- 3 См.: *Пироженко В.* Историческая память на Украине : вчера, сегодня, завтра // Одна Родина. Информационно-аналитическое издание. 15.08.2012. URL: <https://odnarodyna.org/content/istoricheskaya-pamyat-na-ukraine-vchera-segodnya-zavtra> (дата обращения: 04.09.2017) ; «Украине отшибают историческую память...» // Русская Правда. 05.09.2017. URL: <http://ruspravda.info/Ukraine-otshibayut-istoricheskuyu-pamyat-21208.html> (дата обращения: 05.09.2017).
- 4 См.: Д. Г. Новиков : Активно защищать свою историю и свою память. URL: <https://kprf.ru/party-live/sknews/168504.html> (дата обращения: 05.09.2017) ; К столетию государственности, поляки покажут кто хозяин в Вильнюсе и Львове // Журналистская правда. 05.09.2017. URL: <https://jgazeta.ru/k-stoletiyu-gosudarstvennosti-polyaki-pokazhut-kto-hozyain-v-vilnyuse-i-lvove/> (дата обращения: 05.09.2017).
- 5 В отношении России Польша ставит негодные цели // Взгляд. Деловая газета. 05.09.2017. URL: <https://vz.ru/politics/2017/9/2/173966.html> (дата обращения: 05.09.2017).
- 6 См.: *Пушкин А. С.* Клеветникам России // Русофобия недопустима в любых проявлениях... URL: <http://www.russophobia.net/56> (дата обращения: 02.09.2017) ; *Франк С. Л.* Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин-Live. URL: http://pushkin-live.ru/o_pushkine/s-frank-pushkin-ob-otnosheniyah-mezhdugrossiej-i-evtoroj.html (дата обращения: 03.09.2017) ; *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад / сост., вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Тарасова ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011 ; *Зиновьев А. А.* Русский эксперимент. О русском национализме и русофобии. URL: <http://fanread.ru/book/9413044/?page=85> (дата обращения: 01.09.2017).
- 7 См.: Молодежь новой России : ценностные приоритеты. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва, 2007. 5.1. Интерес к политике и идейно-политические предпочтения молодежи // Институт социологии Российской академии наук. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_1.html (дата обращения: 03.09.2017) ; *Сулакшин С. С., Захаренко (Хвилья-Олинтер) Н. А.* Система ценностей российской молодежи : экспертная оценка. 15.06.2016 // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: <http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodejiekspertnaya-ocenka> (дата обращения: 05.09.2017).
- 8 См.: *Дмитриева М. Г.* Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 30 с. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01003041340> (дата обращения: 04.09.2017).
- 9 См.: *Ахметишина А. В.* Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук : социология, политология, философия, история : сб. ст. по материалам XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 6 (38). Новосибирск : СибАК, 2014. С. 11–15. URL: <https://sibac.info/conf/social/xxxviii/38675> (дата обращения: 04.09.2017).
- 10 *Шайкина Е. А.* Стирание и изменение исторической памяти как способ манипуляции сознанием // Духовність особистості : методологія, теорія і практика. 2011. № 2 (43). С. 188.
- 11 *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара : ООО «Книга», 2011. С. 9.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Мемориальная система современных обществ // Изв. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya. 2017. T. 17, vyp. 4. С. 435–440. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-435-440.

Cite this article as:

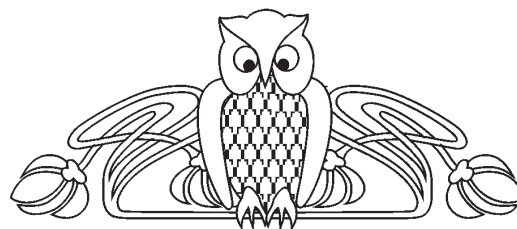
Shestov N. I. Memorial System of Modern Societies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 435–440 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-435-440.

УДК 323.2

ПЕРСПЕКТИВА ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Головченко

Головченко Антон Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены основные проблемы и перспективы укоренения либеральных ценностей и институтов в политической культуре и политической системе современной России. Сделан вывод о том, что применительно к Конституции и другим политическим российским институтам требуется переосмысление самой квалификации «либеральный», что у российской либеральной политики появится перспектива тогда, когда возникнет собственное российское понимание «либеральности».

Ключевые слова: либеральные ценности, либеральные институты, инверсия либерализма, национальное государство, перспективы либерализма в современной России.

Prospects of Liberal Values and Institutions in Modern Russia

A. V. Golovchenko

Anton V. Golovchenko, ORCID 0000-0001-9349-1416, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, golovchenkoav@mail.ru

The main problems and prospects of entrenching of liberal values and institutions in political culture and political system of modern Russia are considered in this article. The author makes an inference that reassessment of the very notion of "liberal" is needed with reference to the Constitution and other Russian political institutes; Russian liberal politics has future when and if our own Russian notion of liberalism is formed.

Key words: liberal values, liberal institutes, inversion of liberalism, national state, prospects of liberalism in modern Russia.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-441-444

Последние выборы в Государственную думу и региональные законодательные собрания продемонстрировали, что основные либеральные партии России в очередной раз не смогли повысить свой рейтинг, несмотря на локальные успехи в отдельных регионах Российской Федерации¹. Причин тому много, но, как представляется, ключевое значение имеют однозначно жесткая критическая позиция данных партий по ситуации с возвращением Крыма в состав России², а также продолжающиеся противоречия между лидерами либерального партийного сегмента. Однако такая ситуация не означает соответствующей утраты политических перспектив либеральных ценностей и

институтов в современной России. Рассмотрим возможности укоренения наиболее значимых из них в российской политической системе и политической культуре.

Ценность нации является традиционным предметом идеологической и партийной конкуренции между либералами, консерваторами и социалистами. Традиционным же преимуществом либералов в этом споре была уравновешенная позиция, согласно которой борьба за национальное единство не должна сопровождаться ущемлением индивидуальных гражданских прав и свобод, с одной стороны, а с другой стороны, не должна выходить за границы конституционного пространства политики и тем создавать угрозу стабильности государственного порядка³.

В политическом спектре России и Запада либеральные партии и политики устойчиво занимали центр и поддерживали устойчивость либерально-демократических систем благодаря тому, что для них ценность нации не противостояла ценности гражданской свободы. Современные российские либералы в своих теоретических представлениях и политических практиках это равновесие нарушили. Для современных российских либералов ценность индивидуальных гражданских прав и свобод стала преобладать над ценностью государственной целостности и стабильности. Именно защиту индивидуальных прав и свобод либералы сегодня рассматривают в качестве инструмента консолидации гражданского общества и противодействия авторитарным тенденциям в государственной политике⁴.

Это смещение акцентов в отношении к ценностям само по себе лишило либералов возможности апеллировать в конкуренции со своими политическими оппонентами к идеям нации и национального единства. Носителями национально-патриотического дискурса в России в настоящий момент стали консерваторы и социалисты⁵. Представляется естественным, что для восстановления прежней центристской позиции либералов в российской политике и их влияния на российский электорат необходим их отказ от противопоставления гражданина и государства как субъектов демократической политики. Необходим возврат к патриотическому дискурсу, в центре которого находится ценность нации и национально-государственного интереса. Иначе говоря, позитивная перспектива начнет вырисовываться у российского либерализма тогда, когда с индивидуалистически-космополитических по-

зиций в теории и практике он перейдет на национально-государственные позиции.

Ценность гражданского общества – ключевой элемент в структуре либерального мировоззрения. Она является линией размежевания между либералами, консерваторами и социалистами. Для консерватора гражданином может себя назвать только тот человек, который приобщен к традициям общества и государства. Для социалистов важна классовая и идеологическая сторона гражданственности. Позиция либералов в этом отношении всегда была выигрышной. Уже потому, что либеральная идеология и практическая политика делают акцент на законах и законотворчестве как универсальном и легко настраиваемом посредством правовых реформ инструменте соединения политической традиции общества и государства с изменчивыми политическими, экономическими и культурными интересами различных социальных групп.

Современные российские либералы отошли от этой выигрышной позиции. Для них законотворчество представляется инструментом борьбы за индивидуальные права и свободы граждан против авторитарного Российского государства⁶. Иначе говоря, инструментом борьбы как против политической традиции государства и общества, так и против интересов больших социальных групп. Представляется, что ставка на «гражданский индивидуализм» в деле продвижения в российскую политику идеи и практик гражданского общества привнесла дополнительные сложности во взаимоотношения между самими постсоветскими либеральными лидерами и партиями и более всего способствовала падению их электоральной популярности. На этапе радикальных либеральных реформ идея приоритета свобод и прав личности перед правами и свободами государства и общества действительно сыграла мобилизующую роль⁷. Она была «знаменем» разрыва с политическим наследием советской эпохи, но вместе с тем быстро превратилась в «знамя» разрыва с базовыми устоями российской политической культуры.

Либералами не был принят во внимание фактор устойчивости коллективистских установок массового сознания российского общества как общества в хорошем смысле традиционного, ориентированного на групповую солидарность и групповую ответственность. Не было принято во внимание то обстоятельство, что трудности, вызванные радикальным либеральным реформированием российской политики, экономики и культуры только упрочили эти антииндивидуалистические ориентации массового сознания. В свете этих негативных уроков вырисовывается – в качестве перспективной для восстановления влияния либеральной идеи в российской политике – задача смещения в полемике либералов с консерваторами и социалистами акцента с самих по себе индивидуальных прав и свобод гражда-

нина на проблематику групповой солидарности и ответственности за состояние индивидуальных прав и свобод гражданина.

Еще одно понятие, которое в последние годы усилиями публицистов приобрело негативный смысл, – это «толерантность». Инверсия данной ценности стала символическим обозначением теоретического бесплодия и практической несостоятельности либерально-демократической политики в странах Запада и ее неоригинальности в условиях современной России. В системе либерального мировоззрения ценность толерантности состоит в том, что она обозначает определенное качество гражданской политической культуры, а именно способность гражданина на основе свободного личного выбора сконструировать пространство своей политической культуры и своего политического участия, четко обозначить границы этого пространства. Последнее стало действительно проблемой для передовых либеральных демократий в мире. Прежде всего, потому, что в ряду инструментов, посредством которых гражданин формирует свое толерантное мышление и поведение, приоритет был отдан законам в ущерб социально-групповым традициям. Гражданину, ищущему опору своей толерантной политической культуры в законах, приходится сталкиваться с тем фактом, что в том пространстве, в котором он, как полагал, свободно мыслит и действует один, на деле мыслят и действуют многие другие люди. Правовое регулирование применения ценности толерантности в демократической политике привело к тому, что пространство свободного гражданского индивидуального выбора превратилось в пространство конкуренции различных гражданских выборов и различных интерпретаций самой ценности толерантности. Гражданин видит себя жертвой политики мультикультурализма, и его гражданская толерантность превращается в противоположность, в ксенофобию и политическую нетерпимость.

Большое преимущество позиции современных российских либералов (с точки зрения их будущей возможности использовать ценность толерантности для возрождения в российском обществе интереса к либеральной идее) состоит в том, что они в теории и на практике не пошли этим путем. Они не переоценили возможностей правового управления развитием политической культуры. Они исходили из того, что границы толерантного поведения гражданина не являются результатом его свободного выбора. Эти границы определяет государство в соответствии со своими собственными интересами имперского либо федеративного существования. Причем не только и, может быть, даже не столько правовым путем, сколько путем идеологической и воспитательной работы с подданными и гражданами. С одной стороны, понимание этой российской специфики существования ценности толерант-

ности, как уже было сказано, побудило современных российских либералов отодвинуть на неопределенно отдаленный срок появление в России «полноценных» гражданского общества и правового государства. С другой стороны, даже в период самых радикальных трансформаций отечественной политической и экономической систем российские граждане не воспринимали друг друга в качестве политических субъектов, вторгающихся в частное пространство друг друга. Угрозу своему частному пространству они видели в реформаторской активности государства, возглавленного либеральными политиками, но не в друг друге. Это особенно ярко заявило о себе в этнических конфликтах в регионах России в период радикальных либеральных реформ и в первые десятилетия нынешнего века. Российские граждане разных национальностей уживались друг с другом до той поры, пока не появлялись поводы подозревать угрозу для себя в государственной политике. В том, что сосредоточение властных функций в руках одной из этнических групп либо лоббирование властью интересов одной из групп создает угрозу для неприкосновенности пространства личных интересов большого числа граждан, принадлежащих к другим этническим группам.

В этом смысле в России ценность толерантности не была дискредитирована в глазах электората так, как это произошло в Европе. Она сохранила точки соприкосновения с ценностью социальной солидарности. Ценность толерантности сохранила для российской политической культуры значения маркера, фиксирующего границу индивидуального и публичного пространств активности гражданина: пусть каждый делает и думает то, что ему нравится, но не требует от меня поступаться своими принципами. Особенно когда речь идет об отношениях с государством и другими гражданами. Это, как представляется, делает ее перспективным ориентиром для восстановления позиции либеральной идеи в российском политическом процессе.

Самая, может быть, большая проблема для сегодняшнего положения и для завтрашнего дня российского либерализма состоит в том, что либеральные политики не видят для себя точки опоры в реально функционирующих общественных и государственных институтах. Институты не выглядят как то, на что могут быть направлены усилия либеральной теории и практики, как материал для конструктивной политической работы. При всем том, что в российскую Конституцию, определяющую институциональные характеристики отечественной политической системы, в период либеральных реформ были внесены характеристики Российского государства как государства социального и правового и российского общества как общества гражданского. Внесены эти позиции в Конституцию были, вероятно, вследствие надежд

либеральных команд реформаторов на скорое, за 500–600 дней, завершение основных процессов демократического транзита в России. Но вся дальнейшая политическая жизнь России показала нецелесообразность отказа от этих основополагающих характеристик государства и общества. Потому что речь идет о таких вещах, как легитимность функционирующей на основе Конституции государственной власти и самочувствие общества, которое не хочет и не должно ощущать себя на обочине мировых политических процессов.

Реально действующая либеральная по своей сути российская Конституция остается, таким образом, реальной институциональной точкой опоры для возвращения общества к либеральной идее и либеральной политике. Вопрос, как представляется, в том, что применительно к Конституции и другим политическим институтам требуется переосмысление самой квалификации «либеральный». Пока для российских либералов либерален лишь тот институт, который похож на «западные» институциональные образцы. Думается, что у российской либеральной политики появится перспектива тогда, когда возникнет собственное российское понимание «либеральности». Понимание того, что российская Конституция, например, является либеральной не потому, что буквально копирует зарубежные эталоны и лишь в меру того, насколько точно она их копирует. Конституция либеральна, поскольку не выходит в своих основных позициях за границы представлений о традиции, с одной стороны, и справедливости, с другой.

В этом невыходе за границы нынешним либералам вполне можно видеть ту рациональность современного российского конституционного порядка, на которой во все времена настаивали их отечественные и зарубежные предшественники. Такое видение не противоречит доктринальным основам либерализма и тем более опыту возникновения либерально-демократических политических систем в мире в предшествующее время. Это изменение взгляда на критерии «либеральности» базовых институтов, как представляется, могло бы создать реальное основание для того, чтобы в перспективе именно либеральная политика наиболее последовательно олицетворяла собой рационально-конституционное русло отечественного политического процесса.

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI : 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69.
- 2 См.: ПАРНАС проголосовал за антироссийские санкции. URL: <http://vz.ru/news/2016/12/6/847832.html> (дата обращения: 10.12.2016).

- ³ См.: Шестов Н. И., Вилков А. А. Ценностные основания рекрутирования современных российских элит : проблемы и перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 86–91. DOI : 10.18500/1818-9601-2015-15-3-86-91.
- ⁴ См.: Макаренко Б., Макаркин А. Либералы в современной России. URL: <http://www.politcom.ru/2721.html> (дата обращения: 30.07.2015).
- ⁵ См.: Вилков А. А., Калинин В. А. Особенности восприятия национализма на региональном уровне (по материалам эмпирических исследований в Саратовской области) // Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 2. С. 40–52.
- ⁶ См.: Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2006.
- ⁷ См.: Феномен многопартийности в российском обществе / В. М. Долгов [и др.] ; ред. О. Н. Гладышева. Саратов : Научная книга, 2006.

Образец для цитирования:

Головченко А. В. Перспектива либеральных ценностей и институтов в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 441–444. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-441-444.

Cite this article as:

Golovchenko A. V. Prospects of Liberal Values and Institutions in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 441–444 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-441-444.

УДК 32.019.5

СВОБОДА СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ОПЫТА

А. Ю. Быков

Быков Алексей Юрьевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет, zarsmi@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы сопряженности идеологии и свободы слова в Соединенных Штатах Америки: выделяются идеологические приоритеты на разных этапах исторического развития, анализируются показатели, характеризующие отношения к свободе слова. Выводы указывают на то, что влияние идеологии на свободу слова не нужно абсолютизировать. Идеология, скорее, задает некие рамки, магистральное направление. Отношение к феномену «свобода слова» не является постоянным, оно трансформируется с течением времени.

Ключевые слова: свобода слова, идеология, Соединенные Штаты Америки, политика, демократия.

Freedom of Speech in the Context of Ideology: Study of American Experience

A. Yu. Bykov

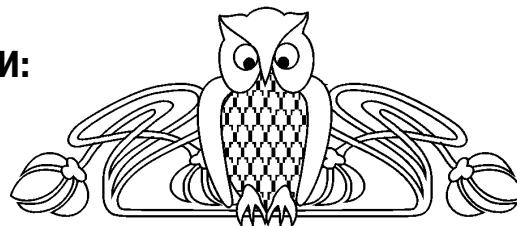
Aleksei Yu. Bykov, ORCID 0000-0001-6191-0890, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia, zarsmi@gmail.com

The paper discusses the conjugacy of ideology and the concept of “freedom of speech” in the United States of America: ideological priorities are singled out at different stages of American history, indicators of attitude to freedom of speech are analyzed. Thoughts, which are presented in the conclusion, indicate that the influence of ideology on the freedom of speech does not need to be absolutized. Ideology, rather, sets a certain framework, the main direction. The attitude to the phenomenon of “freedom of speech” is not permanent, it is transformed over the time.

Key words: freedom of speech, ideology, United States, policy, democracy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-445-452

В общественно-политической мысли Соединенных Штатов Америки некоторое время назад был поставлен вопрос о влиянии идеологических установок на свободу слова и сформулировано несколько направлений исследований. Проблему предлагалось рассматривать с учетом религиозных ценностей, веры. Справедливыми в данном случае кажутся примеры о различной степени свободы слова в строгих мусульманских странах и в западном мире, что определяется культурой и идеологией общества¹. Небезынтересен философский подход, когда свобода слова преподносится как идея, ядро идеологии². Отдельное направление посвящено взаимосвязи идеологии и закона³.

Несмотря на имеющиеся наработки, вопрос продолжает привлекать внимание исследователей, недостаток серьезных работ обобщающего характера свидетельствует о необходимости дальнейшего осмысления проблемы. В основу изысканий, результаты которых представлены в данной статье, положены качественные методы исследования. Приоритетными стали сравнительно-исторический подход, ситуационные исследования (case study) и феноменологический метод (phenomenological method). Описываются этапы развития идеологических направлений в США, на каждом из них определяются приоритетные отношения к свободе слова, проводится сравнительный анализ.

Обращение к опыту Соединенных Штатов Америки при осмыслении проблемы влияния идеологии на свободу слова не является случайным. Во-первых, США не испытывали идеологической ломки на этапе современной истории, они оказались свободны от многих стереотипов, под воздействием которых пребывали страны бывшего социалистического лагеря. Во-вторых, Америка – государство с развитыми демократическими институтами, и защита принципов свободы слова для американцев имеет большое значение. Значимым свидетельством особого отношения к данному вопросу, как известно, является Первая поправка к Конституции США. В-третьих, очевидна борьба идей и интересов по поводу свободы слова на разных этапах исторического развития США, которая продолжается и в настоящее время. Достаточно принять во внимание дебаты на Конституционном конвенте 1787 г., идейное противостояние во время гражданской войны, напряженные дискуссии представителей различных политических сил относительно актуальных вопросов развития страны, усиление политической поляризации американского общества на современном этапе. При этом основы политической системы Соединенных Штатов Америки не меняются, что свидетельствует о стабильности политических институтов и соблюдении установленных правил участниками политического процесса. В-четвертых, вопросы свободы слова на протяжении длительного времени были для США одной из ведущих тем для обсуждения на международной арене, включались американскими политиками в повестку дня во время встреч и дискуссий с политическими лидерами и общественными деятелями других стран. Наконец, не последнюю роль

в обращении к опыту Соединенных Штатов сыграл личный научный интерес автора.

Представленные в научной литературе аргументы указывают на присутствие сопряженности между идеологией и свободой слова. Выделим три позиции, которые обосновывают данную гипотезу.

Первая связана с тем, что соответствующие отношения к свободе слов в рамках той или иной идеологии складывались в течение продолжительного времени и к настоящему моменту имеют устоявшийся характер. В Соединенных Штатах Америки наиболее распространенными идеологическими направлениями являются либерализм, консерватизм, а также их различные модификации.

Американский *либерализм* предполагает особое внимание к гражданским свободам. Известно, что последователи либеральной идеологии выступают за активную роль государства в экономике при реализации социальных проектов. Вместе с тем они категорически против любых инициатив власти, ограничивающих свободу человека – свободу слова, право частной жизни и др.⁴

Консерватизм имеет несколько иные традиции, связанные с попытками свести к минимуму роль государства в экономике и социальной сфере. Консерваторы склонны к перераспределению бюджета социальных программ в пользу расходов на оборону и национальную безопасность. Для них во главе угла находятся защита нации от внешних угроз, закон и порядок. В отдельных случаях сторонники данного идеологического направления готовы нарушить гарантии, предоставленные Первой поправкой к американской Конституции, и ввести ограничения в пользу сохранения порядка и стабильности в обществе. При этом не исключается использование жестких мер, вплоть до введения элементов цензуры (хорошей иллюстрацией ситуации будет ссылка на приписываемое Лео Штраусу высказывание о том, что «цензура может предотвратить чтение позорных книг»⁵).

Вторая позиция соотносится с тем, что сопряженность идеологии и свободы слова (или более шире – идеологии и политических процессов) во многом предопределена природой самой идеологии.

С одной стороны, идеология отражает общественные настроения, «подпитывается» от общества и, таким образом, является воплощением взглядов и представлений социума о свободе слова. С другой стороны, она создается отдельными людьми (группами людей), используется, как правило, в чьих-либо интересах. В данном случае проявляется нормативность идеологии: обществу предписываются нормы отношений к процессам или явлениям. Интерпретация свободы слова при этом будет отражать позицию «творцов» идеологии, спо-

собствовать реализации их целей. Поскольку содержанием рассматриваемого явления является область ценностных суждений (сложилось даже понимание идеологии как особой научной категории – учения «о ценностях в социальном мире»⁶), механизм достижения целей будет связан с формированием и утверждением ценностей. Ценность в общественных науках обычно определяется через отношение к объектам и явлениям действительности, с учетом их значимости. Важно, что ценностные отношения по поводу одних и тех же категорий в разных идеологиях будут различными. В силу этого следует ожидать от сторонников разных идеологических течений различную интерпретацию основных политических ценностей – прав человека, форм политического устройства, развития политических институтов, собственности и т. д. Аналогичный подход будет применим также в отношении свободы и – более частной категории – свободы слова.

Третья позиция обусловлена признанием со стороны научного сообщества идеи о трансформации понимания категории «свобода слова» в ходе исторического развития. К этим вопросам обращались многие авторы, каждый из которых останавливался на тех аспектах, которые представляют интерес непосредственно для него⁷. Однако практически все ученые обращают внимание на трансформацию отношений власти и общества к свободе слова в ходе исторического развития.

М. Грабер предлагает признать наличие консервативного либертарианского подхода, который доминировал в период от гражданской до Первой мировой войны, и гражданского либертарианского, распространившегося в XX в. Автор доказывает, что современное понимание свободы слова в США «отличается от концепций, выдвинутых более ранними защитниками свободы слова»⁸. Консервативные либертарианцы рассматривали свободу выражения и частную собственность как взаимосвязанные составляющие личной свободы. Гражданские либертарианцы разрушили связь между «речью» и «собственностью». Свобода слова, считали они, обусловлена общественным интересом, инициативой. Политические институты и общество, таким образом, поощряют свободу обсуждения актуальных для них вопросов. Данный подход взят на вооружение организацией «Американский гражданский либертарианский союз» (American Civil Liberties Union – ACLU). С эпохой Первой мировой войны и периодом так называемой красной угрозы он связывает попытки власти ограничить свободу слова и «заставить замолчать радикальных критиков военной и экономической политики»⁹.

Д. Рабан, упоминая описанные М. Грабером традиции, замечает, что такая интерпретация является справедливой, но неполной, и в связи с

этим вводит еще одну концепцию – либертарианский радикализм. Он указывает, что либертарианский радикализм отвергал как капиталистический индивидуализм невмешательства, так и социальные устремления, характерные для прогрессивной мысли. Концепция ориентировалась на идеи индивидуалистического анархизма, свободы мысли и свободной любви. Таким образом, в ее связи с социальной, религиозной и сексуальной сферами, очевидно, проявлялись настроения против власти церкви и государства. Эта теория во многом связана с деятельностью организации «Лига свободы слова» (Free Speech League), появившейся в 1902 г. Лига рассматривала свободу слова как фундаментальное индивидуальное право. Организация на определенном этапе развития интерпретировала свободу слова исключительно как политическое явление и игнорировала иные ее аспекты¹⁰.

Т. Уэст в русле выводов предыдущих авторов уделяет внимание трансформации отношения к свободе слова с течением времени. Его аргументы – результаты сравнения двух крайних точек зрения: идей времен отцов-основателей США и представлений, характерных для современного либерализма. Автор замечает, что в настоящее время свобода слова в США стало намного меньше по сравнению со второй половиной XVIII – началом XIX в. Он объясняет это разным отношением власти и общества к пониманию свободы, изменившимся представлением о роли государства в регулировании СМИ, о защите частной жизни и т. д.¹¹

Таким образом, на связи идеологии и свободы слова указывают различные подходы к интерпретации свободы слова в рамках той или иной идеологии, сама природа явления, аргументы, представленные в ряде американских научных исследований. Однако известно немало случаев, когда действительность расходится даже с самыми убедительными теориями, и теоретические тезисы могут быть скорректированы реальными событиями политической истории.

Проведенное исследование показало, что гипотеза о соответствии идеологических установок ожидаемому отношению со стороны общества и государства к свободе слова подтверждается лишь частично. Закрепленные в теории соответствия «либерализм» – «неукоснительное соблюдение принципов свободы слова», «консерватизм» – «возможное ограничение личных свобод» не являются строгими. Можно вести речь, скорее, о гибкой модели связей между данными категориями.

Как отмечалось, в ходе исследования были выделены идеологические приоритеты на разных этапах исторического развития США¹². В качестве показателей, характеризующих отношения к свободе слова на каждом отрезке, рассматривались решения Верховного суда США по Первой поправке к Конституции, федеральные

законодательные акты, действия исполнительной власти по обеспечению либо препятствованию реализации норм свободы слова, иные события, имевшие широкий общественный резонанс в Соединенных Штатах и относящиеся к данной сфере. При этом учитывалось, что более полная и объективная кодификация возможна относительно решений Верховного суда и законодательных норм в силу их четкой фиксации в сводах прецедентов и юридических актах. Эти данные представлены в описании этапов.

XVII–XVIII вв. (колониальный период) – развитие принципов либерализма. Из событий того времени, связанных со свободой слова, можно выделить Дело Зенгера (John Peter Zenger) (1734–1735), издателя и главного редактора *New York Weekly Journal*. Обвиненный в клевете за публикацию материалов о злоупотреблениях губернатора Нью-Йорка Уильяма Косби, он был признан судом невиновным.

1776 г. – начало XIX в. (провозглашение независимости США, дискуссии о социально-экономическом и политическом устройстве нового государства) – умеренно-элитарная и эгалитарно-демократическая трактовка либерализма. В 1791 г. была ратифицирована Первая поправка к американской Конституции, а в 1798 г. приняты федеральные законы Alien Act и Sedition Act.

1820–1860-е гг. (становление капитализма, усиление противоречий между капитализмом и рабством в южных штатах) – эгалитарно-демократический либерализм. Событие цензурного характера того времени указывает на возможность ограничения властью литературной деятельности – в 1821 г. запрещен роман Джона Клееланда (John Cleland) «Фанни Хилл. Мемуары женщины для утех» (1748).

Последняя четверть XIX в., после 1865 г. (доктрина государственного невмешательства в экономику и провозглашение экономических свобод) – умеренно-элитарный либерализм. В Верховном суде рассматриваются дела *Ex parte Curtis* (1882), *Rosen v. United States* (1896). Выпущен закон Comstock Law (1873).

Начало XX в. («прогрессивная эпоха»), распространение идей вмешательства государства в экономическую жизнь, развитие антимонополистического движения) – либерализм, социальный либерализм. Дела Верховного суда: *Mutual Film Corp. v. Industrial Commission of Ohio* (1915), *Debs v. United States* (1919), *Schenck v. United States* (1919), *Abrams v. United States* (1919). Федеральные законы: Espionage Act (1917), Sedition Act (1918).

1920-е гг. (после некоторого спада в 1920–1921 гг. начинается активное развитие экономики, явлений «массовой культуры», проявляет себя индивидуализм) – консерватизм. Верховный суд: *Gitlow v. New York* (1925), *Whitney v. California* (1927). В 1921 г. запрещена публика-

ция романа Джеймса Джойса (James Joyce) «Улисс» (1921).

1930–1940-е гг. (экономический кризис, мероприятия в интересах простых американцев: развитие социального страхования, закрепление прав профсоюзов и др.) – либерализм. Дела Верховного суда: *Grosjean v. American Press Co.* (1936), *Near v. Minnesota* (1937), *Lovell v. City of Griffin* (1938), *Hague v. CIO* (1939), *Schneider v. New Jersey* (1939), *Cantwell v. Connecticut* (1940), *Minersville School District v. Gobitis* (1940), *Chaplinsky v. New Hampshire* (1942) и др.¹³. Принят “The Motion Picture Production Code” (Hays Code) (1930) – отраслевой документ этических принципов кинематографистов.

1950-е гг. (новые принципы внутренней политики: возврат к приоритетам индивидуализма и свободы предпринимательства) – консерватизм. Дела Верховного суда: *Beauharnais v. Illinois* (1952), *American Communications Association v. Douds* (1950), *Dennis v. United States* (1951), *Feiner v. New York* (1951), *Yates v. United States* (1957), *NAACP v. Alabama* (1958), *One, Inc. v. Olesen* (1958), *Speiser v. Randall* (1958), *Kingsley Int’l Pictures Corp. v. Regents of Univ. of N. Y.* (1959), *Smith v. California* (1959) и др. Внимание профессионального сообщества привлек *Comics Code Authority (CCA)* (1954) – документ, принятый американской ассоциацией журналов комиксов в США и закрепляющий принципы саморегулирования.

1960-е – начало 1970-х гг. (инициативы социального характера: организация системы переподготовки рабочих, помощь фермерам, государственная медицинское обслуживание немощных, запрет дискриминации темнокожих и др.) – либерализм. Дела Верховного суда: *Cramp v. Board of Public Instruction* (1961), *New York Times Co. v. Sullivan* (1964), *Tinker v. Des Moines Independent Community School District* (1969), *New York Times Co. v. United States* (1971), *Miller v. California* (1973), *National Socialist Party of America v. Village of Skokie* (1977), *Lo-Ji Sales, Inc., v. New York* (1979) и др. Федеральный закон – *Freedom of Information Act (FOIA)* (1966). В середине 60-х годов получило развитие Движение за свободу слова – *Free Speech Movement (FSM)* (1964–1965).

1980-е гг. – начало XX в. (сокращение социальных программ, увеличение военного бюджета, снижение социальных расходов, свобода конкуренции, снижение налогов) – консерватизм, неоконсерватизм (с 1990-х гг.). Дела Верховного суда: *Central Hudson Gas & Electric Corp. v. Public Service Commission* (1980), *McDonald v. Smith* (1985), *Bethel School District No. 403 v. Fraser* (1986), *New York v. P. J. Video, Inc.* (1986), *Davenport v. Washington Education Association* (2007), *Garcetti v. Ceбалlos* (2007), *Morse v. Frederick* (2007), *United States v. Stevens* (2010) и др. Федеральные законы: *Communications*

Decency Act (CDA) (1996), *Child Online Protection Act (COPA)* (1998), *Children’s Internet Protection Act (CIPA)* (2000), *The Controlling the Assault of Non-Solicited Pornography And Marketing (CAN-SPAM) Act of 2003*.

2009–2017 гг. – либерализм, который ассоциируется с либеральной политикой Б. Обамы. Дела Верховного суда: *Borough of Duryea v. Guarnieri* (2011), *Snyder v. Phelps* (2011), *United States v. Ohio* (2011), *United States v. Alvarez* (2012), *Open Society* (2013), *Agency for International Development v. Alliance for Hoyer v. Air Wisconsin* (2014), *Lane v. Franks* (2014), *McCullen v. Coakley* (2014), *Heffernan v. City of Paterson* (2016).

Конечно, предложенное деление на этапы является несколько упрощенным и отражает лишь ключевые тенденции, реальная ситуация более многообразная. Так, несмотря на доминирование какой-то позиции, всегда существовали разные идеологические подходы, сторонники каждого из которых вынуждены были вести дискуссии с оппонентами, доказывать свои убеждения. Наиболее распространенные в США идеологические направления – либерализм и консерватизм – сами нередко подвергались трансформации, как это произошло, например, в 60–80-е гг. XX в. Именно тогда внутри либерального лагеря появились либертариизм и неолиберализм, в лагере консерваторов сформировался неоконсерватизм. К тому же возникали и новые идеологии: феминизм, коммунитаризм и др. Кроме того, изложенные факты характеризуют в первую очередь политику власти, они в меньшей степени отражают идеологические настроения американского населения. Судя по тенденциям последних лет, американцы не отдают однозначного предпочтения консерватизму либо либерализму. Результаты опроса 2010 г. показывают, что 42% взрослого населения идентифицировали себя как консерваторов, 20% – как либералов, 35% заявили об умеренных (независимых) взглядах и отсутствии четких идеологических пристрастий¹⁴. Более того, в обществе становятся заметны тенденции поляризации: разделение между сторонниками разных идеологий становится все заметнее. Общая доля американцев, которые последовательно придерживались, с одной стороны, консервативных и, с другой стороны, либеральных взглядов, удвоилась за два десятилетия, увеличившись к 2014 г. с 10 до 21%¹⁵.

Изученный материал указывает на отсутствие устойчивых связей той или иной идеологии с набором приписываемых ей различными теориями приоритетов относительно свободы слова. Это подтверждается мерами государственной политики и иными свидетельствами, документами, характерными практически для каждого из выделенных исторических отрезков. Скажем, при господстве либеральной идеологии Верховный суд мог принимать решения, подтверждаю-

щие правомерность ограничения свободы слова, законодательная власть могла выпустить закон, ограничивающий свободное выражение мнений. Для иллюстрации тезиса обратимся к знаковым историческим отрезкам, когда определялся вектор развития государства.

Один из них соотносится с датами начала формального провозглашения независимости США (04.07.1776 принята Декларация Независимости), включая начало XIX столетия. Это время было связано с дискуссиями о социально-экономическом и политическом устройстве Америки. Именно тогда оформились разные толкования либеральных воззрений: умеренно-элитарное (А. Гамильтон, Д. Мэдисон, Д. Адамс) и эгалитарно-демократическое (Т. Джефферсон, Б. Франклин, Т. Пейн, Б. Риш, Д. Мейсон). Первый подход защищал интересы привилегированного высшего класса: право собственности закреплялось как неприкосновенное, в процесс распоряжения собственностью запрещалось вмешательство государства, с правом собственности увязывались политические права, приемлемой признавалась ситуация с неравным распределением имущества. Он позднее стал ассоциироваться с американским консерватизмом. Второе направление было во многом связано с приспособлением теории естественных и неотъемлемых прав человека к интересам средних и низших слоев общества. Заявлялось о стремлении наделить собственностью всех, независимо от происхождения и начального капитала, и, как следствие – максимально расширить численность среднего класса. Возможность осуществления государственной власти также должна была быть предоставлена всем.

Для данного этапа характерно противоречивое отношение к проблеме свободы слова. С одной стороны, был принят Билль о правах (1791), закрепивший гарантии в Первой поправке к Конституции (защитниками прав личности, включая свободу слова, выступали антифедералисты – противники федеративного устройства). С другой стороны, уже через несколько лет после этого были изданы законы, ограничивающие права граждан на получение и передачу информации. В 1798 г., когда страну возглавлял президент-федералист Дж. Адамс (годы президентства 1797–1801), были приняты законы «Об иностранцах» (Alien Act) и «О подстрекательстве к мятежу» (Sedition Act). Первый позволял президенту высылать из страны граждан других государств, которых можно отнести к категории «нежелательных». Второй давал возможность наказывать за сопротивление решениям власти либо за опубликование в СМИ антиправительственных материалов. Известно, что данные законодательные акты федералисты использовали для борьбы со своими политическими оппонентами, для ограждения от нежелательной критики президента. После прихода к власти демокра-

та-республиканца Т. Джефферсона в 1801 г. они были отменены, однако факт реализации политических интересов через ограничение личных свобод является весьма показательным.

Очевидно, что на этапе становления американской государственности в условиях соперничества между разными подходами к развитию государства проявлялось разное отношение к свободе слова со стороны конкурирующих политических сил. События того времени свидетельствуют, что позиция политических сил по поводу поддержки или отрицания принципов свободы слова определялась не столько идеологическими убеждениями, сколько устремлениями к борьбе за власть.

Второй пример связан с началом XX в., наступлением «прогрессивной эры» и подъемом либерализма в США. Хронологические границы периода: 1901 (убийство У. Мак-Кинли и начало президентства Т. Рузвельта) – 1914 г. (начало Первой мировой войны). На данном этапе утверждалась идеология социального либерализма, предполагающего вмешательство государства в экономическую жизнь, в регулирование экономических процессов. Рассматривалась возможность развития прямой демократии. Прорабатывались, по крайней мере теоретически, вопросы перераспределения экономических благ в интересах менее обеспеченных слоев общества. Многие политические силы объединила идея антимонополистического движения.

Несмотря на широкую поддержку либеральных идей, политика американских властей в отношении свободы слова на данном этапе была неоднозначной. Нередко она отклонялась от традиционных приоритетов либерализма, предполагающих защиту основных свобод. По оценкам исследователей, прогрессисты были враждебны к политическому инакомыслию, считали, что правом на свободу слова должны обладать лишь те, кто пользуется им ответственно, без злоупотреблений¹⁶. Это подтверждают теории свободы слова, связанные с тем временем, и конкретные действия государственного аппарата.

Известна теория, сформулированная судьей Т. Кули (Thomas Cooley) в конце XIX столетия¹⁷. Он считал, что любые высказывания либо публикации не должны быть подвергнуты ограничениям или цензуре, за исключением тех, которые могут нанести ущерб и противоречат закону. При этом публичная речь должна пользоваться более сильным иммунитетом, нежели высказывания частного характера. К этим воззрениям власти относились сдержанно, возможно, в силу того, что автор определял слишком широкие границы для свободы изложения мнений. Другие теории оказались более востребованными. Судья Верховного суда Дж. Стори (Joseph Story) и юрист К. Тидман (Christopher Tiedman) выступили с более жестких позиций, предлагая не только ограничивать высказывания частного

характера, но также распространить ограничения на публичное пространство. По их мнению, свободой слова не следует злоупотреблять и применять ее положения в качестве чего-то более исключительного, чем иные категории или явления. Реализация свободы личности, считали они, должна исключать все, что может нанести ущерб другим окружающим либо конфликтовать с правами других лиц¹⁸. Авторы соглашались, что индивидуальные свободы в определенных случаях могут быть ограничены в целях защиты общественного блага.

Данный подход был подкреплён практическими действиями властей ограничительного характера, которые уже тогда вызвали немало дискуссий¹⁹. Власти пытались воспрепятствовать деятельности групп и организаций, критически настроенных по отношению к ситуации в стране. Это, в первую очередь, анархисты, социалисты, профсоюзы (в частности, международная рабочая организация «Индустриальные рабочие мира» – Industrial Workers of the World (IWW), или Wobblies). Их идеи рассматривались не просто как не соответствующие основному направлению общественно-политической мысли США, но даже как враждебные американскому образу жизни и государственной политике. Имели место аресты лидеров и активистов движений, запреты на проведение мероприятий, давление на редакции изданий, наложение штрафов, аресты и т. д.

Решения Верховного суда первых десятилетий XX в. (*Mutual Film Corp. v. Industrial Commission of Ohio*, *Debs v. United States*, *Schenck v. United States*, *Abrams v. United States*) также соответствуют данной логике развития событий. Большой резонанс имело дело Ч. Шенка, который распространял листовки с призывами бойкотировать призыв в армию и участвовать в акциях против войны. Его осудили, поскольку были установлены намерения этого активиста помешать армии выполнять поставленные задачи. Суд ссылался на то, что действие Первой поправки может быть ограничено в ряде случаев, например, во время чрезвычайного положения, в военные годы и т. д. Схожими являются мотивы ограничительных решений и по другим делам.

Ограничительный характер носил и ряд федеральных законов того времени. Среди них – Закон о шпионаже (*Espionage Act*, 1917), ограничивший распространение информации об американских вооруженных силах. Закон о подстрекательстве к мятежу (*Sedition Act*, 1918) запрещал обнародовать оскорбительные высказывания о Конституции, власти и военных.

Развитие событий начала XX столетия показывает, что власти Соединенных Штатов Америки проводили достаточно жесткую политику в отношении свободы слова. В данном случае ход исторических событий вновь несколько проти-

воречит установкам политической науки, согласно которым приоритеты либерализма – защита индивидуальных свобод. Очевидно, применение такой практики было целесообразно для поддержания устойчивости политической системы США, политические решения принимались исходя из актуальной повестки дня. Следует также принять во внимание, что одним из важных исторических событий, повлиявших на выработку политики в данной области, стала Первая мировая война (равно как и последующие вооруженные конфликты).

В статье не представлены подробные описания событий каждого этапа. Однако анализ показывает, что интерпретация принципов свободы слова в государственных интересах в основном оказывается характерной для американской истории. Не является исключением и современная эпоха (можно вспомнить радикальные ограничения свобод в интересах власти с принятием Патриотического акта в 2001 г., раскрытые Э. Сноуденом факты о контроле за личными данными, резкая критика Д. Трампом ряда средств массовой информации и т. д.).

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что традиции отношения к свободе слова в Соединенных Штатах Америки, как и в любой демократии, имеют некий заданный вектор. Будучи признанной одной из основных демократических ценностей, она защищена юридически, соответствующее отношение к свободе слова закрепилось в политической теории и идеологии.

Опыт США указывает на сопряженность идеологии с концептом «свобода слова». Особое понимание феномена сложилось в рамках различных идеологических направлений. Традиционно считается, что последователи либеральной традиции более требовательны к соблюдению гражданских свобод, консерватизм в контексте охранительной политики к государственным устоям не исключает некоторых ограничений.

При этом влияние идеологии на свободу слова не нужно абсолютизировать. Идеология, скорее, задает некие рамки, магистральное направление. Отношение к категории «свобода слова» определяется различными факторами: ценностными приоритетами, политическими интересами, внешним воздействием (начало военных действий) и т. д. Сформировавшееся некогда отношение к феномену не является постоянным, оно трансформируется с течением времени. Факты указывают на введение ограничений на свободное выражение мнений в военное время, в период вооруженных конфликтов, во время внутренней напряженности в стране – тогда, когда возникает некая угроза для функционирования государственных институтов и поддержания общественного порядка. Действия власти относительно реализации принципов

свободы слова, какими бы противоречивыми они ни были, на протяжении всей американской истории, как правило, учитывают государственные интересы. Объяснением этому может служить стремление поддержать стабильность политической системы.

Примечания

- 1 См.: *Reem A.* Freedom of speech is an ideological construct // *Islam 21c.com*. January 12, 2015. URL: <http://www.islam21c.com/politics/freedom-of-speech-is-an-ideological-construct> (дата обращения: 17.07.2017).
- 2 См.: *Shauer F.* The First Amendment as Ideology // *William & Mary Law Review*. 1992. Vol. 33. Iss. 3. P. 853–869. URL: <http://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol33/iss3/5> (дата обращения: 28.07.2017).
- 3 См.: *Hunt A.* The Ideology of Law : Advances and Problems in Recent Applications of the Concept of Ideology to the Analysis of Law // *Law & Society Review*. 1985. Vol. 19, № 1. P. 11–38. URL: <http://www.jstor.org/stable/3053393> (дата обращения: 16.06.2017); *Gabel P., Jay F.* Contract Law as Ideology // *Kairys D.* (ed.) *The Politics of Law : A Progressive Critique*. N. Y. : Pantheon, 1982; *Hirst P.* On Law and Ideology. L. : Macmillan, 1979; *Wiecek W.* The Lost World of Classical Legal Thought : Law and Ideology in America, 1886–1937. Oxford : Oxford University Press, 1998.
- 4 См.: *Либерализм Запада XVII–XX века / под общ. ред. В. В. Согрина*. М. : Изд-во ИВИ РАН, 1995. URL: http://istmat.info/files/uploads/28205/liberalism-west_xvii-xx_1995.pdf (дата обращения: 28.07.2017).
- 5 *Дрягунов К.* Неоконсерватизм как идеология мировой гегемонии США. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/561/> (дата обращения: 28.07.2017).
- 6 Идеографический словарь русского языка / под ред. О. С. Баранова. М. : Изд-во ЭТС, 1995. 820 с. URL: <http://ideographic.academic.ru/4462/%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 24.07.2015).
- 7 См.: *Graber M.* Transforming Free Speech. The Ambiguous Legacy of Civil Libertarianism. Berkeley, Los Angeles, Oxford : University of California Press, 1991. 336 p. URL: <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft2r29n8c5/> (дата обращения 29.07.2017); *Rabban D.* The Free Speech League, the ACLU, and Changing Conceptions of Free Speech in American History // *Stanford Law Review*. 1992. Vol. 45, № 1. P. 47–114. DOI : 10.2307/1228985. URL: <http://www.jstor.org/stable/1228985> (дата обращения: 29.07.2017); *West T.* Free Speech in the American Founding and in Modern Liberalism // *International Journal of Middle East Studies*. 2008. Vol. 40, iss. 3. P. 310–384. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:3316/10.1017/S0020743808081336> (дата обращения: 31.07.2017); *Trakman L.* Transforming Free Speech : Rights and Responsibilities // *Ohio State Law Journal*. 1995. Vol. 56, № 3. P. 899–939. URL: <http://hdl.handle.net/1811/64739> (дата обращения 20.08.2017); *Carmi G.* Dignity Versus Liberty : The Two Western Cultures of Free Speech // *Boston University International Law Journal*. 2008. Vol. 26. P. 277–374. URL: <http://www.bu.edu/law/journals-archive/international/volume26n2/documents/carmi.pdf> (дата обращения 20.07.2017); *White E.* Justice Holmes and the Modernization of Free Speech Jurisprudence : The Human Dimension // *California Law Review*. 1992. Vol. 80, iss. 2. P. 391–467. URL: <http://scholarship.law.berkeley.edu/californialawreview/vol80/iss2/3> (дата обращения 20.07.2017).
- 8 *Graber M.* Op. cit. P. 2.
- 9 *Ibid.* P. 4.
- 10 См.: *Rabban D.* Op. cit. P. 3–4.
- 11 См.: *West T.* Op. cit. P. 320, 353–384.
- 12 Выделение исторических этапов основывается на подходах к классификации американской идеологии В. В. Согрина, Э. Я. Баталова и ряда зарубежных исследователей. См.: *Либерализм Запада XVII–XX века / под общ. ред. В. В. Согрина*. М. : Изд-во ИВИ РАН, 1995; *Согрин В. В.* Идеология в американской истории : от отцов-основателей до конца XX века. М. : Наука, 1995; *Баталов Э. Я.* Американская политическая мысль XX века. М. : Прогресс-Традиция, 2014; *Hunt M.* Ideology // *The Journal of American History*. 1990. Vol. 77, № 1. P. 108–115. URL: <http://www.jstor.org/stable/2078642> (дата обращения: 06.04.2017); *Knight K.* Transformations of the Concept of Ideology in the Twentieth Century // *The American Political Science Review*. 2006. Vol. 100, № 4 : Thematic Issue on the Evolution of Political Science, in Recognition of the Centennial of the Review. P. 619–626. URL: <http://www.jstor.org/stable/27644391> (дата обращения: 06.04.2017); *Ross S.* The Transformation of Republican Ideology // *Journal of the Early Republic*. 1990. Vol. 10, № 3. P. 323–330. URL: <http://www.jstor.org/stable/3123390> (дата обращения: 06.04.2017).
- 13 С полным списком дел, посвященных интерпретации Первой поправки к Конституции, этого и последующих исторических периодов можно познакомиться на сайте Верховного суда США – <https://www.supremecourt.gov>, а также обратившись к специализированным поисковым ресурсам юридических документов, например – <http://lp.findlaw.com>.
- 14 См.: *Saad L.* In 2010, Conservatives Still Outnumber Moderates, Liberals. June 25, 2010. URL: <http://www.gallup.com/poll/141032/2010-Conservatives-Outnumber-Moderates-Liberals.aspx> (дата обращения: 28.07.2017).
- 15 См.: *Political Polarization in the American Public* // *Pew Research Center*. June 12, 2014. P. 6. URL: <http://www.people-press.org/2014/06/12/political-polarization-in-the-american-public> (дата обращения: 13.11.2016).
- 16 См.: *Graber M.* Op. cit. P. 4.
- 17 См.: *Cooley T.* Treatise on the Constitutional Limitations which Rest Upon the Legislative Power of the States of the American Union. Boston : Little, Brown, and Company, 1878.
- 18 См.: *Story J.* Commentaries on the Constitution of the United States : With a Preliminary Review of the Constitutional History of the Colonies and States Before the Adoption of Constitution. 4th ed. : in 2 vol. Vol. 2. Boston : Little, Brown, and Company, 1873. 735 p. P. 609–620. URL: <https://ia600306.us.archive.org/12/items/commentariesonc14storgoog/commentariesonc14storgoog.pdf> (дата обращения: 03.08.2017); *Tiedman C.* Treatise on the Limitations of Police Power in the United States.

St. Louis : The F. H. Thomas Law Book Co., 1886. 662 p. P. 189–193. URL: <https://ia800209.us.archive.org/5/items/cu31924059189815/cu31924059189815.pdf> (дата обращения: 03.08.2017).

¹⁹ Подобные примеры были подробно изложены и проанализированы в диссертационном исследовании Л. Кобб-Рейли, посвященном свободе слова в США в

прогрессивную эпоху (См.: *Cobb-Reiley L. The Meaning of Freedom of Speech and the Press in the Progressive Era : Historical Roots of Modern First Amendment Theory. A dissertation submitted to the faculty of The University of Utah in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy Department of Communication The University of Utah, 1986. 437 p.*).

Образец для цитирования:

Быков А. Ю. Свобода слова в контексте идеологии: исследование американского опыта // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 445–452. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-445-452.

Cite this article as:

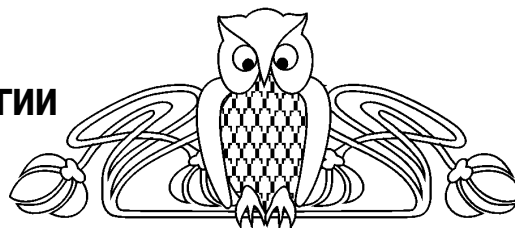
Bykov A. Yu. Freedom of Speech in the Context of Ideology: Study of American Experience. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 445–452 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-445-452.

УДК 322.261.7

ИСЛАМ И ПОЛИТИКА В ДАГЕСТАНЕ: ПОПЫТКА РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ» СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ (2006–2012 гг.)

Д. Г. Мирзаханов

Мирзаханов Джабраил Гасанович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала, mirzakhanov1962@mail.ru

В статье предпринята попытка объяснить, как была реализована «мягкая» стратегия борьбы с терроризмом в Дагестане в 2006–2012 гг. Автор доказывает, что борьба с терроризмом не является биполярным конфликтом между государством и салафитами – мусульманской оппозицией. Борьба с терроризмом превратилась в элемент внутренней политики в республике. В этой ситуации различные политические акторы Дагестана стали использовать антитеррористический дискурс как часть своих региональных политических программ и действий.

Ключевые слова: ислам и политика в Дагестане, борьба с терроризмом, «лесная» тема, «мягкая» стратегия.

Islam and Politics in Dagestan: an Attempts of Realization of the «Soft» Strategy of Struggle on Terrorism (2006–2012)

D. G. Mirzakhanov

Dzhabrail G. Mirzakhanov, ORCID 0000-0002-2230-0499, Daghestan State Technical University, 70, I. ShamyI Ave., Makhachkala, 367015, The Republic of Daghestan, Russia, mirzakhanov1962@mail.ru

This paper tries to explain how was realize “the soft” strategy of struggle on terrorism in Dagestan at 2006–2012. The author argues that the battle on terrorism is not the bipolar conflict between the officials with enforcing agencies and the opposition Muslims – Salafis. In this situation Dagestan political actors became the master of the “War on Terror” discourse and this narrative has imported into regional politics.

Key words: Islam and politics in Dagestan, struggle on terrorism, “the forest” issue, “the soft” strategy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-453-458

2006 год мог стать переломным в политической эволюции постсоветского Дагестана. Во-первых, республика перешла к президентской системе правления, уйдя от застарелого принципа коллективного лидерства – Госсовета во главе с председателем. Федеральный центр предложил уйти в отставку Магомедали Магомедову, который бесценно руководил Госсоветом в течение 1994–2006 гг. В качестве первого президента Дагестана Кремль рекомендовал Муху Алиева, кандидатуру которого послушно одобрило Народное собрание республики. Тогда же Народное собрание Дагестана избрало своим спикером Магомедсалама Магомедова – сына Магомедали Магомедова.

Во-вторых, с 2006 г. в дагестанский политический лексикон прочно вошла и утвердилась «лесная» тема, а в местной политике закрепился «антитеррористический» дискурс. Это было связано с эскалацией насилия в республике, которая определила характер как регионального политического процесса, так и государственно-исламских отношений в Дагестане. Термин «лес» стал общим обозначением лесного подполья, где базировались отряды незаконных вооружённых формирований. Соответственно, за их представителями закрепилось клеймо «лесные». Дело в том, что после событий августа–сентября 1999 г. (когда были разгромлены вторгшиеся из Чечни отряды Басаева и Хаттаба, а вместе с ними печально известный карамахинский салафитский анклав в Дагестане) в республике начал раскручиваться маховик насилия. По свежим следам тех событий Народное собрание РД в 1999 г. приняло закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан».

В правовом отношении этот закон слаб и содержит много пробелов (например, в нём нет чёткого определения как ваххабизма, так и экстремизма). Тем не менее, он открыл простор для репрессий и произвола со стороны так называемых «силовиков». Ситуация усугубилась после 2002 г., когда из мест заключения стали освобождаться люди, осужденные за участие в событиях 1999 г. Многими из них двигала жажда мести в отношении силовиков, которые подозревали и пытали их. В ответ коллеги убитых сотрудников силовых структур обрушивали новые репрессии с использованием незаконных методов в отношении как подозреваемых, так и членов незаконных вооружённых формирований. Число убитых с обеих сторон в результате обмена ударами росло с каждым годом. Как результат, в республике образовалось стабильное вооружённое подполье («лес»), имеющее частичную поддержку среди недовольного текущим состоянием дел населения.

Тяжёлая криминальная ситуация, сложившаяся в Дагестане (которая выразилась в резком увеличении террористических актов)¹ привела к тому, что 15 февраля 2006 г. президент Путин подписал указ «О мерах по противодействию терроризму»². Одновременно данным указом был учреждён НАК (Национальный антитеррористический комитет), куда включались все силовые структуры под руководством директора ФСБ.

С появлением «лесной» темы борьба с терроризмом превратилась в элемент внутренней политики в республике.

Особо нужно остановиться на стилистике политического лидерства Муху Алиева. Надо сказать, что он до сих пор остаётся исключительной фигурой среди дагестанской элиты власти. В постсоветский период Алиев долгое время пребывал на вторых ролях в республиканской властной иерархии (1991–1995 гг. – зам. председателя, а затем председатель Верховного Совета Дагестана; в 1995–2006 гг. – председатель Народного собрания республики), в которой безоговорочно доминировал председатель Госсовета Дагестана Магомедов³.

Муху Алиева отличало от остальных постсоветских дагестанских лидеров то, что он с неприязнью относился к клиентелистскому устройству республиканской политики и не был вовлечён в местные бизнес-проекты. Необычными были алиевские подходы в отношении радикального ислама и антитеррористической политики. В первую очередь, он дал резкий отпор упрощённым оценкам ваххабитов как агентов иностранных государств, подпавших под влияние чуждых исламских доктрин и потому несущих опасность для России.

Эти трактовки были доминирующим объяснением среди религиозных и светских лидеров Дагестана до 2004 г.⁴ Алиев признавал, что ваххабизм был не только социальной девиацией, но и религиозным феноменом, который подпитывала несовершенная и несправедливая социально-экономическая реальность России, прежде всего коррупция. Главным принципом борьбы против радикального ислама стал алиевский подход, который заключался в том, что надо «не с террористами бороться, а бороться с терроризмом, изучить инфраструктуру воспроизводства терроризма, идеологию терроризма»⁵. На протяжении 2006–2009 гг. Алиев дважды организовывал общероссийские научные конференции на темы ислама и терроризма, а также поддерживал исламские научные исследования в Дагестане. Однако такое увлечение академическими рассуждениями и теологическими аспектами проблемы затрудняло проведение разграничительной линии между умеренными и вооружёнными салафитами («лесными»), что не могло устраивать федеральный центр. Это было признанием того, что алиевские исламо-политические подходы потерпели неудачу, и это предопределило уход Муху Алиева с дагестанской политической сцены.

На этом фоне 2010 год должен был положить начало новой политической линии в деле нормализации обстановки в Дагестане по трём причинам

Во-первых, федеральный центр усилил кавказскую политику. Новый президент страны Д. Медведев 14 января 2010 г. выпустил указ, который разделил Южный федеральный округ

с центром в Ростове-на-Дону, на две части. Одним из них стал Северокавказский со столицей в г. Пятигорске, куда вошли республики Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Дагестан, а также Ставропольский край. Непривычно смотрелось назначение полпредом округа Александра Хлопонина⁶ – выходца из большого бизнеса и госслужбы, поскольку как до него, так и после него эту должность занимали выходцы из армии и силовых структур. М.-Р. Ибрагимов и К. Мацузато сравнивают назначение Хлопонина полпредом Северокавказского федерального округа с историческим назначением наместником Кавказа князя М. С. Воронцова в 1844 г. Считается, что в роли наместника Кавказа Воронцов, сочетавший силовые меры и экономическую политику, улучшил ситуацию в Дагестане, заложив основы окончания Кавказской войны в XIX в. Медведев, возможно, ожидал «воронцовского эффекта» от Хлопонина. Была разработана «Стратегия социально-экономического развития Северокавказского федерального округа до 2025 года»⁷.

Во-вторых, 10 февраля республику в должности нового президента возглавил Магомедсалам Магомедов, чью кандидатуру утвердило Народное собрание Дагестана по предложению президента Д. Медведева.

Магомедсалам Магомедов решительно изменил исламскую политику. В отличие от своего предшественника Алиева, Магомедов продемонстрировал, что он является практикующим мусульманином. Магомедов никогда не работал в советских и коммунистических структурах. Будучи доктором экономики, он сочетал преподавание в университете с бизнесом, был вовлечён в местный клановый капитализм. Что касается политического мировоззрения, то его отличало чисто рациональное и прагматичное видение мира. В этом плане Магомедов уступал своему предшественнику, который понимал значимость идеологической работы и гуманитарного фактора в управлении республикой. В отличие от Алиева он был безразличен к идеологическим вопросам и нюансам исламских знаний (таким, как отношения между суфизмом и салафизмом, различия между течениями салафизма и т. д.), а рассуждал прагматично: если есть проблемы с радикальными салафитами («лесными»), то почему бы не сосредоточиться на работе с ними?

В-третьих, федеральный центр и региональные власти предприняли попытку реализации «мягкой» линии борьбы с терроризмом в Дагестане. Новый президент Дагестана при тесном сотрудничестве с НАК предложил новую политику в плане борьбы с терроризмом. Она была направлена на сдерживание и изоляцию радикального крыла регионального салафизма с привлечением широкого круга общественно-политических сил. Если говорить более конкретно, то речь шла о налаживании «широкого гражданского диалога» в республике между основными

политическими акторами, формирующими региональный политический процесс: светскими властями Дагестана и радикальными салафитами («лесными»), умеренными салафитами и суфийскими («традиционными») мусульманами.

Администрация нового президента Магомедова и НАК подготовили новую антитеррористическую политику в деталях. Основными компонентами данной политики стали следующие шаги: 1) разрешение умеренным салафитам создавать свои организации для легализации их присутствия на исламо-политическом поле Дагестана; 2) созыв Третьего съезда народов Дагестана для консолидации общества и объявления новой политики; 3) создание президентской комиссии по содействию в адаптации к мирной жизни тех, кто прекратил террористическую и экстремистскую деятельность (далее – комиссия по адаптации).

Рассмотрим каждую из этих мер по отдельности. Одним из первых важных шагов НАК стало то, что умеренные салафиты получили возможность создавать легальные организации. Вдохновлённые таким поворотом событий, лидеры умеренных салафитов основали новые общественно-политические институты: Ассоциацию учёных Ахлю-Сунна и «Территорию мира и согласия». Их встречные предложения были объединены в движение «Гражданский диалог» в 2011 г.⁸. Что касается Третьего съезда народов Дагестана, то от него ждали объединения всех политических сил республики и изоляции радикальных салафитов («лесных»). На комиссию по адаптации рассчитывали в плане содействия в возвращении к мирной жизни тех лиц, кто решил прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории республики. В качестве инструмента возвращения решено было использовать такое средство, как амнистия.

Президент Магомедов объявил о созыве Третьего съезда народов Дагестана своим указом от 29 октября 2010 г. Само событие можно считать чрезвычайным, а по задумке его инициаторов – переломным⁹.

Справка: Первый съезд народов Дагестана, организованный большевиками, проходил 13 ноября 1920 г. после освобождения юга России от армии Деникина. Вопрос стоял о добровольном вступлении в состав Советской России, на который Первый съезд дал положительный ответ (Съезд народов Дагестана. 13 ноября 1920 г. Декларация о советской автономии Дагестана (www.hrono.ru/libris/stalin/4-71.html)). Вторым съездом народов Дагестана проходил в не менее драматической ситуации – после распада СССР и в атмосфере «парада суверенитетов», которым были охвачены многие российские регионы. Республика, столкнувшись с активизацией этнических движений и с наличием трансграничных народностей, а также с сепаратистской Чечней поблизости, должна была дать ответ о своём нахождении в составе России. В резуль-

тате съезд, организованный и проведённый под руководством председателя Верховного Совета Республики Дагестан Магомедова Магомедова 13 ноября 1992 г., заявил о недопустимости выхода Дагестана из состава России.

Третий съезд поставил задачу достичь «консолидации общества в борьбе с проявлениями экстремизма и терроризма, укрепления единства народов Дагестана»¹⁰. Что касается организационного аспекта, то руководству РД удалось не только провести подготовительный этап съезда на демократической основе, но и включить умеренных салафитов в число докладчиков съезда. Так, в программу съезда были включены А. Кебедов и его сторонники.

Однако, несмотря на громкие декларации о том, что в Дагестане фактически «сменяется эпоха» и республика готова «к переходу на качественно новый этап модернизации вместе со всей Россией»¹¹, съезд не стал событием, стабилизировавшим дагестанское общество путём искоренения причин, питающих терроризм. Объяснить это можно, прежде всего, тем, что вышеуказанные мероприятия осуществлялись не столько как самодостаточные и последовательные направления деятельности, сколько как пиар-акции, призванные сформировать позитивный имидж президента и Республики Дагестан в целом.

Вслед за этим последовали инициативы светских интеллектуалов и умеренных салафитов. Что касается первых, то они в лице известного дагестанского социолога, сотрудника Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН Заида Абдулагатова в апреле 2011 г. выдвинули идею реформирования ДУМД по татарстанскому образцу. Идея состояла в том, чтобы под давлением светских властей республики соперничающие фракции Духовного управления могли создать совместный съезд и утвердить объединённый муфтият. Дагестанские интеллектуалы вдохновлялись опытом Татарстана, где этот сценарий был успешно реализован в 1998 г.¹²

Однако данная идея не имела перспектив в Дагестане. Во-первых, религиозно-политическая жизнь Дагестана намного более динамична и многоакторна, и её невозможно уложить в административные рамки по линии: светские власти – ДУМД. Во-вторых, как считали М.-Р. Ибрагимов и К. Маузатов, на тот момент генералы ФСБ отвергли данную идею, поскольку были опасения того, что при открытых и конкурентных выборах могли победить умеренные салафиты¹³.

Важнейшим аспектом исследуемой проблемы является оценка комбинации акторов, вовлечённых в процесс перевода исламской политики в политику антитеррора в Дагестане. На наш взгляд, она очень сложна и включает в себя систему взаимоотношений между следующими элементами: 1) дагестанские власти; 2) ФСБ – НАК; 3) умеренные салафиты; 4) ДУМД; 5) внутрисуфийская (неаварская) оппозиция ДУМД; 6) «лесные».

Мы не будем детально рассматривать, в каких связях находятся указанные участники дагестанского политического процесса друг с другом (эта тема требует самостоятельного всестороннего исследования). Нам важно подчеркнуть, что республику характеризует вовлечённость в данный процесс множества участников и сторон. Этим она существенно отличается от ситуации в Татарстане, где ислам усилиями светских властей и общественно-политических активистов превращён в один из элементов воссоздаваемой региональной татарской идентичности.

Не менее интересным было предложение умеренных салафитов. Эти шаги были озвучены А. Кебековым на Третьем съезде народов Дагестана. Они заключались в мерах по сближению всех конфликтующих сторон, включая «лесных», с целью выработки идей для мирного решения ситуации¹⁴. 25 апреля 2011 г. усилиями руководителя организации умеренных салафитов «Территория мира и согласия» Сулеймана Уладиева удалось организовать заседание Совета республиканского гражданского диалога «Путь к миру и согласию» с оптимистической резолюцией о необходимости прекращения произвола в решении внутримусульманских споров¹⁵.

Однако, как показали события, ни «лесные», ни генералы ФСБ не собирались рассматривать данную перспективу. Гражданский диалог не получил своего продолжения.

Это произошло по двум причинам. Первая состояла в том, что 6 июня 2011 г. был убит известный мусульманский деятель Дагестана, ректор Института теологии и международных отношений Максуд Садилов – один из самых настойчивых приверженцев сближения с умеренными салафитами. Вторая причина провала гражданского диалога – позиция светских властей Дагестана, которые игнорировали данный политический курс. Многие наблюдатели отмечали пассивность и незаинтересованность чиновников республиканского правительства в деле продолжения указанного диалога¹⁶. Такая позиция властей Дагестана в развитии гражданского диалога объяснялась опасениями потерять контроль в деле «борьбы с терроризмом», поскольку в случае успешного вовлечения умеренных салафитов в решении «лесной» темы и развития диалога с руководством ДУМД власти республики могли остаться на вторых ролях в местном политическом процессе, частью которого был вышеупомянутый республиканский политический диалог.

Особо нужно сказать о комиссии по адаптации. В соответствии с логикой новоизбранной «мягкой» линии, указом от 2 ноября 2010 г. глава республики М. Магомедов объявил о создании Комиссии при президенте Дагестана по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность.

Думается, федеральные и региональные власти искренне оценивали данный институт как важное средство борьбы с терроризмом, поскольку такие же комиссии по адаптации были созданы в Кабардино-Балкарии и Ингушетии. Рассматривалась даже вероятность создания подобной комиссии на общероссийском уровне, о чём было заявлено в июле 2012 г. от имени президентского Совета по правам человека¹⁷.

В отличие от Третьего съезда народов Дагестана и «гражданского диалога», комиссия по адаптации должна была выполнить узкоинструментальную задачу, поскольку она не была нацелена на поиск властями причин сложившейся ситуации в Дагестане. Это говорит о том, что силовики явно тяготились «мягкой» линией и были готовы вернуться к привычным репрессивным практикам. Своё недовольство они высказали на заседании Комиссии по адаптации 19 апреля 2012 г., на котором имел место жёсткий публичный спор между руководителем Следственного управления Следственного комитета РФ по РД Алексеем Саврулиным и тогдашним президентом РД Магомедсаламом Магомедовым. Саврулин критиковал политику дагестанских властей по адаптации за слишком мягкое отношение к боевикам¹⁸. Напротив, умеренные салафиты в лице одного из лидеров, А. Кебекова, рассматривали комиссию как способ выманить из «лесного» подполья радикалов для последующей банальной расправы над ними. Однако, несмотря на это, он и его сторонники стали работать в комиссии, понимая это как хоть какой-то способ начать диалог и помочь людям, подвергшимся угрозам и преследованиям со стороны силовиков.

Во всей комбинации акторов дагестанской политики, вовлеченных в «мягкую» стратегию, умеренные салафиты оказались в наиболее сложном положении. Они не внушали доверия «лесным» из-за сотрудничества и контактов с ФСБ. Более того, по этой причине они могли стать основной мишенью со стороны «лесных», поскольку успешная реализация межмусульманского диалога могла закончиться для последних изоляцией.

Не было доверия к умеренным салафитам и со стороны силовиков, поскольку умеренные салафиты отказывались давать «нужную» политическую и богословскую оценку радикальным салафитам, признавая лишь тот факт, что «лесные» – тоже мусульмане, а в факте их ухода «в лес» виновато в том числе и государство.

Некоторые наблюдатели склонны считать, что умеренные салафиты упустили свой исторический шанс стать влиятельной стороной дагестанского политического процесса¹⁹.

Однако, как представляется, данный взгляд слишком поверхностный. Он не учитывает того факта, что как само появление «мягкой» линии, так и описанные выше основные многообещающие поворотные пункты данной линии происходили в рамках антитеррористической и репресс-

сивной парадигмы федеральных и региональных властей. Просто силовой компонент данной политики на этот период был ослаблен.

Осенью 2011 г. произошло новое усиление репрессивного тренда дагестанской политики. Реакцией населения стал массовый митинг, который прошёл в Махачкале на площади возле Русского театра 25 ноября 2011 г., в котором приняли участие от 2500 до 3000 человек. Такой протест стал результатом многочисленных задержаний правоохранителями жителей посёлка Шамхал возле Махачкалы и был организован родственниками людей, пострадавших от действий силовиков. Митинг был поддержан общественными организациями умеренных салафитов – Ассоциацией учёных Ахлю-Сунна, Союзом справедливых, «Территорией мира и согласия». Митингующие отказались разговаривать с властями и обсуждать с ними проблемы похищения людей силовиками, выразив при этом недоверие республиканским чиновникам.

Вышеупомянутый митинг у здания Русского театра в Махачкале 25 ноября 2011 г. напугал власти, поскольку народный протест стал ассоциироваться у них с революциями «арабской весны», которые в указанном году прокатились по странам Ближнего Востока и Северной Африки. Власти боялись усиления исламских сил и отказались от продолжения диалога с умеренными салафитами. Об этом свидетельствует то, с какой решимостью силовые ведомства начали пресекать всякое недовольство мусульман республики и жестоко преследовать попытки публичного протеста. Так, узнав о том, что правозащитники готовят ещё один митинг против похищения людей в феврале 2012 г., силовики в ответ стали задерживать организаторов митинга и активистов Ассоциации учёных Ахлю-Сунна. Вдобавок к этому, накануне митинга неподалёку от главной салафитской мечети на ул. Котрова в Махачкале бойцы спецназа открыто расстреляли адвоката, который занимался юридической защитой тех, кто был обвинён в участии в незаконных вооружённых формированиях²⁰.

Таким образом, кратковременный период «мягкой» борьбы с терроризмом начал подходить к концу осенью 2011 г. К этому времени все акторы дагестанской политики – правительство республики, НАК, ДУМД, умеренные салафиты, светская интеллигенция – исчерпали свои инициативы в рамках данной стратегии.

Последовавшие затем события окончательно похоронили надежды на реализацию всяких форм «мягкой» стратегии борьбы с терроризмом и гражданских инициатив различных сторон дагестанского мусульманского сообщества. 3 мая 2012 г. был взорван полицейский участок на трассе Махачкала – Астрахань, в результате которого погибли 13 человек, а в августе 2012 г. был убит Саид-афанди Чиркеевский – культовая фигура дагестанских суфиев, неформальный

шеих республиканского тариката. Эти теракты, шокировавшие всё дагестанское общество, естественно, привели к немедленной остановке вышеописываемого диалога.

Однако в вопросе о том, можно ли считать осень 2011 г. периодом возврата силовиков к привычной жёсткой линии, стороны конфликта и аналитики расходятся. Одни считают, что ФСБ вернулось к силовым методам (Расул Кадиев), поскольку генералы начали сомневаться в результативности «мягкой» стратегии. Другие (М.-Р. Ибрагимов и К. Мацузато) не уверены в том, что ФСБ окончательно вернулось к силовому подходу. Они считают, что с осени 2011 г. ФСБ просто «изменила формат мягкой линии», понимая ограниченное влияние умеренных салафитов на «лесных»²¹.

Не отрицая справедливости данных заключений, выделим всё же ключевой момент. Главное заключается в том, что это была попытка продолжения политики борьбы с терроризмом с помощью умеренной тактики и мягких инструментов. При этом силовые методы подавления радикального исламского подполья никогда не прекращались. Диалог с умеренными салафитами использовался лишь как способ нейтрализации и уничтожения «лесных».

Таким образом, наше исследование показало, что в Дагестане борьба с терроризмом вышла далеко за пределы чисто правоохранительной миссии. Она перестала быть биполярным (по линии «правоохранители/государство против террористов») вооружённым конфликтом, а стала контекстом политической и гражданской жизни Дагестана. В этом качестве она превратилась в элемент политических программ и действий различных акторов дагестанской политики. Тема терроризма и борьбы с ним создали богатый и подробный дискурс, которым пользуются все политические и гражданские силы, включая «лесных» повстанцев.

Примечания

- ¹ О масштабе насилия в дагестанском обществе см.: «“Новый курс” Магомедова?» Ситуация с правами человека и попытки консолидации общества в Республике Дагестан. Февраль 2010 – март 2011 г. Доклад Правозащитного центра «Мемориал». М., 2011. URL: http://Situatsiya_c_pravami_cheloveka_i_pipytki_konsolidatsii_obschestva_v_Respublike_Dagestan_Fevral_2010_mart2011_g_Doklad_PTS_Memorial (дата обращения: 22.11.2012).
- ² См.: О мерах по противодействию терроризму : указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 // Рос. газ. 2006. 17 февр. Федер. вып. № 4000. URL: <https://rg.ru/2006/02/17/antiterror-doc-dok.html> (дата обращения: 14.01.2010).
- ³ По этой причине Алиев имел немалый опыт взаимодействия с религиозными организациями республики. В 1990-е гг. М. Алиев курировал и поддерживал ДУМД по просьбе тогдашнего главы Дагестана Магомедали Магомедова, который отчаянно нуждался хотя бы в

- пассивном содействии аварцев для поддержания политической стабильности в республике, а вместе с ней и сохранения своей власти. Поэтому он уполномочил Алиева – этнического аварца, вести дела с ДУМД, где руководили аварцы. В частности, Алиев своим присутствием помог Ахмаду-хаджи Абдулаеву в 1998 г. избраться на должность муфтия Дагестана (См.: Выборы муфтия Дагестана в 1998 году. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=ZCu8kIKN900> (дата обращения: 12.01.2010)).
- 4 См. об этом: *Баширов Л. А.* Ваххабизм : истоки, особенности вероучения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2007. № 1. С. 197–252.
  - 5 *Алиев М.* Ваххабизм – идеология войны : отрывок из интервью (от 17 апреля 2009 г.) президента Дагестана Муху Алиева с корреспондентами Романом Баданиным (Gazeta.ru) и Григорием Шведовым (Кавказский узел) // Ас-Салам. 2009. № 9 (334). С. 2. URL: <http://islamdag.ru/ljeideologii/26944> (дата обращения: 22.07.2014). См. также: *Борисов Т.* Горы работы ждут президента Дагестана Муху Алиева // Рос. газ. 2006. 4 февр.
  - 6 Указ о назначении Александра Хлопонина заместителем председателя Правительства и полномочным представителем Правительства и полномочным представителем Президента в Северо-Кавказском федеральном округе. 19 января 2010 г. URL: <http://Kremlin.ru/events/administration/6667> (дата обращения: 25.07.2014).
  - 7 Стратегия социально-экономического развития Северокавказского федерального округа до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ 06.09.2010 г. № 1485-р) // Министерство экономического развития РФ : [сайт]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/investproject/doc20100906-004> (дата обращения: 19.03.2014).
  - 8 См.: Власть и ислам : несостоявшаяся встреча. Интервью З. Увайсова // Новое дело. 2010. 4 нояб. ; *Абдулагатов З. М.* Проблема умеренности в дагестанском салафизме // Дагестанский социологический сборник – 2011. Махачкала : Алеф, 2011. С. 18–19.
  - 9 См.: III съезд народов Дагестана // Народы Дагестана. Республиканский общественно-политический журнал. 2011. № 1 от 25.02.2011. URL: http://www.narodidagestana.ru/vipusk/7/stat/iii_sezd_narodov_dagestana (дата обращения: 17.05.2014).
  - 10 См.: «Дагестан за мир, согласие и развитие». Основной доклад Президента РД М. М. Магомедова на III съезде народов Дагестана // Там же.
  - 11 Выступление полномочного представителя Президента РФ в СКФО А. Хлопонина // Там же.
  - 12 См.: *Ахунов А. М.* Объединительный съезд мусульман Татарстана 1998 г. : предпосылки, решения, результаты // Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 4 (34). Исторические науки. URL: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/49_6.pdf (дата обращения: 24.12.2015).
  - 13 См.: *Ibragimov M.-R., Matsuzato K.* Contextualized Violence : Politics and Terror in Dagestan // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42, № 2. P. 286–306.
  - 14 Речь Абаса Кебедова на Съезде народов Дагестана. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/178570> (дата обращения: 01.10.2014).
  - 15 См.: *Исаев Т.* В Дагестане мусульманские организации приняли резолюцию гражданского диалога // Кавказский узел. 28 апреля 2011. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/184538> (дата обращения: 01.10.2014).
  - 16 Например, адвокат и правозащитник Расул Кадиев. См.: URL: <http://kadiевrasul.livejournal.com/146434.html#cutid1...> (дата обращения: 29.10.2014).
  - 17 См.: Президентский совет захотел создать Федеральную комиссию для адаптации боевиков к мирной жизни // NEWSru.com. 10 июля 2012. URL: <http://www.newsru.com/russia/10jul2012/fedcomm.html> (дата обращения: 11.07.2013).
  - 18 См.: Дискуссия на повышенных тонах. «Вы не на процессе каком-то, а на комиссии». Стенограмма заседания комиссии по адаптации бывших боевиков к мирной жизни в Дагестане 19 апреля 2012 г. // Коммерсантъ. 2012.23.04. URL: <http://www.commersant.ru/doc/1922639> (дата обращения: 12.01.2017) ; Комиссия по адаптации... генерал-майора Саврулина // Черновик. 2012. 27 апреля. URL: <http://www.chernovik.net/news/489/REPUBLIC/2012/04/27/13461...> (дата обращения: 30.04.2012).
  - 19 См., например: *Юсупов Т.* Салафиты Дагестана упустили свой исторический шанс. 2015. 15 декабря. URL: <http://www.ansar.ru/analytics/salafity-dagestana-upustili-svoj-istoricheskij-shans> (дата обращения: 23.01.2017).
  - 20 *Ibragimov M.-R., Matsuzato K.* Op. cit.
  - 21 Idem.

Образец для цитирования:

Мирзаханов Д. Г. Ислам и политика в Дагестане: попытка реализации «мягкой» стратегии борьбы с терроризмом (2006–2012 гг.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 453–458. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-453-458.

Cite this article as:

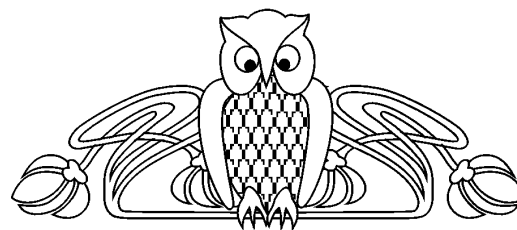
Mirzakhanov D. G. Islam and Politics in Dagestan: an Attempts of Realization of the «Soft» Strategy of Struggle on Terrorism (2006–2012). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 453–458 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-453-458.

УДК 323.2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕДИЙНОЙ ГРАМОТНОСТИ

А. А. Казаков

Казаков Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aldr.kazakov@gmail.com

В статье рассматриваются различные точки пересечения медийной грамотности и политической культуры. Насколько важно умение человека ориентироваться в окружающих его потоках информации в контексте формирования интереса к политике и доверия к массмедиа? Каким образом медийная грамотность влияет на политическую культуру? Как все это отражается на характере политической системы конкретной страны? Автор пытается найти ответы на данные вопросы и анализирует результаты связанных с этим социологических опросов Фонда «Общественное мнение». **Ключевые слова:** медийная грамотность, политическая культура, средства массовой информации, политический процесс, Россия.

Political Aspect of Media Literacy

A. A. Kazakov

Alexander A. Kazakov, ORCID 0000-0002-3140-0977, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, aldr.kazakov@gmail.com

Different areas where media literacy and political culture overlap are considered in this article. How important is an ability to navigate the vast information landscape within the context of fostering interest to politics and mass media credibility? How does media literacy affect political culture? How does all this influence features of political system? The author tries to find answers to these questions and analyzes results of public surveys conducted by "Public Opinion" Fund and related to the problem discussed.

Key words: media literacy, political culture, mass media, political process, Russia.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-459-466

В последнее десятилетие в российской науке различные аспекты медийной грамотности начинают привлекать к себе все большее внимание ученых. Однако анализ посвященной этому литературы убеждает нас в том, что большая часть исследований по данной проблематике лежит в плоскости педагогики и медиаобразования. Отечественных ученых интересует опыт продвижения принципов медийной грамотности и разработки соответствующих учебных программ в России и за рубежом¹, соотношение используемых в этой связи терминов², а также особенности применяемых СМИ манипулятивных технологий и закономерности восприятия

медiateкстов аудиторией³. В некоторых работах данная проблематика рассматривается в контексте политической функциональности СМИ⁴.

Отдельно хотелось бы отметить вклад в разработку данной проблематики такого ученого, как А. В. Федоров. Будучи президентом Ассоциации кинообразования и медиапедагогике России, главным редактором журнала «Медиаобразование» и экспертом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Александр Викторович на протяжении нескольких десятилетий досконально изучает специфику медиаобразования в России и за рубежом, способствует популяризации идей медиакомпетентности в нашей стране, объединяет вокруг себя единомышленников и по праву считается «локомотивом» отечественных научных изысканий в этой сфере.

Признавая вклад российских исследователей, занимающихся анализом всевозможных измерений медийной грамотности, мы, тем не менее, полагаем, что отдельного внимания требует политическая составляющая медийной грамотности. На наш взгляд, это один из факторов, который оказывает существенное влияние на характер политической культуры как отдельного человека, так и социума в целом.

Основными структурными элементами политической культуры, как известно, являются когнитивный (политические знания и представления), эмоционально-психологический (чувства и переживания), нравственно-оценочный (ценности, идеалы, нормы) и поведенческий (формы и степень участия в политической жизни). На каждый из них – равно как и на политическую культуру в целом – влияет множество факторов и обстоятельств. К числу наиболее важных из них мы бы отнесли существующие в рамках конкретного социума традиции восприятия и отношения к политике, семью, систему образования, окружение человека и прочие агенты социализации. Однако едва ли не самое ошутимое воздействие, как нам представляется, оказывают средства массовой информации.

Благодаря им человек получает большую часть информации о политике, так как подавляющее большинство происходящих в этой сфере событий и процессов он просто не может наблюдать воочию – приходится полагаться на мнение журналистов. Транслируя собственные интерпретации происходящего, массмедиа во многом предопределяют те чувства и эмоции, которые люди испытывают по отношению к политиче-

ским фактам, персонам и явлениям, артикулируют ценности, нормы и идеалы, которые принято разделять. Наконец, именно СМИ задают определенные рамки приемлемого, желаемого или недопустимого поведения применительно к политике.

Таким образом, получается, что пресса воздействует на каждую из составных частей политической культуры отдельного индивида, группы людей или общества в целом. Причем, учитывая степень информационной насыщенности современного мира и уровень проникновения каналов коммуникации в жизнь человека, степень этого воздействия представляется очень высокой. Выразить ее количественно очень трудно. Отдельные попытки сделать это предпринимались разве что в рамках исследования особенностей установления повестки дня⁵. Однако, по нашему мнению, и без этого совершенно очевидно, насколько велика роль массмедиа по формированию политической культуры.

Заметим при этом, что характер влияния средств массовой информации на человека может быть неоднородным. Разные издания могут формировать совершенно различные отношения к политической реальности, акцентировать внимание своих аудиторий на разных сегментах этой самой реальности (другими словами, формировать собственные повестки дня), провоцировать различные формы политического участия. Как результат, содержание и уровень политических культур «последователей» различных информационных ресурсов также будут отличными друг от друга.

В этой связи особенно важной нам видится роль медийной грамотности (при этом под медийной грамотностью в данном случае мы будем понимать умение человека находить в материалах массмедиа интересующую его информацию, критически ее осмысливать и проверять достоверность, а также – при наличии соответствующей необходимости – самому создавать элементарные медийные сообщения). Полагаем, что именно она способна стать своего рода фильтром между многочисленными, зачастую разнонаправленными и «разнокачественными» информационными потоками, с одной стороны, и политической культурой конкретного человека как своего рода производной от них – с другой. Обладая способностью находить интересующую его информацию, критически осмысливать содержание медиатекстов и проверять достоверность содержащихся в них сведений, индивид как минимум снижает уровень собственной уязвимости перед различными рода журналистскими манипуляциями и, как следствие, ставит определенный заслон на пути пагубного информационного воздействия на его политическое сознание. И именно в таком ракурсе – медийная грамотность как промежуточное звено и фильтр между СМИ и политической культурой – интересующий феномен будет рассматриваться в данной статье.

Наш первый тезис заключается в том, что медийная грамотность, как правило, повышает уровень политической осведомленности и участия граждан. Иными словами, чем более искушен в плане переработки получаемой от массмедиа информации человек, тем более информированным в отношении текущих политических событий и процессов он является и тем больше вероятность того, что он не будет политически пассивным.

Представляется, что именно характер взаимодействия индивида и медиа в конечном итоге определяет содержание складывающихся у него убеждений, представлений, установок сознания и моделей поведения – всего того, что, вслед за Э. Я. Баталовым, мы считаем составными частями политической культуры⁶. В зависимости от того, откуда человек черпает информацию о происходящем в мире политики, как часто он это делает (если его вообще это интересует) и насколько важным для себя это считает, складывается не только индивидуальный для каждого уровень медийной грамотности, но и тип политической культуры.

При этом мы не считаем эту зависимость абсолютно прямой: на наш взгляд, не совсем правильно полагать, что чем больше мы политикой интересуемся, чем чаще, условно говоря, смотрим новости или читаем газеты, тем «качественнее» наша политическая культура. Отнюдь. Многое в данном случае зависит от того, по каким конкретно каналам мы получаем политическую информацию и насколько критически к ней относимся. В этом смысле медийная грамотность, повторимся, выступает своего рода промежуточным звеном между «количеством» внимания, уделяемого политике, и «качеством» политической культуры.

Между тем некоторые ученые весьма показательно в этом плане считают сам факт проявления внимания к политическим новостям. Так, например, К. Сей-Хилл и Х. Мийджонг убеждены в том, что интерес к новостным медиа сам по себе поощряет людей к участию в дискуссиях на политические темы и, как следствие, – к политической активности⁷. Разделяя общую логику их рассуждений, хотелось бы заметить, что характер и «уровень профессионализма» порождаемых таким образом дискуссий и политического участия может быть различным. Условно говоря, вполне логично ожидать активного участия в политических спорах и акциях от юноши, пристрастившегося к националистическим пабликам в социальных сетях. Столь же вероятным выглядит и то, что высказать собственное мнение по тому или иному вопросу или принять участие в выборах будет готов и человек, умудренный определенным жизненным опытом и получающий информацию из различных по своему виду, стилю и содержанию источников. Но одинаково ли «развитой» будет их политическая культура? Вряд ли.

Вообще уровень политической осведомленности и участия граждан в значительной степени

зависит от того, интересуются ли они политикой в принципе. Трудно ведь ожидать от человека высокой степени информированности о происходящем в мире политики и регулярного участия в выборах, политических акциях и т. д., если сама политика ему безразлична. В этом плане любопытно посмотреть на то, каков уровень интереса к политике в нашей стране. Судя по результатам опросов общественного мнения, политикой в России интересуется меньше половины населения (рис. 1).

Как видно из данных рис. 1, в мае 2016 г. таковых насчитывалось 49%. Причем за 15 лет соответствующих наблюдений это абсолютный максимум. Однако если сравнивать показатели за все эти годы в целом, то выходит, что число не интересующихся этой сферой традиционно все же больше (рис. 2).

При этом постоянно обсуждают политические события со своими близкими и знакомыми всего 26% опрошенных, делают это редко 42%, а вообще не касаются политической проблематики в разговорах 31% респондентов. Характерно, что начиная с 2011 г. можно говорить о наличии устойчивой тенденции к росту «популярности» политических тем среди граждан России.

Однако, несмотря на это, общий уровень интереса, который люди проявляют к политике,

представляется нам довольно низким. Намеренно оставим за скобками вопрос о том, какой уровень интереса считать приемлемым, достаточным или желательным. Кто-то будет полагать, что чем активнее общество интересуется политикой, тем лучше, а кто-то будет придерживаться противоположного мнения. Подчеркнем лишь, что в рамках настоящего исследования мы исходим из того, что для повышения общего уровня политической культуры личности интерес к политике необходим, так как без него невозможно добиться политической осведомленности, и, как следствие, под угрозой оказывается когнитивный элемент политической культуры.

Как же повысить этот интерес? Считается, что сделать это могут сами новостные медиа, фокусирующие внимание аудитории на социально значимых вопросах и побуждающие людей не только размышлять о злободневных проблемах общества, но и обсуждать их со своим окружением⁸. Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой доверия к средствам массовой информации. Как показывают данные социологических опросов, далеко не всегда контент, предлагаемый массмедиа, вызывает живой отклик у населения (табл. 1).

На наш взгляд, наиболее показательными среди приведенных в табл. 1 данных являются

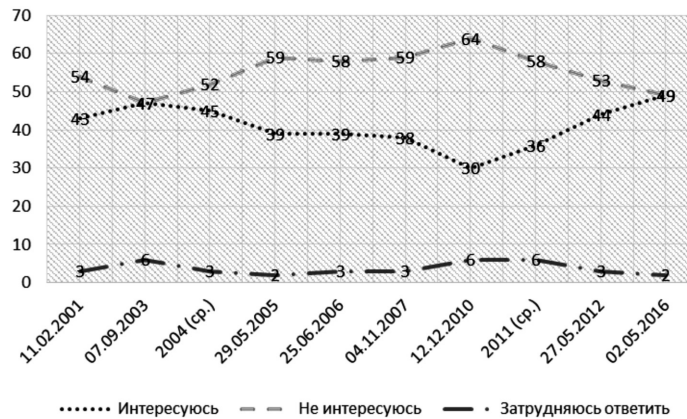

Рис. 1. Уровень интереса россиян к политике, %⁹

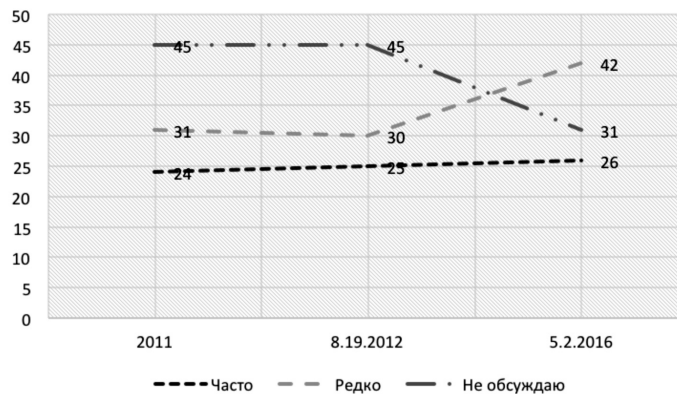

Рис. 2. Частота обсуждения событий политической жизни с близкими и знакомыми, %¹⁰

Таблица 1

Уровень доверия к источникам информации, %¹¹

Источник	19.04. 2015	31.01. 2016	05.02. 2017	02.05. 2017	Разбивка по уровню образования (к опросу 02.05.2017)		
					среднее общее и ниже	среднее специальное	высшее
Телевидение	63	58	50	50	55	55	37
Новостные сайты в Интернете	15	19	19	18	14	17	25
Печатная пресса (газеты, журналы)	9	8	9	8	6	10	9
Радио	8	6	8	8	7	9	8
Форумы, блоги, сайты социальных сетей	4	5	7	8	7	7	11
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	7	7	8	6	7	6	6
Другое	<1	1	1	1	1	1	1
Нет источников информации, которым доверяю больше	16	18	25	23	20	22	28
Затрудняюсь ответить	5	5	3	4	5	3	4

следующие. Прежде всего, это значительный отрыв, с которым телевидение лидирует по сравнению с другими источниками информации: занимающие второе место интернет-сайты оно опережает более чем вдвое – сразу на 32%. Вместе с тем нельзя не заметить, что за какие-то два года доверять телевидению стали сразу на 13% зрителей меньше – в то время как рейтинги доверия практически всех остальных источников информации либо остались на прежнем уровне либо немного выросли.

Обращает на себя внимание и тот факт, что ощутимо меньше остальных телевизионным новостям доверяют люди с высшим образованием (37% против 55% у граждан со средним общим или средним специальным образованием). Значительно больше среди высокообразованной аудитории и тех, кто вообще не доверяет ни одному из источников информации (28%). Зато с куда большим энтузиазмом люди с высшим образованием узнают о происходящем в стране и мире на новостных интернет-сайтах (25%), форумах, блогах и в социальных сетях (11%).

Весьма любопытно соотнести также приведенные выше рейтинги доверия с тем, из ка-

ких источников россияне в принципе чаще всего получают информацию. Но для начала покажем динамику «востребованности» различных источников новостей начиная с 2010 г.

Данные ФОМа говорят о том, что телевидение, как и в случае с рейтингами доверия, лидирует с большим отрывом. Однако, если смотреть в динамике, становится очевидно, что за семь лет (с 2010 по 2017 г.) его аудитория снизилась на 9% (с 87 до 78%). В противовес этому более чем в три раза – с 13 до 41% – выросло число людей, обращающихся за информацией к новостным интернет-сайтам, и почти в 5 раз – с 4 до 19% – возросла востребованность форумов, блогов и социальных сетей¹².

А теперь объединим часть из приведенных выше показателей и соотнесем количество пользующихся тем или иным источником информации с долей тех, кто ему доверяет. Для удобства возьмем данные на 2 мая 2017 г. – дату проведения последнего (на момент подготовки настоящего исследования) замера (рис. 3).

Что мы видим? По каждому из источников уровня доверия значительно (за исключением телевидения – не менее, чем в два раза) ниже,

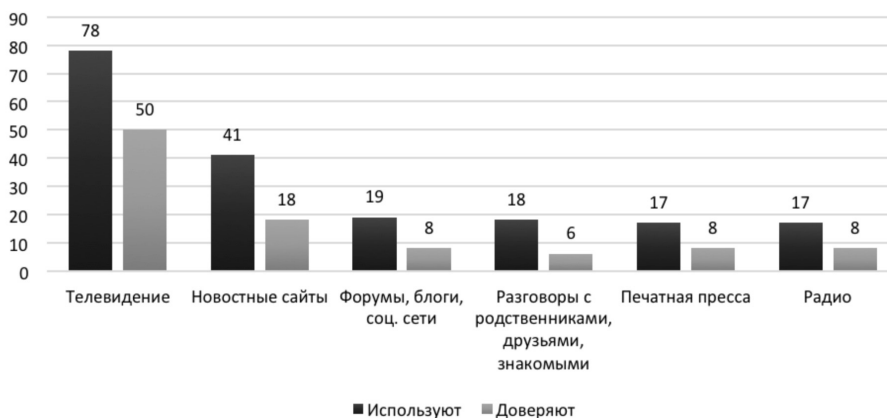

Рис. 3. Соотношение количества использующих те или иные источники информации и доверяющих им, %

чем уровень востребованности. О чем это может говорить? На наш взгляд, прежде всего – о сильном разочаровании граждан России в источниках информации. Причем – во всех сразу. Получается, что люди не доверяют, по большому счету, никому, но продолжают смотреть телевизор, читать газеты, слушать радио и т. д. лишь потому, что больше просто неоткуда брать информацию.

С одной стороны, определенный скепсис в отношении материалов средств массовой информации в контексте медийной грамотности всегда необходим. Однако, с другой стороны, тот уровень доверия (точнее – недоверия) массмедиа, который мы сейчас наблюдаем, на наш взгляд, чреват не самыми приятными для общества и политической системы последствиями. В таких условиях прессы явно не может восприниматься людьми как институт, стоящий на страже интересов социума, как «цепной пес демократии». Представляется, что и для власти такое положение вещей не совсем выгодно: как донести до электората желаемые для власти предрешающие идеи, если один из основных каналов транслирования подобных посланий не пользуется доверием населения?

Стало быть, в исправлении ситуации к лучшему, по идее, должны быть заинтересованы все: и рядовые граждане – потребители информации, и журналисты, и власть. Но как этого добиться? Полагаем, что простого и однозначного ответа на этот вопрос просто не существует. Можно лишь предположить, что, скорее всего, это будет комплекс мер, в реализации которых должны принимать участие как само журналистское сообщество и представители власти (в том числе законодательной ее ветви), так и простые люди. И коль скоро в центре внимания в рамках данного исследования находится индивид и его отношение к материалам СМИ, обозначим наше видение того, что может сделать в этом плане конкретный человек.

Считаем, что повышая уровень собственной медийной грамотности, личность сможет посмотреть на деятельность массмедиа несколько иначе. Осознав, что каждый информационный ресурс, условно говоря, имеет собственные (в том числе политические) интересы, что формируемые различными изданиями повестки и оценки происходящего в политике могут не совпадать, что для получения более целостной и разносторонней картины действительности необходимо стремиться сопоставлять контент различных каналов, сайтов, газет, радиостанций и т. д.; приобретя навыки самостоятельной проверки достоверности сообщаемых журналистами сведений; накопив опыт анализа не только текстов, но и сопутствующих им контекстов и подтекстов, человек, безусловно, по-другому будет воспринимать проблему доверия.

Разумеется, в каких-то конкретных массмедиа он таким образом разочаруется и станет доверять им еще меньше. Однако одновременно с этим он наверняка найдет те ресурсы, которые, по его мнению, будут достойны его вни-

мания и доверия. У человека сложится более целостное представление об окружающем его медиапространстве (со всеми его участниками, заинтересованными сторонами, изъянами и достоинствами) и, как результат, сформируется более «сбалансированное» отношение к нему. В том числе в плане доверия тем или иным видам источников. Проще говоря, отвечая на вопрос о том, доверяет ли он печатной прессе или нет, индивид будет понимать, что газеты – это, к примеру, не только постоянно критикующие российскую власть условные «Новая газета» или «Нью-Йорк Таймс», но и отстаивающая интересы правительства «Российская газета» тоже.

Развивая сформулированный выше тезис о том, что интерес к происходящему в стране и мире является одним из условий повышения уровня политической культуры, считаем необходимым отдельно остановиться на вопросе о разнице в характере оказываемого различными типами СМИ влияния на политическую осведомленность и участие людей в политике. Так, например, существует мнение, что газеты в целом более эффективны в поощрении интереса к политике у своей аудитории, нежели телевидение. Считается, что они не только успешнее транслируют политическую информацию, но и чаще побуждают людей к тем или иным формам политического участия¹³, в то время как «голубой экран» отнимает у человека практически все его свободное время и тем самым лишает его возможности рефлексировать по поводу наиболее злободневных проблем страны или местности, в которой он проживает¹⁴.

В этом отношении весьма показательной нам представляется идея, среди прочих ученых сформулированная С. Беннеттом, С. Райн и Р. Фликингером. По их мнению, чтение как таковое (книг, газет, журналов – в данном случае не так важно, чего именно) развивает у человека способность вычленять основной смысл прочитанного, тренирует навыки умственной концентрации и следования за логикой авторских рассуждений, улучшает память и воображение, расширяет словарный запас¹⁵.

Вместе с тем мы убеждены, что не один только канал распространения политической информации влияет на степень ее «действенности». Не менее важным, безусловно, является и содержание транслируемых сообщений. Развлекательный контент, очевидно, будет, скорее, отвлекать внимание человека от актуальной социально-политической проблематики – вне зависимости от того, где (в газетах или по телевидению) он передается.

В этой связи любопытно посмотреть на то, что привлекает наибольшее внимание аудитории российских газет и телевидения (табл. 2).

Данные, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что на первом месте по популярности среди российских граждан находятся выпуски новостей. Примечательно также, что у более стар-

Таблица 2

Рейтинг телевизионных предпочтений россиян, %¹⁶

Вид информации	Население в целом	Пол		Возраст			
		муж.	жен.	18–30	31–45	46–60	больше 60
	100	45	55	29	26	23	22
Новости	58	57	59	46	59	65	65
Художественные фильмы	52	44	58	35	53	62	61
Развлекательные программы	34	27	39	40	39	28	27
Телесериалы	26	13	36	25	19	27	33
Спортивные программы	25	42	11	28	27	26	17
Концерты, театральные постановки	24	13	34	16	20	28	36
Документальные фильмы	24	28	21	26	23	24	22
Общественно-политические программы	23	27	20	13	22	27	33
Авторские программы	16	16	17	10	17	19	20
Образовательные программы	15	13	17	15	18	14	14
Ток-шоу	15	7	21	17	16	14	13
Интеллектуальные игры	10	8	11	10	8	10	10
Другие	2	2	3	2	3	2	1
Затрудняюсь ответить	1	1	1	0	2	2	0
Не смотрю телевизор	5	7	4	11	4	2	3

шей аудитории они вызывают и больший интерес. Аналогичная закономерность обнаруживается и применительно к общественно-политическим программам. Разница лишь в том, что, в отличие от новостей, мужчины смотрят такие передачи охотнее, чем женщины (27 против 20%) (табл. 3).

Что же касается газет, то, согласно данным, приведенным в табл. 3, тенденция здесь схожа с той, что наблюдается применительно к телевидению. Общественно-политическая проблематика находится на первом месте и становится все более востребованной по мере «старения» аудитории.

Таблица 3

Рейтинг газетных предпочтений россиян, %¹⁷

Вид информации	Население в целом	Пол		Возраст			
		муж.	жен.	18–30	31–45	46–60	больше 60
	100	45	55	27	25	25	22
Общественно-политические, с новостями страны, региона	28	29	27	16	29	30	39
С телепрограммой	24	22	25	16	21	28	33
О здоровье	22	10	32	14	18	29	29
Бесплатные, которые кладут в почтовый ящик	18	16	22	15	19	21	24
О домашнем хозяйстве, кулинарии	16	4	25	11	15	20	18
Спортивные	11	19	4	11	14	10	9
Объявления, вакансии, реклама	9	9	10	10	10	13	5
О культуре, литературе, театре, кино	9	6	12	7	8	10	11
Научно-популярные	9	10	7	6	10	10	9
О знаменитостях, звездах шоу-бизнеса	8	2	13	10	7	8	7
Деловые, об экономике, бизнесе	8	9	7	6	10	8	8
О моде и красоте	8	2	13	13	8	6	3
Связанные с моей работой, профессией	7	8	7	8	10	9	2
Об автомобилях	7	14	2	10	11	6	2
О психологии, отношениях	7	3	10	6	8	8	5
Другое	3	3	4	2	2	4	5
Затрудняюсь ответить	2	2	2	2	2	2	1

Предположим, однако, что подобный расклад отчасти мог предопределяться большей распространенностью таких изданий. Газет о федеральной или региональной политике попросту больше, чем всех остальных, в этом смысле они более доступны, чем и объясняется тот факт, что их чаще читают.

В завершение считаем необходимым отдельно остановиться на очень интересных результатах эмпирических исследований, проведенных сразу несколькими группами ученых в отношении людей, предпочитающих следить за политическими комментариями ведущих журналистов-аналитиков. Было выявлено, что те из них, кто наблюдают за этим в газетах или по телевидению, как правило, чаще вдохновляются на обсуждение острых вопросов текущей политической повестки как со своими единомышленниками, так и с теми, кто придерживается другой точки зрения. Те же, кто предпочитают знакомиться с мнением аналитиков в блогах или микро-блогах, чаще всего замыкаются в своих «эхо-камерах» и стараются избегать как общения с людьми, не разделяющими их взгляды, так и контакта с массмедиа, отстаивающими идеи, не совпадающие с их собственными¹⁸.

Представляется, что в контексте медийной грамотности это наблюдение достаточно важно. Полагаем, что если сразу несколько ученых независимо друг от друга пришли к такому выводу, значит, такая тенденция действительно имеет место быть: люди, предпочитающие получать информацию о политике в блогах, менее склонны к обсуждению своих воззрений с носителями противоположных идей, более категоричны, имеют меньше возможностей познакомиться с альтернативным взглядом на происходящее и, следовательно, более подвержены риску заблуждения. Стало быть, формируя собственную «информационную диету», человек, стремящийся к тому, чтобы стать информационно грамотным, должен это учитывать.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что в целом граждане России достаточно выражено ориентированы на получение актуальной политической информации. В обществе определенно есть запрос на объективные сведения о происходящем в стране и мире. Однако при этом нельзя не замечать существования проблемы доверия к средствам массовой информации. Приведенные в этой статье результаты социологических опросов красноречиво говорят о том, что граждане далеко не всегда верят тому, о чем им сообщают журналисты.

Очевидно, что в исправлении данной ситуации должны быть заинтересованы практически все. Власть – так как нынешнее положение вещей серьезным образом снижает эффективность одного из основных каналов ее коммуникации с социумом: если люди не верят тому, о чем говорится в прессе, как политики могут доносить до избирателей свои идеи и воздействовать на них в требуемом направлении? Журналисты – потому что при сохранении текущей тенденции на сни-

жение доверия населения к результатам их труда в обозримой перспективе потребность в их работе может вообще исчезнуть, а на смену профессиональным корреспондентам, операторам, продюсерам и т. д. прийти так называемые гражданские журналисты – рядовые равнодушные граждане, запечатлевшие на свой мобильный телефон нечто, вызвавшее их интерес, и разместившие это потом в социальных сетях или блогах.

Наконец, больше других в устранении проблемы недостатка доверия, по идее, должны быть заинтересованы сами люди. Вряд ли ведь кто-то может быть доволен тем, что приходится получать информацию из источников, которым не доверяешь. Но что в таком случае может сделать отдельно взятая личность? Из числа существующих на этот счет потенциальных решений самым реалистичным нам представляется работа над собственным уровнем медийной грамотности. Как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих; очень маловероятно, что кто-то в таких случаях будет заботиться о человеке, кроме него самого.

Овладев навыками поиска в СМИ интересующей его информации, научившись критически ее осмысливать, проверять достоверность, сопоставлять с данными из альтернативных источников и – при необходимости – самому создавать элементарные медийные сообщения, индивид не только уменьшит степень собственной уязвимости перед возможными манипуляциями со стороны журналистов, но и, повысив уровень собственной политической культуры, сделает более осознанным свой политический выбор.

Кроме того, очевидно, что медийно грамотного человека гораздо сложнее ввести в заблуждение. В этом смысле, на наш взгляд, существует гипотетическая возможность того, что распространение принципов медийной грамотности в обществе могло бы способствовать очищению информационного пространства от недобросовестных игроков: научившись определять, где правда, а где ложь, люди постепенно избавились бы от тех ресурсов, что злоупотребляют их доверием. В конечном итоге все это способствовало бы повышению эффективности коммуникационной составляющей всей политической системы.

На данный момент описанные выше перспективы, к глубокому сожалению, больше напоминают несбыточную мечту. Однако это вовсе не запрещает нам размышлять о путях, которые могли бы помочь приблизиться к этому идеалу. Одна из таких возможностей видится нам в создании и развитии системы медиаобразования.

Примечания

¹ См.: Гендина Н. И. Можно ли измерить информационную грамотность (культуру)? // Образование в документах. 2009. № 20 (213). С. 58–62; Жилавская И. В. Проблема формирования понятийного

- аппарата медиаобразования в условиях конвергенции медиа- и информационной грамотности // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 5–1. С. 213–217; *Левицкая А. А.* Формирование медийной грамотности и медиакритика в Канаде // *Медиаскоп*. 2016. № 1; *Федоров А. В.* Медиаобразование в зарубежных странах. М.: Директ-Медиа, 2013; *Федоров А. В.* Медиаобразование: история и теория. М.: МОО «Информация для всех», 2015; *Якушина Е. В.* Разработка курса «Медиа-информационная грамотность и информационная безопасность» // *Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты (ISC-14): материалы III Междунар. науч.-практ. конф.* М.: Изд-во МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 346–362.
- 2 См.: *Мукан Н. В., Фучила Е. Н.* Определение понятия «информационная грамотность» // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2014. № 31. С. 147–149; *Федоров А. В.* Медиаобразование и медиаграмотность. М.: Директ-Медиа, 2013.
- 3 См.: *Вырковский А. В., Любимцева М. А.* Восприятие аудиторией различных видов текста в российских деловых интернет-СМИ // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика*. 2015. № 2. С. 143–167; *Ильченко С. Н.* Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности // *Медиаскоп*. 2016. № 4; *Казаков А. А.* Методы манипулирования общественным сознанием в контексте медийной грамотности: политическое измерение // *Политэкс*. 2016. Т. 12, № 3. С. 26–34.
- 4 См.: *Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В.* Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов: Саратовский источник, 2011.
- 5 См., например: *Казаков А.* Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения // *Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2012. № 1. С. 138–143; *Мамонов М.* Роль политических субъектов в формировании приоритетов межличностной «повестки дня» россиян // *Политэкс*. 2008. № 3. С. 97–107; *Kim S-H., Scheufele D. A., Shanahan J.* Think About it This Way: Attribute Agenda-Setting Function of the Press and the Public's Evaluation of a Local Issue // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2002. Vol. 79, № 1. P. 7–25; *Weaver D. H., McCombs M. E., Shaw D. L.* Agenda-Setting Research: Issues, Attributes, and Influences // *Kaid L. L. (ed.). Handbook of political communication research*. Mahwah, NJ, 2004.
- 6 См.: *Баталов Э. Я.* Политическая культура России сквозь призму civic culture // *Pro et Contra*. 2002. № 3. С. 10.
- 7 См.: *Kim Sei-Hill, and Mijeong Han.* Media Use and Participatory Democracy in South Korea // *Mass Communication and Society*. 2005. Vol. 8, № 2. P. 133–134.
- 8 См., например: *Kim H.* (2003). An evaluation of the media and Internet campaigns. Paper presented to the 2002 Election Conference of the Korean Political Science Association, Seoul, Korea; *Lee H.-W.* The Internet and electoral participation through social capital: In a case of U.S. presidential election in 2000 // *Korean Political Science Review*. 2002. № 13. С. 309–331; *Stamm K. R., Emig A. G., & Hesse M. B.* The contribution of local media to community involvement // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 1997. Vol. 74, № 1. P. 97–107; *Wolfinger R. E., & Rosenstone S. J.* Who votes? New Haven, CT: Yale University Press, 1980.
- 9 Источник данных: ФОМнибус – репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше. URL: <http://fom.ru/Politika/12680> (дата обращения: 07.07.2017).
- 10 Там же.
- 11 Источник данных: ФОМнибус – репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше.
- 12 Там же.
- 13 См., например: *Liu Y., Shen F., Eveland W. R, Jr., Dylko I. B.* The Impact of News Use and News Content Characteristics on Political Knowledge and Participation // *Mass Communication and Society*. 2013. Vol. 16, № 5. P. 1–25; *Moy P., & Gastil J.* Predicting Deliberative Conversation: The Impact of Discussion Networks, Media Use, and Political Cognitions // *Political Communication*. 2006. № 23. P. 443–460.
- 14 См.: *Kim Sei-Hill, and Mijeong Han.* Op. cit. P. 133.
- 15 См.: *Bennett S. E., Rhine S. L., Flickinger R. S.* Reading's Impact on Democratic Citizenship in America // *Political Behavior*. 2000. № 22. P. 185.
- 16 Источник данных: «ТелеФОМ» – телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше по случайной выборке номеров мобильных и стационарных телефонов. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12214> (дата обращения: 08.07.2017).
- 17 Источник данных: ФОМнибус – репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше.
- 18 См.: *Kim D., & Johnson T. J.* Political blog readers: Predictors of motivations for accessing political blogs // *Telematics and Informatics*. 2012. № 29. P. 99–109; *Ponder J. D., Haridakis P.* Selectively Social Politics: The Differing Roles of Media Use on Political Discussion // *Mass Communication and Society*. 2015. Vol. 18, № 3. P. 281–302; *Saletan W.* Bubble think: How to escape a partisan echo chamber. 2010, March 3. URL: <http://www.slate.com/id/2252685> (дата обращения: 08.07.2017).

Образец для цитирования:

Казаков А. А. Политическая составляющая медийной грамотности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 459–466. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-459-466.

Cite this article as:

Kazakov A. A. Political Aspect of Media Literacy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 459–466 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-459-466.

УДК 342.843.5

ПОЛИТИКА VS ЖУРНАЛИСТИКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В КАНУН ВЫБОРОВ

А. В. Россошанский

Россошанский Андрей Владимирович, кандидат политических наук, заведующий кафедрой электронных средств массовой информации и коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, avrossoshanskiy@mail.ru

Статья посвящена изучению состояния региональной политической журналистики, той роли, которую она играет во взаимодействии основных политических сил и общества в период избирательной кампании. Используя методологию количественного и качественного контент-анализа публикаций ведущих саратовских сетевых изданий, автор оценивает степень реализации функций политической журналистики. Делается вывод, что подавляющее большинство медиаресурсов представляют не столько материалы политической журналистики, сколько различные PR-тексты, выполняющие определенный политический заказ. В качестве прогноза отмечается, что при сохранении существующих тенденций – сокращении сферы политики, доминировании партии власти, политическая журналистика в Саратовском регионе исчезнет.

Ключевые слова: политика, политическая журналистика, региональные СМИ.

Policy vs. Journalism: the Political Standards of Regional Journalism on the Eve of Elections

A. V. Rossoshanskiy

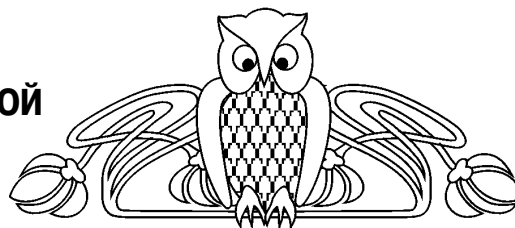
Andrey V. Rossoshanskiy, ORCID 0000-0002-8403-718X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, avrossoshanskiy@mail.ru

The article is devoted to studying of the regional political journalism, the role it plays in the interaction of the main political forces and society in the period of electoral company. Using the methodology of quantitative and qualitative content analysis of publications of leading Saratov editions, the author assesses the degree of implementation of functions of political journalism. The conclusion is that the vast majority of media are not so much material of political journalism, how many different PR-texts, fulfilling a political order. As the forecast notes that if current trends – reduction in the sphere of politics the dominance of the ruling party, political journalism in the Saratov region will disappear.

Key words: politics, political journalism, regional media.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-467-477

«...О всемогущий издатель, газету нашу насущную даждь нам днесь» – так иронично рассуждает один из персонажей Дж. Джойса. Пародийная молитва как нельзя лучше характеризует сложную оценку и роль журналистики в культурном пространстве современности. Во многом профессиональная журналистика совре-

менности существует подобно кантовской вещи-в-себе или оправдывает и обеспечивает существование самих журналистов. Подобная резкая оценка этой профессиональной деятельности набирает значительные обороты: «Эпоха “настоящих СМИ” записана где-то в исторической памяти», – заявляет один из медиа-аналитиков сайта Forbes.ru¹; «...нет такой профессии – журналист... Профессиональная журналистика – это ничто. Это мыльный пузырь», – излишне категорично добавляет служитель этой профессии². Но и не принимая подобных однозначных оценок, трудно не согласиться с Михаилом Таратутой, написавшим об утрате журналистикой чувства особой значимости: «Так некогда безраздельная властительница дум, четвертая власть из монолитной информационной твердыни превратилась в бесконечный лабиринт информ-ресурсов, откуда каждый черпает не обязательно то, что ему дают, а то, что он хочет получить»³.

Достаточно низкий балл ценностного потенциала профессиональной деятельности журналиста современности не спасают и теоретические концепции, реализуемые в образовательных школах подготовки журналистов. Так, в СПбГУ доказательно разрабатывается концепция роли журналиста, где главным отмечается беспристрастное отображение действительности, обобщение материала и создание преобразующего воздействия на социальные ситуации⁴. Региональные школы продолжают настаивать на высоком гражданском служении «журналиста как сына Отечества». И, попадая в парадокс пафоса, не коррелируют с современностью. А шокирующая характеристика политического журналиста М. Максимовской современного зрителя, жаждущего успеха и денег, неважно какой ценой, легко меняющего свои убеждения и идеологию, может и воспринимается как пересказ серии антиутопического британского сериала, созданного по сценарию телеведущего и писателя Чарли Брукера «Черное зеркало», но узнаваема и в российской массмедийной ситуации⁵.

Вряд ли можно полностью согласиться с возложением вины только на низкие профессиональные стандарты журналистики. Французский исследователь Ф. Кабедош настаивает, что коммуникационные и информационные технологии сопровождают, а не определяют социальные изменения⁶. В различных общественных формациях средства массовой информации определены структурой политических отношений. Доста-

точно вспомнить значение СМИ для проведения реформ в эпоху перестройки. Учитывая весь широкий спектр оценок этого исторического артефакта от «лихих 90-х» до «времени свободы», нельзя не учесть модернизации отечественных СМИ. Именно в этот период журналистика обретает функцию, позволяющую вести общественный диалог. Без освоения дискуссионных практик, без которых власть и общество не способны находить лучшие стратегии развития, не возможна была реализация политических и экономических реформ. Именно в этот момент отечественная журналистика реализует свою профессиональную миссию организатора общественного диалога.

Демократический переход в России столкнулся со сложно преодолимыми преградами из объективных условий и субъективных ошибок. Но для СМИ этот переход закончился резким обструктивизмом публичного пространства и возвратом под государственный контроль общенациональных каналов. Гораздо тяжелее оказалась ситуация со средствами массовой информации в регионах, где этатизация, т. е. огосударствление, приобрела параметры отчетливо выраженной тенденции.

В данной статье предпринята попытка изучить региональную ситуацию прерывания диалога СМИ и власти. Мы стремимся дать ответ на вопрос, почему СМИ, обладающие огромным коммуникативным опытом ведения такого диалога, не удалось справиться с вызовом времени, а главное, продемонстрировать современный региональный аспект развития политической журналистики.

Чаще всего под политической журналистикой понимают раздел журналистики, рассматривающий состояние внешней и внутренней политики, но трактуют и в более узком значении – освещение деятельности государственных органов власти и управления в конкретный период времени. Конечно же, основной задачей журналистского произведения любой тематики и направленности является воздействие, а порой и манипуляция общественным сознанием.

В рамках политической журналистики выделяется несколько функций, обеспечивающих постоянное взаимодействие власти и общества. Традиционно выделяют следующие: информационная, аналитическая, функция инновации и функция критики и контроля. Если информационная функция создает определенную картину политической реальности, то аналитическая должна прогнозировать и описывает причинно-следственные уровни политических процессов; привлекает мнение экспертов и способствует прогнозированию политических изменений функция инновации. Но главным становится желание объединения и укрепления взаимодействий политической и социальной системы, это отводится функции критики и контроля, что и

позволяет говорить о СМИ как о «четвертой власти».

Но на СМИ оказывает влияние политическая ситуация, она же диктует и приоритет функций. Совпадение интересов СМИ и политических ньюсмейкеров характеризует принцип сотрудничества «информация в обмен на публичность». И если позиция политической журналистики в отношении к власти может варьировать, то задача политического журналиста остается неизменной – выступать представителем своей аудитории. Таким образом, происходит некое совмещение посредничества, беспристрастного наблюдателя, информатора общества о планах властных структур с оппонированием, сообщением о возможной реакции общества на политические решения.

Рассмотрение задач политической журналистики не может обойтись без рассмотрения понятия объективности. Многочисленные теоретические аксиомы о журналистской объективности звучат утопически на фоне современной практики: «Все, что касается политики, согласуется, иногда перестраховывается и на всякий случай не дает ничего... Пропаганда, конечно, мощно промывает головы, особенно в регионах, – заявляет ведущий сотрудник телеканала «Россия», – Я сам был шокирован тем, насколько люди однобоко воспринимают... насколько легко все-таки управлять Россией. Я удивляюсь – как можно так рассуждать, а они в ответ – “вы же сами сказали”. Я пытаюсь им объяснять: “Надо же анализировать. Смотрите РБК, смотрите Дождь”. – “А что такое Дождь?”.— “Включите и посмотрите”. – “Но они же врут все!”»⁷. Отсутствие опыта критического восприятия информации, ментальное послушание равно характерно как для потребителя политической журналистики, так и для ее создателя. «Журналисты не могут быть объективными, даже если они захотят. Они попадают в естественную ловушку субъективности. Их индивидуальность неотъемлемо присутствует в материале», – выдвигает идею Дж. Мэррилл⁸. Но в современном медиапространстве неумышленная субъективность и влияние личных фоновых знаний журналиста легко заменяется умышленной предвзятостью при освещении тех или иных политических событий.

Еще в середине 2000-х гг. С. Кучер в эфире радиостанции «Эхо Москвы» говорил об отсутствии независимой политической журналистики: «Она возможна в обществе, в котором есть сильная, независимая от власти экономика, есть сильный, независимый бизнес... В 90-е гг. у нас был плюрализм – у нас не было независимой журналистики... Сейчас у нас нет ни того, ни другого. Потому что независимого бизнеса нет, а все СМИ, серьезно влияющие на общественное мнение..., контролирует государство»⁹. Спустя несколько лет, в 2015 г. в эфире со Светланой Сорокиной в честь 5-летия «Дождя» ведущие журналисты независимых медиа единоглас-

но приходят к мнению об ухудшении атмосферы и современного общества, и журналистики: «...изменилась атмосфера в обществе... Сейчас она жесткая, мрачноватая, непредсказуемая по тенденциям... в регионах еще большая тотальная зависимость от власти, от губернаторов, мэров и разного рода чиновников...»¹⁰

На наш взгляд, интересным видится возможность понаблюдать тенденции, происходящие в региональной журналистике именно в настоящий период времени. Участие в губернаторских выборах и выборах в облдуму 10 сентября 2017 г. должно, в принципе, спровоцировать активизацию политической жизни, а соответственно, и увеличить количество материалов политической журналистики.

Нами был проведен количественный и качественный обзор следующих сетевых изданий регионального значения: интернет-газета «4 власть», интернет-издание и сетевые информационные агентства «Общественное мнение», «Взгляд-инфо», «Версия-Саратов», «Свободные новости», материалы Центра журналистских расследований «Медиаликс 64», а также привлекались материалы официального портала Правительства Саратовской области для уточнения и проверки официальной информации. При анализе журналистских материалов в выборку попали в основном новостные заметки, но в большинстве случаев учитывались и материалы статей, обзоров, видеоматериалы. При обращении к текстам информационного агентства «Версия-Саратов», сетевого издания «Общественное мнение», интернет-газеты «4 власть» принимались во внимание разделы новостей, политики и аналитики. В публикациях «Медиаликс 64» рассматривался также раздел блогов. Запрос на сайте информационного агентства «Взгляд-инфо» предоставлял и видеосюжеты, а сайт «Свободных новостей» активно включал в новостную сетку материалы «Газеты недели в Саратове».

Мы посчитали количество публикаций, освещающих деятельность ведущих партий, участвующих в выборах 2017 г.: «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко». Партия «Коммунисты России», участвующая в выборах на пост губернатора, а также «Патриоты России» и «Родная партия» не учитывались как нерелевантные, существующие, скорее, не в качестве реальных политических сил, а заслуживших репутацию партий-спонсоров.

Выбор аналитических материалов заслуживает пояснения. Материалы были взяты с 10 мая по 10 августа 2017 г., на наш взгляд, обращение к этому временному промежутку позволяет обнаружить общую тенденцию, происходящую в политической журналистике региона. С другой стороны, предвыборный и послевыборный месяцы можно рассматривать как отдельные этапы кампании и заслуживают более пристального и подробного изучения.

Также мы соотнесли частотность появления материалов по деятельности каждой из партий с упоминаниями представителей этих партий. Персонализация политических публикаций позволяет выявить наиболее весомые фигуры в политической жизни региона, лидеров политической жизни. Но, естественно, только количественный анализ публикационной активности сетевых ресурсов не мог ответить на вопрос о состоянии политической журналистики региона, поэтому помимо количественного упоминания учитывалось и смысловое значение этих публикаций. При анализе мы выделили тексты, отражающие процесс формирования определенного имиджа или образа партий или кандидатов от партий, для конкретных социальных групп. Нами были взяты электронные ресурсы различной политической направленности: от провластных до считающих себя оппозиционными, в которых появлялись и PR-тексты, формирующие как положительный образ – стабильность, ответственность, надежность, забота о населении, отчет о реализации программ партий, так и «черный пиар», PR со знаком минус, содержащий некий негативный образ, или развенчивающие мотивацию социально-политических действий тех или иных партий.

Обратимся к сетевому ресурсу «4 власть». Данное издание позиционирует себя как «независимый» информационный источник, хотя редактор издания В. Рогожин, по сведениям другого издания, выдвинул свою кандидатуру в депутаты облдумы, а приводимые самим издательством эпитафии из цитат лидеров партии власти от № 1 В. Володина до С. Аvezниязова («Ребята из офиса Навального отвечают: они идут, т. к. модно. Эти люди ведут Россию в тупик») не оставляют сомнения в политической направленности самого издания. Охранительская идеология, продуцируемая информационным ресурсом, проявляется и в количестве, и в качестве журналистских материалов (рис. 1).

Как можем заметить из диаграммы, наибольшее количество публикуемых материалов относится к освещению деятельности партии «Единая Россия», замыкает список по количеству публикаций партия «Яблоко». Например, статья «Половина россиян воспринимают работу Госдумы положительно» содержит сведения, что «наивысшую оценку среди фракций получила партия “Единая Россия”» (см. подробнее: <http://www.4vsar.ru/news/92537.html>). Текст статьи в большей степени отражает грамотно построенное PR-обращение, убедительно создающее необходимый имидж партии и ее представителей. Именно поэтому подобные публикации были отнесены к PR-текстам. Из данных рис. 1 видно соотношение всех материалов и имидживых статей, раскрывающих реализацию проектов партии, благоустройство дворов, общие оценки работы думы и правительства.

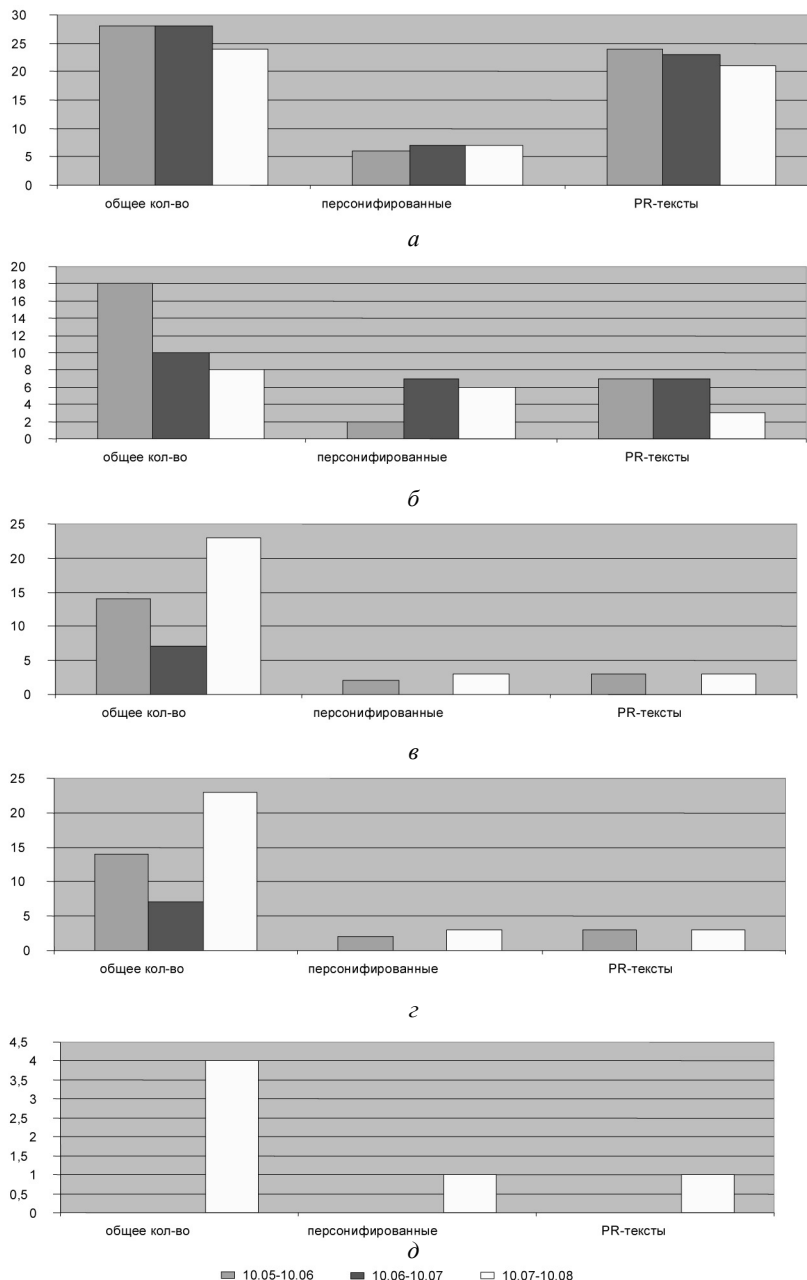

Рис. 1. Анализ материалов медиаресурса «4 власть», посвященных партиям: а – «Единая Россия»; б – «Справедливая Россия»; в – КПРФ; г – ЛДПР; д – «Яблоко»

Из общего контекста выделяются материалы, содержащие обращение обманутых дольщиков к В. В. Володину. В связи с вниманием власти к этой проблеме увеличиваются и упоминания депутатов, занимающихся, реально или мнимо, ее разрешением, а не только посещением детских домов и спортивных мероприятий. В данном издании лидирующее место занимает В. Максимов, представитель партии «Единая Россия» (например, «Василий Максимов: Проблемой обманутых дольщиков будем заниматься до ее окончательного решения» (<http://www.4vsar.ru/news/93194.html>)). Проблема обманутых доль-

щиков появилась не накануне выборов, она обострилась в обращениях граждан к власти как минимум с октября 2016 г. Именно тогда некоторые сетевые ресурсы опубликовали обращение пострадавших к спикеру Госдумы (см. подробнее: «Володин инспектирует пешеходную зону на Волжской» (<http://medialeaks64.com/photogallery/volodin-inspektiruet-peshehodnuyu-zonu-na-volzhsКОЙ#hcq=EGbhKsq>)). Пристальное внимание «4 власти» к проблеме в предвыборный период позволяет предположить, что подобные статьи представляют собой убедительный пример PR-материалов, содержащих некий отчет о

деятельности партийных лидеров и оправдывающих их назначение на должность.

На втором месте по частотности употребления в этом издании находятся «Справедливая Россия» и ее региональный лидер З. Самсонова. Так, например, в публикации от 29 мая 2017 г. представлена новость о проведении в «Тау Галерее» детского шоу «День друзей», где спонсором явилась депутат облдумы З. Самсонова. Подобное использование образов-«якорей» стал уже традиционным признаком PR-материала, что, к

сожалению, лишает текст права отнести его к области политической новостной журналистики.

Для сравнения обратимся к другому изданию – «Медиаликс 64» (рис. 2). Сетевой ресурс характеризует себя как Центр журналистских расследований и специализируется не только на новостной журналистике, но и на разоблачительных материалах. Здесь, как и в предыдущем издании, можем заметить сходную тенденцию интересов. Первое место занимает партия власти, хотя материалы содержат элементы «чер-

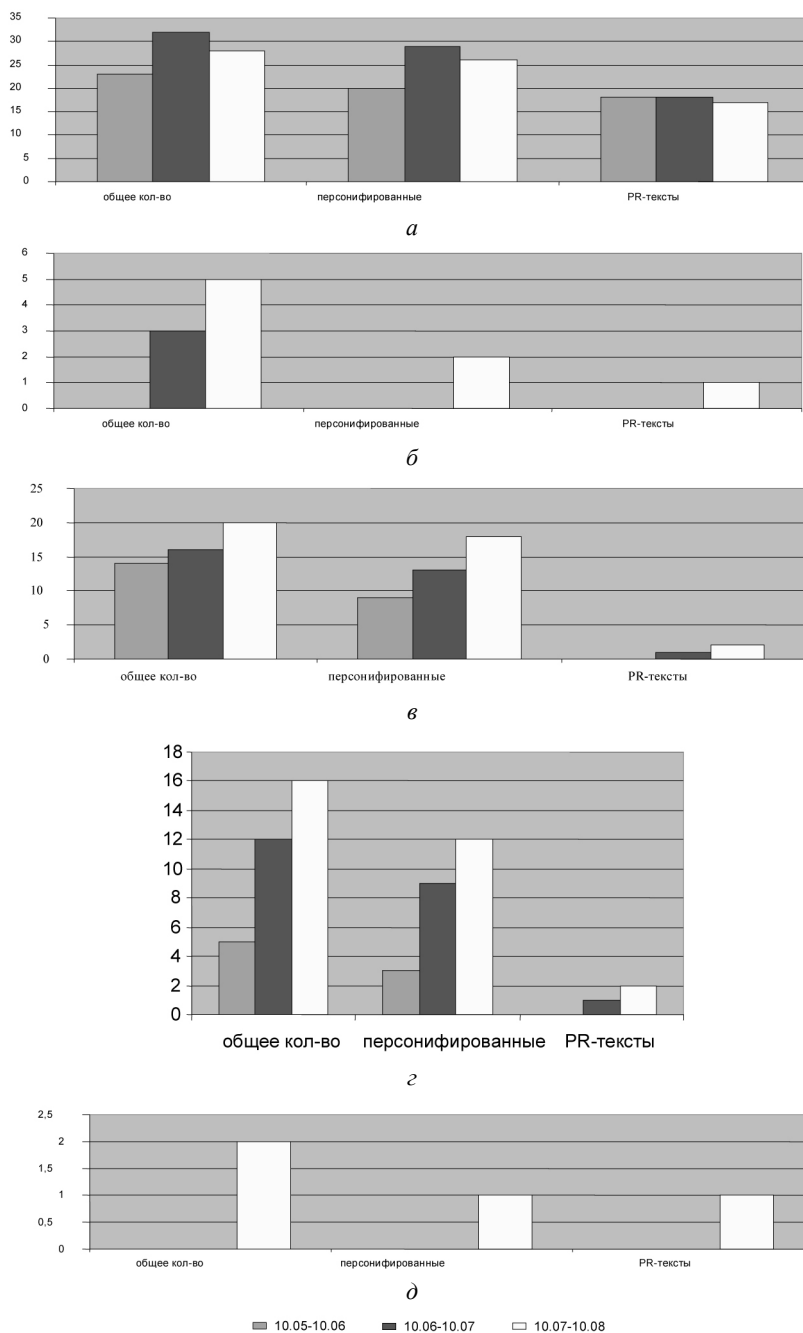

Рис. 2. Анализ материалов медиаресурса «Медиаликс 64», посвященных партиям: а – «Единая Россия»; б – «Справедливая Россия»; в – КПРФ; z – ЛДПР; д – «Яблоко»

ного пиара». Издание активно использует слухи и инсайдерскую информацию (наиболее яркий пример – материалы о родственниках депутатов «Единой России» (см.: <http://medialeaks64.com/news/rodstvennik-dmitriya-hanenko-zaderzhan-podozreniyu-v-narkotorgovle#hcq=XNRyKsq>)).

Интересным, на наш взгляд, видится увеличение количества публикаций о деятельности КПРФ и ЛДПР. Издание подробно раскрывает перипетии прохождения муниципального барьера О. Алимовой на пост губернатора Саратовской области (см. подробнее, например: «Выборы. Алимова ведет переговоры с Володиным и Радаевым» (<http://medialeaks64.com/news/vybory-alimova-vedet-peregovory-s-volodinym-i-radaevym#hcq=i4JBKsq>)). Политическая позиция издания объясняет и наименьшее количество PR-публикаций, направленных на освещение деятельности КПРФ и ЛДПР. Но аутсайдером в рейтинге остается партия «Яблоко», а качество публикаций раскрывается в упоминаниях о финансовых трудностях руководителя регионального отделения партии и об отказе в выборах на пост губернатора.

Анализ двух других информационных ресурсов – «Общественное мнение» и «Взгляд-инфо» – указывает на небезосновательность мнения З. Самсоновой, которая в заметке от 05.05.2017. в ИА «Версия-Саратов», заявляет, что деятельность регионального отделения «Справедливой России» в областной думе «не раскрывается в полном объеме и надлежащем качестве». Как и в предыдущих медиаресурсах, приоритетным остается освещение деятельности партии власти.

Тематикой сетевого издания «Общественное мнение» становится обсуждение проблем дольщиков, хотя количество участников этого обсуждения расширяется. Героями публикаций становятся О. Баталина, Н. Панков, В. Володин, В. Радаев, В. Максимов.

Вторым по количеству публикационной активности становится деятельность КПРФ. Но при этом тексты о деятельности партии персонализированы в деятельность лидера – О. Алимовой. Необходимо отметить и привлечение мнения экспертов в обсуждение политической проблематики. Например, «Эксперт: “Оппозиции созданы «тепличные условия» для участия в выборах”». Регулярно и подробно Д. Олейник и глава медиагруппы «ОМ» А. Колобродов рассматривают и анализируют внутривнутрипартийное состояние партии коммунистов и деятельность О. Алимовой.

Отдельно необходимо указать и на цикл публикаций, затрагивающих судебное разбирательство журналиста С. Вилкова и действующего депутата от партии «Единая Россия» С. Курихина. Но опять же, данный цикл статей как нельзя лучше отражает общепартийные настроения и тенденции «Единой России». Так, в публикации от 25.05.2017. приводится недвусмысленное мнение секретаря генсовета партии С. Неверова накануне проведения праймериз с требовани-

ем расставаться с пережитками криминальных 1990-х гг., о сигналах, что во власть пытаются прорваться «темные личности» 90-х.

Таким образом, журналистская деятельность данного сетевого издания предполагает наличие не только PR-текстов различной направленности, но и претендует на наличие на своих страницах политической журналистики, хотя и в рамках все той же охранительской идеологии (рис. 3).

Как видим из данных рис. 4, проанализировав сайт «Взгляд-инфо», принципиального различия в освещении и подаче материала найти сложно. Тематика, тон и тенденции строятся на общей провластной идеологии. Велика доля и PR-материалов в освещении деятельности партии № 1, остальные материалы обсуждают единственную интригу предвыборной борьбы – прохождение О. Алимовой муниципального фильтра. Запрос о деятельности партии «Яблоко» показал ноль результатов.

Интересным представляется и элемент информационной борьбы с изданием «Общественное мнение». В ответ на обвинения журналиста Вилкова, «Взгляд-инфо» подробно освещает расследование уголовного дела редактора «ОМ» А. Колобродова.

ИА «Версия-Саратов» (рис. 5) содержит наименьшее количество PR-материалов, не существует и фаворитов партийной жизни, а на первое место выходит КПРФ, правда, связано это с обсуждением муниципального фильтра и его прохождения партией. Думается, одной из заслуг этого издания является разделение новостной объективности и едко-иронического пафоса журналистских статей и материалов, носящих жанровые признаки политического памфлета (см., например, публикацию о долгостроях от 11.08.17 (<http://nversia.ru/rubric/view/id/9246>)).

Последним в нашем обзоре региональной политической журналистики хотелось бы отметить материалы ИА «Свободные новости». Архитектура сайта включает в себя не только публикации ИА, но и материалы «Газеты недели в Саратове», что заметно увеличило количество публикаций. Но следует отметить, что погоня за количеством публикаций приводит к вторичности или повтору материалов других изданий (рис. 6).

Либерально-демократическая направленность издания демонстрирует внимательное отношение к партии «Яблоко». Именно оно публикует материалы чаще других. Но, на наш взгляд, именно недостаточно активная политическая деятельность самой партии ограничивает частоту ее появления в прессе. На фоне других информационных ресурсов ИА «Свободные новости» выделяются наличием публикаций в жанре политической журналистики. Но обнаружить нам их удалось в материалах «Газеты недели в Саратове». Именно газетные тексты представляют попытку провести аналитическое осмысление политической жизни региона (например,

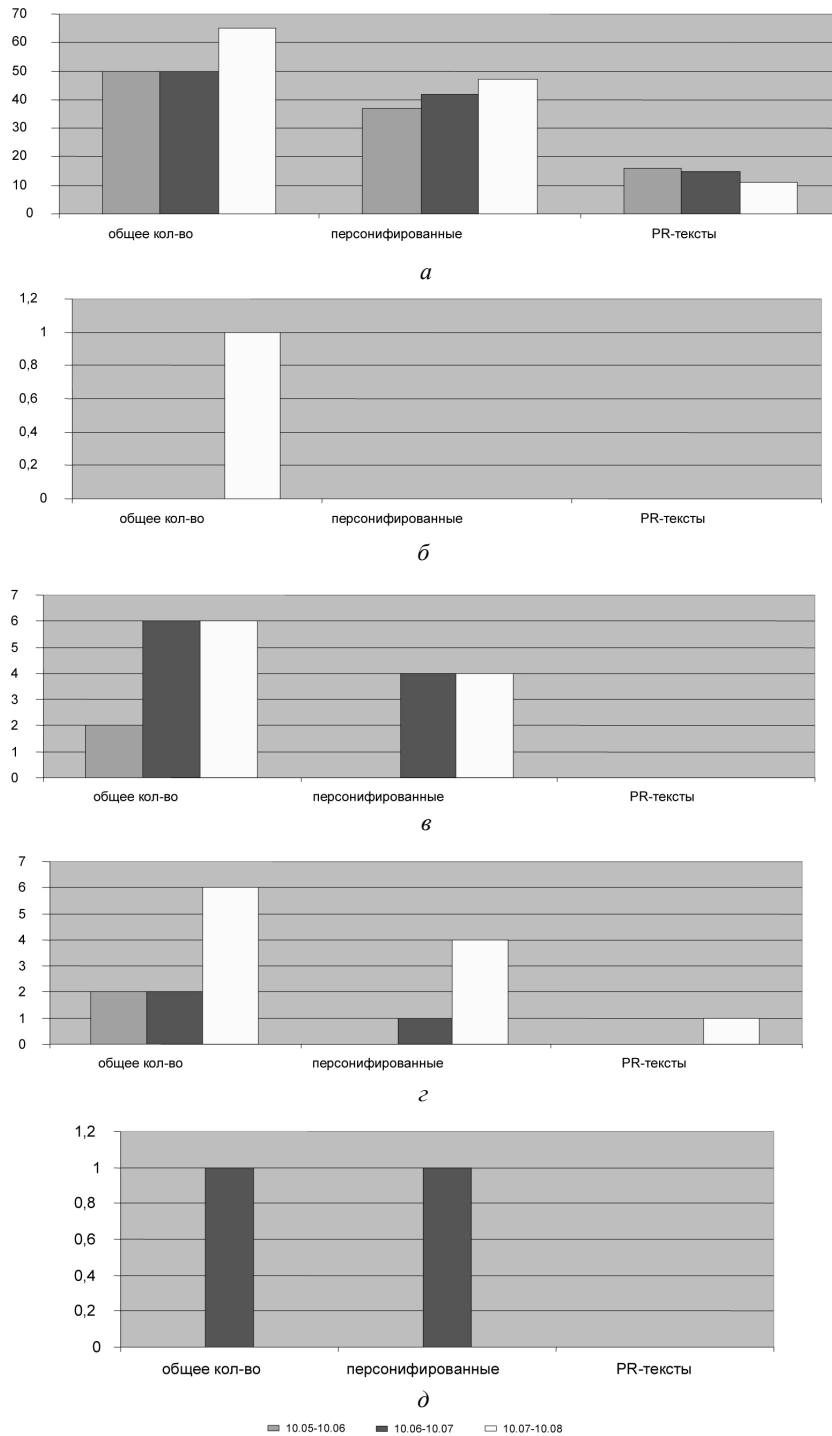

Рис. 3. Анализ материалов медиаресурса «Общественное мнение», посвященных партиям: а – «Единая Россия»; б – «Справедливая Россия»; в – КПРФ; г – ЛДПР; д – «Яблоко»

газетная статья в № 29 «Будет скучно. Но могут случиться сюрпризы» от 08.08.2017 г.). Однако недостаток значимых политических событий в регионе толкает издание на сознательное использование слухов. «Газета недели в Саратове» использует раздел «Беседы с инсайдером», со-

державший политически ангажированные версии происходящих событий в регионе.

Таким образом, мы приходим к ряду выводов. Во-первых, наиболее ощутимо для аудитории, как и для самих работников СМИ, взаимосвязь медиа и политики выражается в освещении

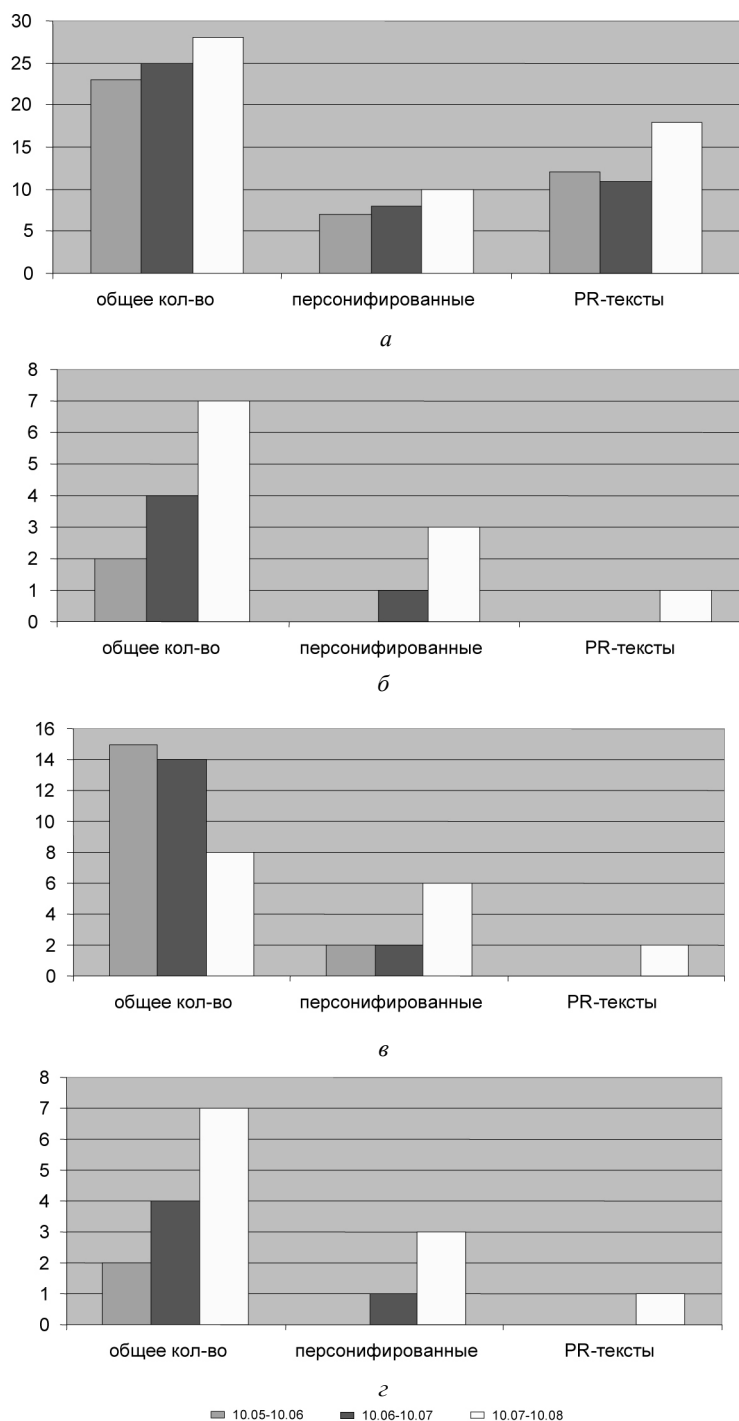

Рис. 4. Анализ материалов медиаресурса «Взгляд-Инфо», посвященных партиям: а – «Единая Россия»; б – «Справедливая Россия»; в – КПРФ; г – ЛДПР

политической ситуации. Область политической журналистики выделяется своей предметной специализацией и своеобразным содержанием. При этом подавляющее большинство саратовских медиаресурсов не столько представляют материалы политической журналистики, сколько демонстрируют определенные политтехноло-

гии со стороны ее учредителей, владельцев или групп влияния.

В настоящее время многие журналисты говорят о кризисе, об отсутствии развития этой области журналистики. Думается, именно состояние современного политического режима определяет и тенденции развития современной политической

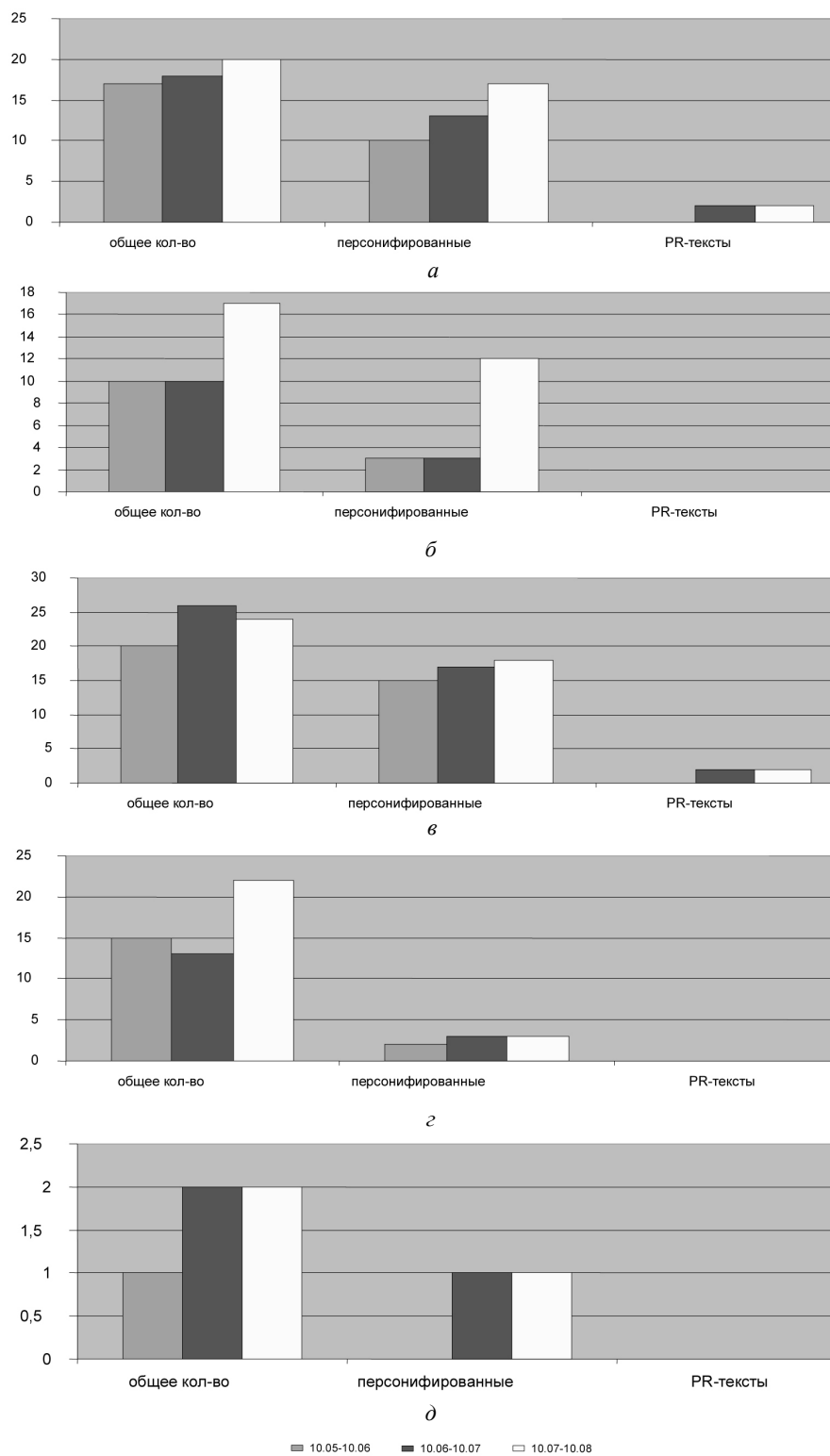

Рис. 5. Анализ материалов медиаресурса «Версия-Саратов», посвященных партиям: *a* – «Единая Россия»; *б* – «Справедливая Россия»; *в* – КПРФ; *г* – ЛДПР; *д* – «Яблоко»

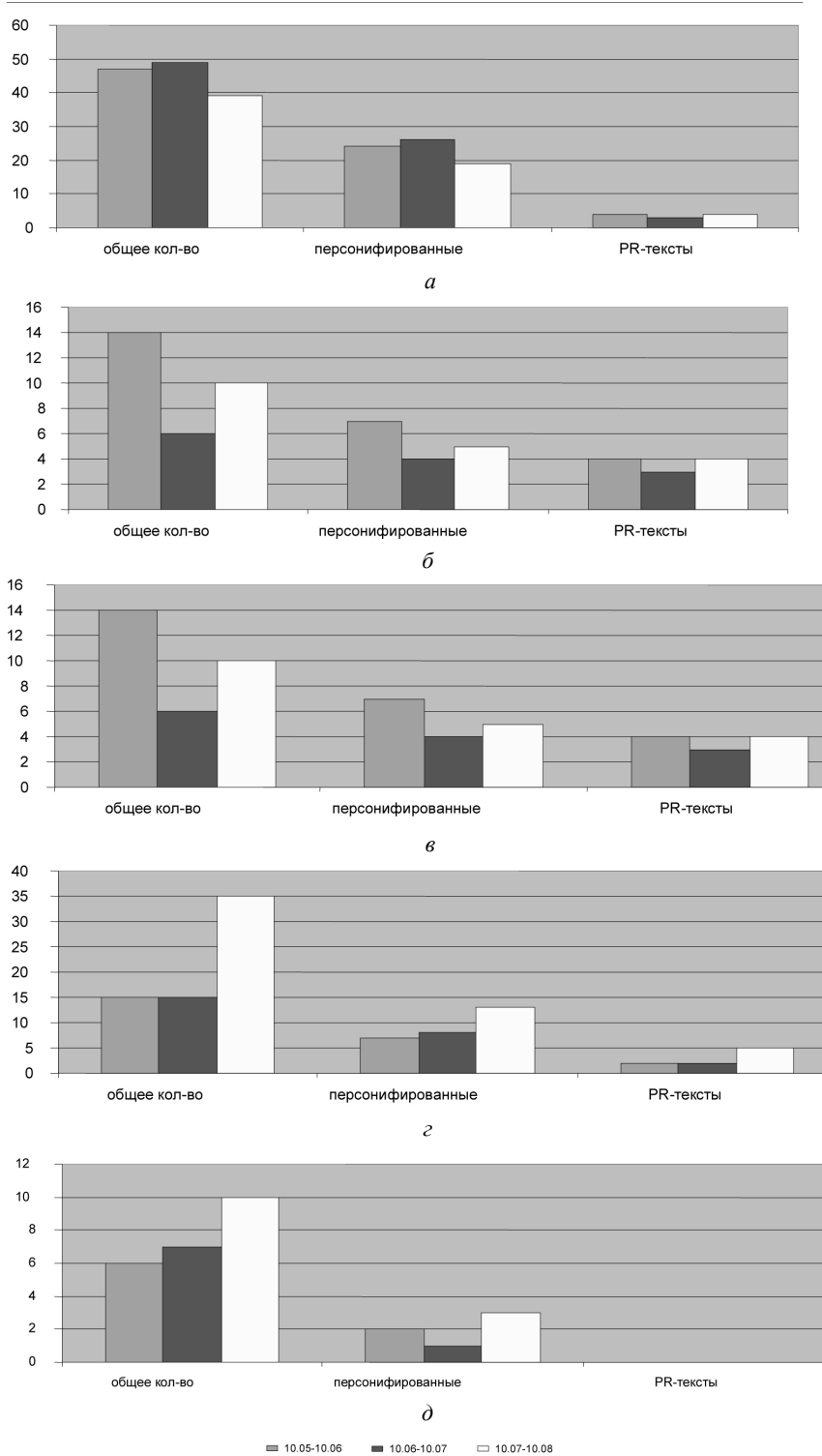

Рис. 6. Анализ материалов медиаресурса «Свободные новости», посвященных партиям: а – «Единая Россия»; б – «Справедливая Россия»; в – КПРФ; г – ЛДПР; д – «Яблоко»

журналистики. Нельзя не согласиться с мнением В. В. Панюшкина, так охарактеризовавшего современную политическую журналистику: «...конечно, в каких-то остаточных, рудиментарных своих формах она есть. Но в нормальном виде ее нет, потому что нет политики»¹¹. На наш взгляд, данная ситуация показательна для саратовского региона, где политика, а вслед за ней и политическая журналистика близится к нулю. Как показал проведенный нами анализ, монополия партии власти значительно сужает деятельность политических журналистов и в конце концов может привести к утрате этого вида журналистики в регионе. Место политической журналистики вытесняют политические PR-материалы.

И в-третьих, хотелось бы подчеркнуть, что подобная качественная подмена приводит к нивелированию не только профессионального журнализма, но и делает невозможным роль посредника в рабочем диалоге общества и власти, мешает развитию гражданского общества. Кроме того, отсутствие абсолютной и относительной объективности в освещении политических событий ограничивает профессиональную деятельность журналиста.

В завершение хотелось бы привести яркий пример максимально возможной объективности, реализованной в статье сайта русской службы ВВС В. Бойко, который сам жил и работал в Саратове¹². В ней представлен аналитический обзор реализации урбанистических проектов спикера Госдумы В. Володина. Журналист использует всем хорошо знакомые аксиомы создания журналистского текста: правило «двух рук», когда представляется точка зрения противоположных сторон, однозначно разграничивает факт и комментарий, а информация не оставляет у читателя сомнений, где представлено чье-то мнение, исключает появление информации, полученной из сомнительного источника. Способ подачи и манера изложения материала оставляет право читателя самостоятельно принять и прокомментировать происходящие вокруг него события.

Примечания

- ¹ *Гатов В.* Журналисты не понимают, что их эпоха прошла. Битву за роль «четвертой власти» ведут не СМИ, а новые партизаны Wikileaks. URL: <http://www.forbes.ru/tehnno-opinion/budushchee/61484-zhurnalisty-ne-ponimayut-cto-ih-epoha-proshla> (дата обращения: 17.07.2017).
- ² *Расходов П.* Ольга Романова: «Мы существуем для пяти процентов населения». URL: <http://www.e-executive.ru/management/practices/1428358-olga-romanova-my-suschestvuem-dlya-pyati-protsentov-naseleniya> (дата обращения: 16.08.2017).
- ³ *Таратута М.* На пепелище прекрасного дома. URL: <http://echo.msk.ru/blog/taratuta/1934774-echo/> (дата обращения: 17.07.2017).
- ⁴ См.: *Блохин И. Н.* Журналистика в мире национальных отношений. СПб., 2008.
- ⁵ *Максимовская М.* Цинизма стало слишком много. URL: https://www.kleo.ru/items/planetarium/marianna_maksimovskaya_tcinizm.shtml (дата обращения: 28.08.2017).
- ⁶ Цит. по: *Олешко В. Ф.* Журналистика как творчество. М., 2003. С. 326.
- ⁷ *Исповедь пропагандиста. Часть I.* Как делают новости на государственном ТВ. URL: http://echo.msk.ru/blog/insider_1/2022138-echo/ (дата обращения: 28.08.2017).
- ⁸ *Дэннис Э., Мэррилл Дж.* Беседы о масс-медиа. М., 1997. С. 219.
- ⁹ *Кучер С., Панюшкин В., Дубнов В.* Политическая журналистика в России умерла? URL: <http://echo.msk.ru/programs/exit/46874/> (дата обращения: 17.07.2017).
- ¹⁰ Светлана Сорокина вернулась. Есть ли надежда вернуть правду на федеральные каналы? // Спецэфир со Сванидзе, Тимченко, Киселевым, Бородиной, Мясниковой и Бахтиным. URL: https://tvrain.ru/teleshov/sorokina/svetlana_sorokina_vernulas_est_li_nadezhda_vernut-386536/ (дата обращения: 23.08.2017).
- ¹¹ *Кучер С., Панюшкин В., Дубнов В.* Указ. соч.
- ¹² См.: *Бойко В.* Володинская деревня: как благоустроят Саратов. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-40933280> (дата обращения: 26.07.2017).

Образец для цитирования:

Россошанский А. В. Политика vs журналистика: политические стандарты региональной журналистики в канун выборов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 467–477. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-467-477.

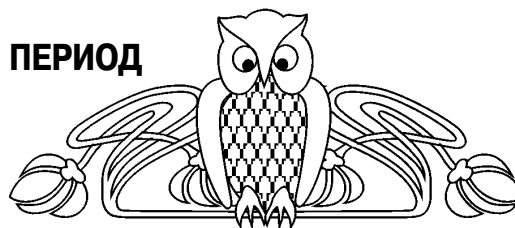
Cite this article as:

Rossoshanskiy A. V. Policy vs. Journalism: the Political Standards of Regional Journalism on the Eve of Elections. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 467–477 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-467-477.

УДК 324

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ТРАНЗИТНЫЙ ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КЫРГЫЗСТАНА (2005–2011)

А. Э. Эсенбаев

Эсенбаев Азис Эркинбекович, кандидат политических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление и политических технологий», Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, Бишкек (Кыргызская Республика), azis-esenbaev@mail.ru

В данной статье автором была предпринята попытка рассмотрения особенности президентских выборов (2005–2011 гг.) в Кыргызстане, также проведен более детальный сравнительный анализ. Трансформационные процессы в политическом развитии Кыргызстана рассматриваются как фактор транзитного периода политической системы и укрепления института выборов в современности. Использован институциональный метод, позволяющий исследовать выборы с позиций института демократии. Основным результатом модернизации политической системы Кыргызстана в постсоветский период стало формирование моноцентрического политического режима с сохранением такого феномена, как неформальные институты традиционного общества. **Ключевые слова:** политическая система, политический процесс, выборы, предвыборная кампания, избирательная система, демократия.

Presidential Elections in Transit Period of Political System of Kyrgyzstan (2005–2011)

A. E. Esenbaev

Azis E. Esenbaev, ORCID 0000-0003-0788-7639, The Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic, 237, Panfilova Str., Bishkek, 720040, Kyrgyz Republic, azis-esenbaev@mail.ru

In this article, the author has attempted to address features of the presidential elections (2005–2011) in Kyrgyzstan, and a more detailed comparative analysis was conducted. Transformation processes in the political development of Kyrgyzstan is seen as a factor of transition period of the political system and strengthening the institution of elections in modern times. We used the institutional method to investigate the election from the standpoint of democratic institutions. The main result of the modernization of the political system of Kyrgyzstan in the post-Soviet period was the formation of monocentric political regime with the preservation of such a phenomenon as informal institutions of traditional society.

Key words: political system, political process, elections, campaign, election system, democracy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-478-485

В президентской или полупрезидентской системе президент может избираться всем взрослым населением страны разными путями. Выборы могут быть как прямыми, когда избиратели сами избирают президента, так и опосредствованными

– через своих представителей или выборщиков, как в США. Два разных метода используются для избрания президента там, где имеются прямые выборы: плюральная формула (или мажоритарная система относительного большинства – ПЛ) и формула мажоритарная (мажоритарная система абсолютного большинства – МЖ).

Избирательная формула, используется для выборов президента при президентализме, прямо связана с тенденцией системы обеспечить президента парламентским большинством или около-большинством. Избирательная формула по формулам президента имеет двойное влияние на парламентскую многопартийность: психологическое – воздействуя на поведение избирателей и политических лидеров, и механическое – там, где президентские и парламентские выборы проводятся одновременно.

МЖ избирательная система поощряет создание фрагментарной партийной системы, которая, в свою очередь, приводит избранного президента к немногочисленному, поддерживающему его парламентскому контингенту. В каждом из трех случаев при МЖ раннофф-системе победитель, бывший на втором месте в первом туре, побеждая во втором туре, сталкивался с мрачной перспективой не только иметь маленький парламентский контингент из-за использования МЖ раннофф-системы (которая в целом обеспечивает президента намного меньшим парламентским контингентом), но иметь его даже меньше, чем по стандартам МЖ раннофф-системы из-за того, что его политическая партия (или его сторонники) была второй (если не ниже) на парламентских выборах¹.

Первый тур МЖ раннофф-системы обычно имеет несколько соответствующих президентских кандидатов. Как результат разрушительной природы МЖ формулы, голоса избирателей в первом туре часто сильно раздроблены между множеством кандидатов. Эта раздробленность может привести (такого нет в плюральной системе) к президентству политических аутсайдеров, чья стратегическая цель – прийти вторыми (но привести ко второму туру) в первом туре и затем выиграть у своего более солидного соперника (который часто тормозится своим отождествлением с какой-либо одной партией или коалицией) в соревновании². Эти кандидаты-«аутсайдеры» по своей аутсайдерской природе имеют политические партии (или сторонников), которые часто неспособны полностью извлечь выгоду из парламентских состязаний следом за успехом своего

президентского кандидата. Эту неудачу Джонс относит к сочетанию некоторых или всех перечисляемых факторов: недостаток крепко установленной партийной связи или организации в некоторых или во всех частях страны (часто кандидаты-«аутсайдеры» в целом действуют неплохо, но не выигрывают много парламентских мест в сельских местностях, где партийная организация более важна); незнание избирателями политической партии как организации и слабое значение или незнание кандидатов в парламент от партий. Таким образом, эти «аутсайдерские» партии часто терпят неудачу в переводе сильной победы президента в первом туре в сопоставимый успех на парламентских состязаниях.

Из 12 президентских выборов, которые проходили в Латинской Америке по МЖ системе, при совпадающих президентских и парламентских выборах в двух кандидаты победили в первом туре; 7 кандидатов, набравших наибольшее число голосов в первом туре, победили во втором туре и 3 победителя были кандидатами, бывшими вторыми в первом туре, – указывает Джонс. В трех последних случаях раннофф-нормы усиливали уже имевшуюся сильную тенденцию МЖ системы обеспечивать президента маленьким парламентским контингентом. Эти «второместные», как их называет Джонс, победители получили до смешного маленькие парламентские контингенты (в среднем 15,33% мест в нижней/единственной палате), оставляя президентов в очень рискованном положении перед парламентом.

Интересно то, что двое из этих президентов (Фуджимори в Перу успешно и Серрано в Гватемале не успешно), столкнувшись с трудностями при проведении законодательства через конгресс, закрыли его – частично из-за своей неспособности управлять, используя демократические механизмы³. Третий случай, с Леоном Фабресом Кордеро в Эквадоре, привел не к штурму президентом парламента, а к тупиковой ситуации и хаосу, служа примером невыполнения резолюций, принятых Конгрессом Эквадора, который потребовал отставки президента⁴.

Мизерные парламентские контингенты Фабреса Кордеро, Серрано и Фуджимори были в основном результатом комбинации двух (Фабрес Кордеро) и трех (Серрано и Фуджимори) факторов, имеющих отношение к трем странам, использующим МЖ раннофф-формулу. В определенной степени из-за использования МЖ раннофф-формулы эти страны имеют высокий уровень многопартийности, что приводит к средним президентско-парламентским контингентам, являющимся меньшими (не достигающими большинства или около-большинства парламентских мест) по сравнению с выборами по ПЛ системе. Например, на трех упоминавшихся выборах, даже если победители первого тура одерживали победу и во втором туре, средний размер их парламентских контингентов в нижней/единствен-

ной палате едва достигал 34,72% мест (для Гватемалы и Перу эта средняя была только 35,18%)⁵.

Таким образом, МЖ система имеет тенденцию косвенно снижать размер президентско-парламентского контингента посредством увеличения уровня многопартийности в стране. Эта проблема МЖ системы усиливается (особенно в раннофф-системе), когда президентские выборы проводятся одновременно с парламентскими. Одновременные выборы в сочетании с использованием мажоритарной системы могут создать комбинацию факторов, которые приводят к жесткому снижению размера президентско-парламентского контингента. Три рассмотренных случая – в Гватемале, Перу и Эквадоре, где эти факторы были скомбинированы, создали трудную ситуацию для их президентов, парламентские контингенты которых были настолько малы, что чрезвычайно осложнили положение в этих странах. В условиях недостатка поддержки парламентами этих стран ответом президентов на тяжелую ситуацию стало возвращение к авторитарному режиму (в Перу и временно в Гватемале). Мнение Джонса однозначно: МЖ раннофф-формула в этих случаях – виновница разрушения демократического правительства в Гватемале и его падения в Перу.

Наиболее часто оспариваемая выгода МЖ раннофф-формулы заключается в том, что она якобы способствует победе наиболее сильного кандидата в президенты, которому доверяет не менее чем абсолютное большинство избирателей. Это как будто обеспечивает надежную легитимацию и гарантирует более сильный мандат президенту⁶. Принято считать, что такая система позволяет избежать избрания президента с опасно низкой поддержкой населения, который, тем не менее, будет считать себя как будто бы имеющим всеобщее большинство. Широкоприводимый пример такого случая – это чилийский президент Сальвадор Альенде, получивший 36,6% в 1973 г.

Результаты исследования Джонса также обнаруживают, что «мажоритарная раннофф-формула делает все, чтобы избрать президента с опасно низким процентом поддержки народа ниже 40%»⁷. К примеру, в Польше из-за использования МЖ раннофф-системы никому не известный Станислав Тыминский стал вторым по количеству набранных голосов (23,1%) после 40,0% Леха Валенсы. Стратегия Тыминского заключалась в том, чтобы стать вторым в первом туре, пройти во второй тур, на котором собрать все голоса избирателей, настроенных против Леха Валенсы. Однако Валенса одержал значительную победу во втором туре. При ПЛ системе, по убеждению Шугарта и Кери, Валенса мог получить намного более сильный мандат в первом и единственном туре⁸.

Таким образом, результаты исследования американских авторов убедительно продемонстрировали, что посылка защитников МЖ раннофф-системы относительно более сильного

мандата избранного президента несостоятельна – МЖ система способствует избранию, наоборот, кандидата с меньшим количеством голосов по сравнению с ПЛ системой, если выборы настоящие.

По утверждению Линца, мандат, полученный на раннофф-выборах (второй тур МЖ системы), и мандат, доставшийся победителю одного единственного тура по ПЛ системе, – не одно и то же. Большинство, полученное победителем на раннофф, не представляет собой объединенную коалицию, партию, группу или гомогенный электорат⁹. Таким образом, степень, до которой МЖ система способствует фрагментации партий в парламенте, делает создание парламентских коалиций более трудным и подмывает способность президента действовать, не обеспечивая достаточной поддержки со стороны законодателей. Последствия такой ситуации могут быть губельными для демократии, как это было показано на примере Перу и Гватемалы.

Используемая в стране избирательная формула для выборов президента оказывает влияние на размер президентско-парламентского контингента в стране двумя путями. Избирательная формула влияет на уровень многопартийности, которая в свою очередь влияет на размер президентско-парламентского контингента. Там, где президентские и парламентские выборы проводятся одновременно, избирательная формула прямо влияет на размер президентско-парламентского контингента, отражая степень фрагментации политических сил президентских выборов. Результаты МЖ президентских выборов – это либо сфабрикованное большинство, либо угроза того, что кандидат, который будет избран президентом, не будет тем, кто был первым в первом туре голосования. Когда это происходит, президент чаще всего остается с парламентским контингентом, который меньше, чем обычно самый крайний по мажоритарной системе с одновременными президентскими и парламентскими выборами.

Преимущества ПЛ системы в противовес МЖ заключаются в количестве президентских кандидатов, участвующих в выборах, а также во времени проведения торга между политическими силами, претендующими на президентское кресло, и в сильном мандате победителя. «Если мы хотим, чтобы президентские выборы дали возможность избирателям определить наиболее вероятные кандидатуры для управления государством и сделать эффективный выбор, то МЖ система является наименее желательной по сравнению с ПЛ правилами», – пишут Шугарт и Кери¹⁰. По их мнению, основной недостаток МЖ формата заключается в том, что его результаты зависят от случайностей первого тура. Основная случайность – это количество кандидатов, поощряемых системой к участию в первом туре, тогда как он не является решающим. Формирование широко поддерживаемого президента с большим

количеством сторонников в парламенте может быть затруднено, если слишком много кандидатов участвуют в выборах¹¹.

Президент Кыргызстана никогда не избирался во втором туре, почему бы не настроить потенциальных кандидатов и, соответственно, поддерживающие их политические силы на окончательный торг уже перед выборами, не оставляя им надежды на второй тур, не фрагментируя, таким образом, политические силы (партии) и общество в целом и не передвигая политический торг на краткосрочный период между первым и вторым турами.

Джонс считает большинство, полученное на раннофф (втором) туре, сфабрикованным¹², поскольку во втором туре избиратели, отдавшие свои предпочтения за кандидатов, не прошедших во второй тур, будут уже голосовать (если вообще пойдут на выборы) либо за наиболее вероятного кандидата, чтобы не потратить свой голос зря, либо за кандидата, который им наименее не симпатичен, т. е. из двух зол выбирают меньшее.

Шугарт и Кери вполне справедливо считают, что для того чтобы избежать выборов кандидата, поддерживаемого меньшинством избирателей, требуемое большинство голосов для первого тура не обязательно должно быть именно 50%, как при МЖ системе. В 1949 г. в Коста-Рике, например, президентские выборы стали требовать 40% голосов в первом туре. Это заграждение было достаточно высоко, чтобы поощрять широкие коалиции в первом туре, как при ПЛ системе, и чтобы противостоять фрагментации при МЖ выборах. С тех пор Коста-Рика имела победителя на всех 11 президентских выборах в первом туре. В 1995 г. Аргентина ввела систему, схожую с костариканской, но с 45% требованием в первом туре. Кандидат побеждает в первом туре, если получает более 45% голосов и если получает 40%, но при этом опережает второго кандидата на 10%¹³.

На наш взгляд, чтобы предупредить возможность победы кандидата, не желательного для большинства избирателей, можно предусмотреть простое на первый взгляд положение: выборы считаются несостоявшимися, если число голосов избирателей, поданных за кандидата, набравшего наибольшее количество голосов по отношению к другим кандидатам, меньше, чем число голосов избирателей, поданных против всех кандидатов.

События, произошедшие в Кыргызстане в марте 2005 г., очень трудно оценить в парадигме классической теории революции. Многие аналитики и ученые считают, что в стране произошел бескровный переворот, закончившийся тривиальной сменой власти. В то же время, несмотря на то, что термин «тюльпановая революция» объективно противоречит сути произошедших событий, некоторые эксперты считают данное понятие приемлемым для их обозначения. Основной аргумент сторонников этой точки

зрения состоит в том, что в результате мартовских событий власть перешла в руки оппонентов существовавшей власти.

Выборы президента были необходимы лично К. Бакиеву и кланам, приведшим его к власти, для легитимизации и укрепления его положения уже не в качестве «исполняющего обязанности», а настоящего, действующего и избранного президента страны¹⁴.

Президентские выборы – 2005

10 июля 2005 г., после мартовских событий, состоялись досрочные президентские выборы. На должность Президента Кыргызской Республики были выдвинуты 22 кандидата. Заявления о согласии и намерении баллотироваться подали 19 человек, затем 5 из них отозвали свои заявления, в том числе Ф. Кулов, создав тем самым политический тандем с К. Бакиевым в случае избрания последнего президентом получить должность премьер-министра страны. Проверку на знание государственного языка прошли 13, а полный комплект документов на регистрацию подали 8 кандидатов. Из этого числа один взял самоотвод, а кандидату У. Барыктабасову ЦИК отказала в регистрации в связи с тем, что в 2003 г. он принял гражданство Казахстана. Таким образом, в избирательный бюллетень были внесены имена шести кандидатов: А. Айткеева, К. Бакиева, К. Душебаева, Ж. Жекшеева, Турсунбая Бакир уулу, Т. Уметалиевой.

В информационных бюллетенях и плакатах, изданных по заказу ЦИК КР, содержалась информация обо всех кандидатах – фотографии, биографии и основные положения предвыборных программ. За плечами каждого кандидата – огромный опыт организационной и хозяйственной деятельности, работа в государственных, правительственных и политических органах, достижения в определенных областях.

Самовыдвиженец Акбаралы Айткеев, президент Союза промышленников и предпринимателей КР, свою программу составил в форме этакой клятвы-обязательства. Каждый из 10 пунктов этого документа начинался жирным словом «Обязуюсь». Возможно, из-за этого его прозвали «кыргызским Путиным».

Интеллигентность и фотогеничность омбудсмена (акыйкатчы) КР Турсунбая Бакир уулу, его биография и политическая программа произвели хорошее впечатление. Кроме того, кандидат-омбудсмен знает все тюркские языки, много европейских, имеет награды за научную и политическую деятельность.

Председатель политической партии «Акыйкат – Справедливость» Кенешбек Душебаев – генерал-майор милиции. У него самая объемная программа, скорее всего, подготовленная писарями из штаба высшей милицейской школы и изобилующая такими выражениями, как: «Осно-

ва внутренней и внешней политики Кыргызстана – воля и интересы народа, представляющие из себя совокупность выраженных законными средствами интересов различных этнических, религиозных и иных групп населения, преобразуемых властными структурами в национальные интересы и государственную политику».

Лидер политической партии «Демократическое движение Кыргызстана» – Жыпар Жекшеев. Его программа проста и доступна: например, все налоговые реформы предполагается проводить по принципу «налоги понемногу, но платят все».

Самовыдвиженка Токтайым Уметалиева – представительница гражданского сектора. У нее самая не загруженная словами программа. В социальный пакет программы успешно поместились гарантии для стариков, детей и людей с ограниченными возможностями.

У Курманбека Бакиева программа расписана по пунктам, и те, кто ее прочитает, вряд ли останутся чем-то недовольны.

Общий бюджет избирательной кампании составил 1 млн долл. США. Бюджет каждого из кандидатов, согласно законодательству, должен был бы публиковаться спустя 20 дней со дня объявления итогов выборов в официальной прессе.

По информации ЦИК, для участия в голосовании граждан КР, находящихся за рубежом, в консульские учреждения было направлено 55 тыс. бюллетеней. При проведении кадровых изменений в составах региональных избирательных комиссий были учтены выводы, сделанные по итогам парламентских выборов 2005 г. В качестве процедур, позволяющих сделать выборный процесс прозрачным, демократичным, ЦИК назвала обязательное на всех избирательных участках информирование о кандидатах в президенты КР. Были отпечатаны плакаты (15 000 экз.), газета (1 000 000 экз.), проекты были осуществлены ЦИК совместно с ПРООН.

Для обеспечения максимальной легитимности выборного процесса на всех участках были установлены прозрачные урны для бюллетеней, все избиратели прошли на участках процедуру маркировки пальцев специальными бесцветными чернилами, увидеть которые можно лишь с помощью ультрафиолетовой лампы. Нововведение, по замыслу организаторов, должно было препятствовать так называемому «двойному голосованию». На избирательных участках применялась самокопирующаяся бумага.

За ходом выборов следило большое количество наблюдателей от кыргызских и международных общественных организаций, журналистов. В ЦИК Кыргызстана получили аккредитацию 947 международных наблюдателей от таких организаций, как СНГ, ОБСЕ, ШОС, Европейская сеть Организации по наблюдению за выборами (ЭНМО), Российский общественный институт избирательного права, Международный фонд избирательных систем, от посольств Малайзии,

Чехии, США, Японии, КНР, Румынии, Турции, Польши, Грузии, а также были аккредитованы 277 зарубежных журналистов – представителей 104 СМИ. Среди них – группа наблюдателей Республиканской партии «Асар», которая побывала в городах Ош и Бишкек. Представители партии «Асар» ознакомились с ходом подготовки к выборам, следили за соблюдением необходимых процедур во время голосования.

Победителю – исполняющему обязанности президента Кыргызстана К. Бакиеву – свои голоса отдали 1 208 174 чел., или 88,82% избирателей.

Второй показатель – 50 687 чел. (3,73%) – у омбудсмена Т. Бакир уулу.

На третьей позиции с 49 444 голосами (3,63%) – президент Союза промышленников и предпринимателей республики А. Айтикеев.

Меньше 1% набрали: лидер партии «Демократическое движение Кыргызстана» Ж. Жекшеев – 13 428 голосов (0,99%), председатель правления Ассоциации неправительственных организаций Т. Уметалиева – 7 809 (0,57%), бывший глава МВД К. Душебаев – 7 191 (0,53%). «Против всех» проголосовали 12 149, или 0,89%, избирателей (www.shailoo.gov.kg).

Таким образом, завершалось время нестабильности, начавшееся с мартовских событий, когда страну покидал президент Кыргызстана А. Акаев. Эксперты полагают, что избранному президенту необходимо будет нейтрализовать соперников, установив авторитарный режим, иначе республику ждет череда конфликтов разной степени остроты. Среди проблем можно назвать отсутствие официально озвученной экономической программы, продолжающуюся «охоту на ведьм», т. е. на людей, так или иначе связанных с экс-президентом А. Акаевым.

Прогнозы, как известно, дело благодарное, но вполне возможно, что в случае принятия срочных и адекватных мер по решению экономических проблем, ликвидации дисбаланса между развитием политических и экономических институтов, по созданию условий для возникновения и развития класса средних и мелких собственников и ведению грамотной кадровой политики спокойствие, сопровождавшее проведение выборов 10 июля, в действительности могло бы оказаться предвестником других, более драматичных, чем мартовские, событий.

Президентские выборы – 2009

После определения срока президентских выборов Конституционным судом до 25 октября и окончательным подтверждением Жогорку Кенеша выборы проводились 23 июля 2009 г. На пост президента претендовали 18 человек, а к финальной части дошли шесть кандидатов: баллотировавшийся на второй срок К. Бакиев, единый кандидат от оппозиции, лидер социал-демократической партии А. Атамбаев, лидер партии «Ак-Шумкар»

Т. Сариев, глава Ассоциации НПО и НКО Т. Уметалиева, лидер движения «Жоомарт» Н. Мотуев и известный врач-нарколог Ж. Назаралиев.

По Конституции, принятой после так называемой «тюльпановой революции» в марте 2005 г., очередные выборы должны были состояться в 2010 г., но К. Бакиев стал президентом в период действия старой Конституции, согласно которой выборы должны были состояться в октябре 2009 г. Социал-демократы, заострив внимание на этом несоответствии, инициировали проведение досрочных выборов. Парламент решил передать право вынесения вердикта Конституционному суду, который, ссылаясь на новый и старый Основной закон, определил, что выборы должны состояться до 25 октября 2009 г., а парламентом поставлена точная дата – 23 июля. Это решение они объяснили тем, что необходимо учесть возможность проведения второго тура, что заняло бы минимум два месяца. К тому же могло понадобиться время на судебные процессы в случае обжалования результатов и вынесение решения. 23 июля приходилось на рабочий день, что не устраивало социал-демократов, планировавших проведение выборов осенью, когда, по их мнению, недовольного властью электората должно было стать больше. К. Бакиев располагал административным ресурсом, имел возможность манипулировать избирателями, находящимися на государственной службе и зависящими от него (врачи, учителя, чиновники, студенты), отпустить их на выборы могло только начальство, которое так и сделало. «Государственные» избиратели, конечно же, проголосовали за Бакиева, а в «частном секторе» не всегда давали разрешение отлучиться с рабочего места. В этом аспекте расчеты социал-демократов и оппозиции не оправдались, а Бакиев и его команда уверенно шли к победе. Этому способствовал ряд важных факторов: административный ресурс, наличие финансов, внутривластная обстановка и экономическая ситуация. Другие кандидаты не смогли или не захотели использовать имеющиеся у них возможности.

По мнению исследователя Э. Кабулова, предвыборная кампания А. Атамбаева, главного (после Бакиева) претендента на пост президента, была скучной и неинтересной, впрочем, как и у других кандидатов. Мини-сенсации в связи с отравлением кандидата или наведением порчи не произвели сильного впечатления на СМИ и не повысили интереса общества к личности А. Атамбаева. Журналисты и эксперты ожидали бурной избирательной кампании, но ярких событий не произошло¹⁵. Даже кандидат Н. Мотуев, всегда выступавший главным действующим лицом скандальных происшествий и автором резких высказываний, оказался не столь активен, как обычно. Вся его избирательная кампания строилась на выступлениях по телевидению согласно Кодексу о выборах, а дополнительный эфир он не оплачивал. Еще до объявления даты

голосования он заявил, что не станет бороться за кресло президента, а поддержит К. Бакиева. Его соратник и бывший омбудсмен Т. Бакируулу объявил о своем желании баллотироваться в президенты, но вскоре отказался от этого, так как получил от властей предложение отправиться послом в одну из зарубежных стран. Одновременно Н. Мотуев резко передумал и объявил о своих претензиях на президентский пост. Видимо, он рассчитывал, что и ему предложат выгодный пост в правительстве либо должность посла в престижной стране. Предвыборная кампания кандидата Т. Сариева также была проведена на общем фоне и особо не отличилась от кампаний других кандидатов. Сариев редко выступал, иногда представители СМИ даже не могли его разыскать, так как он почти не приглашал их на свои встречи с избирателями. Избирательная кампания кандидата Ж. Назаралиева была самой странной и эпатажной: он отказался от встреч с избирателями, предпочитая общаться с ними в Интернете, а в своей предвыборной программе заявил, что готов превратить страну в крупнейшего легального производителя опиума. Если говорить о кандидате Т. Уметалиевой, то ее кампания была самой пассивной. Она почти до самых выборов не встречалась с избирателями, не делала громких заявлений, не вступала в перепалки с соперниками, не критиковала президента, никто не видел ее агитационных листовок и плакатов. Правда, она как-то появилась в телеэфире, но на этом все и закончилась. Если говорить о кандидатах и их предвыборных агитационных кампаниях в целом, то и журналисты, и аналитики, и избиратели называли их самыми бесцветными за всю историю независимого Кыргызстана.

Предвыборные кампании кандидатов в президенты почти не отличались одна от другой. Кандидат Ж. Назаралиев, как было уже отмечено, шокировал большинство избирателей, предложив сделать Кыргызстан легальным производителем опиума. По большому счету, и четких программ выдвинуто не было, дело ограничилось критикой действовавшей власти и туманными обещаниями светлого будущего: проведение экономических реформ, создание дополнительных рабочих мест, повышение зарплат, снижение цен, соблюдение прав человека, бесплатная медицина и среднее образование и т. п. А. Атамбаев, кандидат от объединенной оппозиции, имел больше шансов, чем его конкуренты, оппозиция попыталась в целом больше воспользоваться просчетами и ошибками, которые властями допускались. Однако отсутствие сплоченности в команде оппозиции и вялая предвыборная кампания, а также препятствие «административной машины» власти обеспечила А. Атамбаеву лишь чуть более 8% голосов, хотя по данным экспертов, он получил намного больше голосов, чем было официально озвучено.

27 июля ЦИК направил в Конституционный суд страны документы о результатах выборов, и

они были признаны легитимными. В голосовании приняли участие 79,1% избирателей (2 млн 329 тыс. 115 чел.). К. Бакиев получил 76,12% голосов, второе место занял единственный кандидат от оппозиции, лидер социал-демократической партии А. Атамбаев – он набрал 8,41%, лидер партии «Ак-Шумкар» Т. Сариев получил 6,74%, заняв третье место. Единственная женщина-кандидат, глава Ассоциации НПО и НКО Т. Уметалиева неожиданно заняла почетное четвертое место с 1,14% голосов, лидер движения «Жоомарт», бывший «угольный король» Н. Мотуев не набрал даже 1,0% (0,93%). Последним оказался врач Ж. Назаралиев – всего 0,83% голосов избирателей. Довольно много оказалось проголосовавших «против всех» – 4,66%¹⁶.

Ожидалось, что Бакиев и его окружение попытаются закрепить успех. Скорее всего, начнется постепенное наступление на гражданский сектор, правозащитные неправительственные организации и неподконтрольные государству СМИ. Усиление авторитарных тенденций будет преподноситься населению как необходимое условие выживания в условиях мирового кризиса и политической нестабильности и одновременно начнется наступление на оппозицию. К санкциям, которые применялись против ее лидеров (аресты, изгнание из страны), ожидался и разгон социал-демократической партии или ее постепенное превращение в «карманную». В итоге все получилось совсем по-другому, даже сам К. Бакиев не успел осознать, каким образом оказался за пределами страны, точно так же, как он и пришел в свое время к власти.

Президентские выборы – 2011

30 октября 2011 г. состоялись выборы Президента КР в стране, которые и явились завершающим этапом легитимизации политической власти после событий 7 апреля 2010 г. и новой возможностью проэкзаменовать стремления политической элиты по демократизации политической системы. Рассматривая данный процесс выборов Президента КР, можно также выявить основные желания электората, поддержавшего того или иного претендента на пост главы государства. В частности, намерения по изменению или сохранению парламентской формы правления со стороны лидировавших в предвыборной кампании кандидатов. С этой целью можно выделить фаворитов предвыборной гонки: лидера партии СДПК Алмазбека Атамбаева, лидера партии «Бутун Кыргызстан» Адахана Мадумарова и лидера партии «Ата-Журт» Камчыбека Ташиева, которые в совокупности получили свыше 90% голосов избирателей, участвовавших в выборах Президента КР¹⁷, хотя количество первоначально зарегистрированных кандидатов перевалило за 80. Вместе с тем следует обратить внимание на программы некоторых кандидатов на пост

президента. Анализируя предвыборную кампанию К. Ташиева, можно заметить, что в его политической программе «7 шагов» отчетливо просматриваются желание и намерения изменить действующую Конституцию КР. Так, в данной программе говорится, что «как показывает практика, данная Конституция тоже не является идеальной. Реалии сегодняшнего времени обрисовали ряд неточностей и неопределенностей в самом Основном законе».

В связи с этим в программе предполагается необходимость расширения некоторых функций президента, в частности, законодательная инициатива, право освобождения от занимаемой должности руководителей государственных органов, а также избрание Президента КР на два срока.

Анализируя взгляды А. Мадумарова, нетрудно выявить его негативное отношение к действующей Конституции КР 2010 года. Являясь одной из главных оппозиционных сил по отношению к сегодняшней элите, политическая партия А. Мадумарова «Бутун Кыргызстан» дважды не смогла преодолеть общереспубликанский барьер и не вошла в состав V и VI созывов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики.

Данная ситуация значительно усилила волну критики в адрес правящей политической элиты и парламентской формы правления, продвигаемой после событий 2010 г. Выдвинув свою кандидатуру на пост главы государства, А. Мадумаров построил предвыборную кампанию на необходимости стабилизации политической ситуации и консолидации государственной власти. Высказывая свои предпочтения относительно формы государственного правления, он привел в качестве примера Конституцию КР 1993 года и отметил, что «сегодня мы должны начать все с чистого листа и вернуться к Конституции 93-го г. с некоторыми поправками. И внести изменения в основной документ не революционным, а эволюционным путем, как это делают во всем цивилизованном мире»¹⁸.

В связи с этим можно прийти к выводу, что лидер партии «Бутун Кыргызстан», утверждая необходимость консолидации власти и возвращения к Конституции КР 1993 года, выступает за смешанную форму правления с более широкими президентскими полномочиями. Как было сказано выше, форму правления, регламентированную Конституцией 1993 года, в силу распределения полномочий между парламентом и президентом трудно четко охарактеризовать как полупарламентскую или же полупрезидентскую¹⁹.

В предвыборной программе кандидата А. Атамбаева предусмотрено следующее. Конституция КР предполагает, что президент будет исполнять координирующие функции в вопросах формирования новой культуры взаимоотношений между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. В соответствии с Основным законом глава государства олицетворяет единство

народа и государственной власти. Президент не должен вмешиваться в текущую работу Жогорку Кенеша, правительства и судов, но может задавать идеологию преобразований в политической системе Кыргызстана. Сильный президент опирается в своей работе на единомышленников в Жогорку Кенеше. Понимание необходимости такого взаимодействия демонстрируют сегодня большинство депутатов. Президент является ключевой фигурой во внешней политике страны, а также в решении широкого спектра задач обеспечения национальной безопасности и укрепления обороноспособности Кыргызстана.

Из предвыборной программы очевидно, что А. Атамбаев в своих политических целях намеревался сохранить основы полупарламентского правления, выделяя важность невмешательства президента в полномочия парламента и продвижение своих интересов легитимным путем – посредством парламентариев. Тем не менее, прослеживается стремление А. Атамбаева усилить роль Президента КР как идеологического координатора (направляющего) в политическом развитии и его желание расширить область прямых полномочий, став также «ключевой фигурой во внешней политике страны».

Отмечая намерения других кандидатов в Президенты КР, таких как Марат Иманкулов, Анарбек Калматов, Кубатбек Байболов, в отношении изменения существующей формы правления и расширения полномочий президента, можно сказать о преобладающем желании усилить эффективность государственного управления, рассматривая роль президента как «символа» государства и «арбитра» в политическом процессе. Тем не менее, поддержка электората Кыргызстана, оказанная всем остальным кандидатурам в сумме менее 10%, показывает, что их мнения не имеют достаточной поддержки электората.

Несмотря на это, А. Атамбаев выиграл в первом туре, получив 63,24% голосов избирателей и без особых общественных волнений после выборов. Главные его оппоненты – лидер политической партии «Бутун Кыргызстан» А. Мадумаров и лидер политической партии «Ата-Журт» К. Ташиев – получили соответственно 14,77 и 14,32% голосов избирателей (www.shailoo.gov.kg).

Таким образом, избирательные устройства по выборам президента в Кыргызстане способствуют выдвижению большого количества претендентов на этот пост:

- на выборах 1995 г. – 8 кандидатов, 3 из них были зарегистрированы;
- в 2000 г. – 19 кандидатов, 6 зарегистрированы;
- в 2005 г. – 22 кандидата, 6 зарегистрированы;
- в 2009 г. – 18 кандидатов, 6 зарегистрированы;
- в 2011 г. – 85 кандидатов, 19 зарегистрированы.

Но, оказывается, даже президентские выборы в нашей системе проходят в свете борьбы между президентом и парламентом. Об этом в свое время писал бывший президент А. Акаев: «Вновь высокого накала достигло противостояние с парламентом. Потерпев поражение в 1993 году вокруг “золотого вопроса”, а затем после январского 1994 года всенародного референдума в вопросе легитимности президента, Жогорку Кенеш, видимо, решил переместиться на новое поле битвы. Была поставлена цель – взять реванш в ходе борьбы за президентский пост»²⁰.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В значительной степени успех или поражение кандидата или политических партий зависят не от классических западных или иных методов ведения избирательной борьбы, а от его включения в существующие родоплеменные связи.

В Кыргызстане, даже по сравнению с другими соседними странами, родоплеменное деление развито чрезвычайно сильно, и именно этот фактор будет ключевым при определении шансов на победу (его активно использовали как кандидаты от власти, так и оппозиционеры). Другим важным фактором являются использование «административного ресурса» действующей власти, а также финансовые возможности участников избирательной гонки (для ведения избирательной кампании в Кыргызстане, особенно в сельской местности, требуются небольшие деньги, которые кандидату придется потратить, чтобы завоевать расположение избирателя, поэтому подкуп избирателей во всех выборах приобрел массовый характер).

Примечания

- ¹ См.: Jones M. P. Electoral Laws and the Survival of Presidential Democracies. Notre Dame, IN : University of Notre Dame Press, 1995. P. 96.
- ² См.: Shugart M. S., Carey J. M. Presidents and Assemblies.

Constitutional design and electoral dynamics. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 206–225.

- ³ См.: Millett R. L. Is Latin American Democracy Sustainable? // North-South Issues : Democratization. 1993. Vol. 11, № 3. P. 1–6.
- ⁴ См.: Schodt D. W. Ecuador // Latin America and Caribbean Contemporary Record / ed. A. F. Lowenthal. Vol. 6. N. Y. : Holmes & Meier, 1989.
- ⁵ См.: Jones M. P. Op. cit. P. 96.
- ⁶ См.: Light P. C. The President's Agenda : Domestic Policy Choice from Kennedy to Carter (with notes on Ronald Regan). Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1982.
- ⁷ Linz J. J. Presidential or Parliamentary Democracy : Does it Make a Difference? // Linz J. J., Valenzuela A. (eds.) The Failure of Presidential Democracy. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1994. P. 96.
- ⁸ См.: Shugart M. S., Carey J. M. Op. cit. P. 207–211.
- ⁹ См.: Jones M. P. Op. cit. P. 96.
- ¹⁰ Shugart M. S., Carey J. M. Op. cit. P. 206.
- ¹¹ Idem. P. 213–219.
- ¹² См.: Jones M. P. Op. cit. P. 96.
- ¹³ См.: Carey J. M. Institutional Design and Party Systems // Consolidating the Third Wave Democracies : Themes and Perspectives / eds. L. Diamond, M. F. Plattner, Yun-han Chu, and Hung-mao Tien. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1997. P. 73.
- ¹⁴ См.: Иманалиев М. Развитие политической ситуации в Кыргызстане после 24 марта 2005 года // Институт общественной политики. 2006. URL: www.ipp.kg (дата обращения: 25.07.2006).
- ¹⁵ См.: Кабулов Э. К итогам президентских выборов в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4–5 (64–65). С. 210–217.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики : [сайт]. URL: www.shailoo.gov.kg (дата обращения: 17.11.2011).
- ¹⁸ Общественный рейтинг. 2011. 7 июля. С. 3–4.
- ¹⁹ См.: Чотаев З. Парламентская форма правления в Кыргызстане. Бишкек, 2012.
- ²⁰ Акаев А. Памятное десятилетие. Бишкек : Учкун, 2001. С. 79.

Образец для цитирования:

Эсенбаев А. Э. Президентские выборы в транзитный период политической системы Кыргызстана (2005–2011) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 478–485. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-478-485.

Cite this article as:

Esenbaev A. E. Presidential Elections in Transit Period of Political System of Kyrgyzstan (2005–2011). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 478–485 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-478-485.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 321.6

УНИОНИЗМ В МОЛДОВЕ: СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. Л. Тютюнников

Тютюнников Артем Леонидович, аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mcboy88@mail.ru

В статье анализируется специфика и выявляются основные причины роста популярности унионизма. Определяется уровень поддержки молдавским населением румынского вектора. Также автор пытается оценить перспективы развития унионизма в современной Молдове.

Ключевые слова: унионизм, Бессарабия, Молдова, Румыния.

Unionism in Moldova: Specificity and Prospects

A. L. Tiutiunnikov

Artem L. Tiutiunnikov, ORCID 0000-0001-5301-2484, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, mcboy88@mail.ru

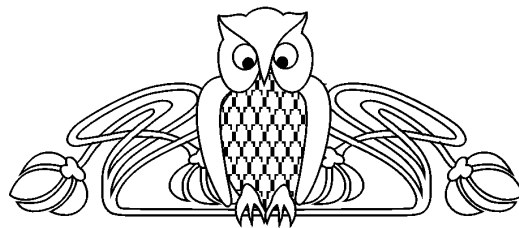
The author analyzes the specificity and the major reasons for the growing popularity of Romanian unionism in this article. Level of support for Romanian vector among Moldavians is defined. Also the author tries to estimate the prospects of unionism development in modern Moldova.

Key words: unionism, Bessarabia, Moldova, Romania.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-486-488

Ухудшающаяся с каждым годом политическая и экономическая ситуация в Молдове, обусловленная неспособностью действующей власти противостоять возникающим вызовам, и затянувшийся на долгие годы процесс евроинтеграции приводят к активизации в политической жизни Молдовы сторонников унионизма – идейно-политического течения, целью которого является объединение Республики Молдовы и Румынии. Цель настоящей публикации – исследовать специфику этого явления и оценить перспективы его развития в современной Молдове.

Чтобы понять истинный смысл и содержание унионизма, необходимо обратиться к истории. В 1812 г. в соответствии с Бухарестским мирным договором, ознаменовавшим конец Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Османская империя уступила России восточную часть Молдавского княжества – территорию между Прутом и Днестром, позднее названную Бессарабией. В 1859 г. в результате слияния двух вассальных Турции дунайских княжеств было образовано Объеди-

ненное княжество Валахии и Молдовы. Это государственное образование спустя 22 года получило статус независимого королевства Румыния. На фоне распада Российской империи в Бессарабии в 1917 г. был сформирован временный парламент Сфатул Цэрий (Совет Страны), который провозгласил создание Молдавской Демократической Республики, а в марте 1918 г. поддержал вхождение МДР в состав Румынии. В 1940 г. согласно Секретному дополнительному протоколу к Договору о ненападении между Германией и СССР Бессарабия была включена в состав Советского Союза. Вслед за этим на большей ее части образована Молдавская ССР, а спустя время к ней присоединили территорию Приднестровья.

Унионизм базируется на идее этнической, языковой и культурной общности народов Молдовы и Румынии. Неслучайно события 1812 г. интерпретируются идеологами унионизма как насильственное отторжение Бессарабии от румынского пространства. Находясь в составе Российской империи, она смогла сохранить свое национальное самосознание, что предопределило ее объединение с Румынией в 1918 г. Правда, унионисты не учитывают того факта, что румынское национальное государство возникло только в 1881 г. Следовательно, Бессарабия не может считаться его составной частью¹.

27 марта 1918 г. адепты унионизма считают днем восстановления исторической справедливости, когда спустя более 100 лет Бессарабия вернулась в лоно «матери-Румынии»². Однако так называемому «объединению» предшествовал ввод в МДР румынской армии. А голосование членов Сфатул Цэрий было всего лишь формальностью, призванной завуалировать факт аннексии³.

Присоединение к СССР Бессарабии в июне 1940 г. приверженцы румынского энозиса считают началом советской оккупации⁴, завершившейся принятием Декларации о независимости в 1991 г.

В связи с распадом Советского Союза в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Молдавии развернулось движение за национальное освобождение, движущей силой которого являлся Народный фронт (НФ), открыто выступавший за объединение с Румынией. Реформаторы приняли ряд законодательных инициатив в области языковой политики, в соответствии с которыми единственным официальным языком в МССР

был признан молдавский, переведенный на латиницу. Особое внимание унионисты уделяли государственной символике. Так, при разработке официального флага республики за основу был взят румынский триколор, а молдавским гимном на несколько лет стал национальный гимн Румынии⁵, впоследствии замененный молдавской композицией «Наш язык». В середине 1990-х гг. влияние унионистов в политической жизни Молдовы заметно ослабло. В пользу этого свидетельствует уверенная победа на парламентских выборах 1994 г. Аграрно-демократической партии, получившей 56 мандатов, в то время как приемник НФ избирательный блок «Альянс христианско-демократического народного фронта» довольствовался лишь девятью⁶.

Новый этап активизации унионистского движения был связан с интеграцией Румынии в ЕС в 2007 г. Незадолго до этого румынский президент Траян Бэеску предлагал руководству Молдовы войти в Евросоюз посредством объединения с Румынией, но молдавская сторона эту идею не поддержала⁷. Между тем на фоне успеха официального Бухареста унионизм подвергся определенной трансформации. Если раньше акцент делался, главным образом, на идеологической и геополитической составляющей, то теперь объединение с Румынией стремятся представить как некую возможность для Молдовы стать частью процветающего европейского мира. И это приносит свои плоды. В 2007 г. на выборах столичного мэра победил Дорин Киртоакэ, кандидат от унионистской Либеральной партии (ЛП)⁸. А спустя два года ЛП вошла в состав правящего Альянса за европейскую интеграцию⁹.

Кагастрофическое падение уровня жизни в стране, чрезвычайно высокие показатели коррупции, невыполнение данных властью обещаний побуждают разочарованных молдавских граждан обратить взор в сторону «унире». Свидетельством этого могут служить результаты независимого социологического исследования, проведенного автором публикации. В июльском опросе приняли участие 1064 человека из 82 населенных пунктов Молдовы.

Как видно из данных табл. 1, в пользу объединения с Румынией высказалось более 31% респондентов. Наибольшей поддержкой идея унионизма пользуется среди жителей Кишинева и центральных районов республики. Этнический состав данной группы представлен следующим образом: румыны (182), молдаване (135), русские (6), украинцы (6), гагаузы (3), болгары (2). При этом более половины из них (59,1%) имеют высшее образование. Еще 13,5% респондентов с большей вероятностью поддержат прорумынский вектор. Против «унире» выступают свыше 45% опрошенных. Еще около 9% скорее не поддержат объединение. Примечательно, что по сравнению с 2006 г. число сторонников молдавско-румынского союза выросло более чем вдвое¹⁰.

Таблица 1

Готовы ли Вы поддержать объединение Молдовы и Румынии?

Варианты ответов	Кол-во респондентов	Доля, %
Да, готов(а)	335	31,48
Скорее да, чем нет	144	13,53
Скорее нет, чем да	95	8,93
Нет, не готов(а)	487	45,77
Неопределившиеся	3	0,28

Оценивая перспективы развития унионизма в современной Молдове, целесообразно проанализировать политические симпатии и предпочтения его приверженцев. Так, большая часть унионистов (48,8%) готова проголосовать за партию «Действие и солидарность». Еще 18,56% симпатизируют партии «Достоинство и правда». Прорумынские политформирования, как ни странно, получают весьма скромную поддержку: Либеральная партия – 8,08%, Партия национального единства – 5,99%, Национал-либеральная партия – 0,6%. Принимая во внимание данные табл. 2, можно отметить, что респонденты в большей степени симпатизируют оппозиционным силам, не являющимся унионистскими.

Таблица 2

Какую из молдавских политических партий Вы бы поддержали, если бы завтра состоялись парламентские выборы?

Партия	Кол-во респондентов	Доля, %
Действие и солидарность	163	48,8
Достоинство и правда	62	18,56
Либеральная партия	27	8,08
Партия национального единства	20	5,99
Европейская народная партия	15	4,49
Либерал-демократическая партия Молдовы	10	2,99
Демократическая партия Молдовы	7	2,1
Наша партия	4	1,2
Народное движение Антимafia	4	1,2
Партия социалистов Республики Молдова	2	0,6
Национал-либеральная партия Молдовы	2	0,6
Никакая	13	3,89

Аналогичная ситуация наблюдается и при выборе наиболее достойного кандидата на должность президента страны. Румынисты (Дорин Киртоакэ, Анна Гуцу, Анатолий Шалару, Михай Гимпу) проигрывают лидеру внепарламентской оппозиции Майе Санду (табл. 3).

Чем можно объяснить столь низкий уровень поддержки унионистских партий и кандидатов? На наш взгляд, это связано с тем, что сегодня в стране нет признанного лидера, способного сплю-

тить вокруг себя прорумынский сегмент молдавского электората. Люди попросту не верят, что эти политические субъекты могут реализовать данный интеграционный проект. Кроме прочего, унионистские политические силы на данном этапе не готовы выступить единым фронтом, а в некоторых случаях даже конкурируют друг с другом. Ярким примером этого служит конфронтация между руководством Либеральной партии и Партии национального единства¹¹. Пользуясь разобщенностью унионистов, лидеры проевропейской внепарламентской оппозиции в лице Майи Санду¹² и Андрея Нэстасе¹³ стремятся перетянуть на свою сторону их электорат.

Таблица 3

Как Вы считаете, кто из молдавских политиков наиболее всего подходит на роль президента страны?

Политик	Кол-во респондентов	Доля, %
Майя Санду	203	60,6
Андрей Нэстасе	38	11,34
Дорин Киртоакэ	25	7,46
Анна Гуцу	13	3,88
Анатолий Шалару	8	2,39
Юрие Лянкэ	4	1,19
Михай Гимпу	4	1,19
Ренато Усагый	3	0,9
Влад Плахотнюк	3	0,9
Ион Стурза	3	0,9
Серджиу Мокану	2	0,6
Владимир Воронин	2	0,6
Игорь Додон	2	0,6
Мариан Лупу	1	0,3
Неопределившиеся	6	1,79
Никто	7	2,09

Несмотря на то, что прорумынские силы не обладают серьезным политическим весом и влиянием в Молдове, идея «унире» вряд ли окажется на периферии общественного внимания в ближайшие годы. Как бы ни парадоксально это звучало, но жизнеспособность унионизма выгодна всем. С его помощью правящая власть стремится отвлечь внимание общественности от социальных и экономических проблем. Молдавские государственники, борясь с ним, укрепляют свои позиции. А внепарламентская оппозиция, апеллируя к теме объединения с Румынией, зарабатывает политические очки.

Между тем рост сторонников унионизма является наглядным примером того, что часть общества настолько разочаровалась в институтах государственной власти, что готова делегировать решение внутренних проблем соседней стране.

Примечания

- 1 См.: Шоларь Е. Две истории одного унионизма : как идея объединения Молдовы и Румынии стала модной. URL: <http://newsmaker.md/rus/novosti/dve-istorii-odnogo-unionizma-kak-ideya-objedineniya-moldovy-i-rumynii-stala-modnoy-23575> (дата обращения: 06.08.2017).
- 2 Там же.
- 3 См.: Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2014. С. 314.
- 4 См.: Ожог И. А., Шаров И. М. Краткий курс лекций по истории румын. Кишинев, 1997. С. 177–178.
- 5 См.: Жирохов М. Семена распада : войны и конфликты на территории бывшего СССР. СПб., 2012. С. 77.
- 6 См.: Досрочные парламентские выборы в Молдове 27 февраля 1994 года. URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/beseku-predlagal-voroninu-vstupitj-v-es-objediniivshisj-s-ruminiej> (дата обращения: 08.08.2017).
- 7 См.: Бэсеску предлагал Воронину вступить в ЕС, объединившись с Румынией. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1994/> (дата обращения: 08.08.2017).
- 8 См.: Выборы генерального примара муниципия Кишинэу 3 и 17 июня 2007 года. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/chisinau/2007/> (дата обращения: 08.08.2017).
- 9 См.: Боцан И. Политический кризис может продолжиться. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/monitoring/politics/comments/post-electoral-fervor/> (дата обращения: 08.08.2017).
- 10 См.: Гурская З. Молдавия : Объединение с Румынией как путь в ЕС? URL: <http://inosmi.ru/politic/20160404/235972635.html> (дата обращения: 08.08.2017).
- 11 См.: Шалару мстит Гимпу : Экс-министр обороны рассказал о темных делишках главного либерала Молдовы. URL: <https://www.kp.md/daily/26684.7/3707301/> (дата обращения: 08.08.2017).
- 12 См.: Майя Санду признала наличие у нее гражданства Румынии. URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/majya-sandu-priznala-nalichie-u-nee-grazhdanstva-ruminii> (дата обращения: 08.08.2017).
- 13 См.: Андрей Нэстасе назвал истинных унионистов своей команды. URL: <https://point.md/ro/noutati/politica/andrej-nestase-nazval-istinnih-unionistov-svoej-komandi> (дата обращения: 08.08.2017).

Образец для цитирования:

Тютюнников А. Л. Унионизм в Молдове: специфика и перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 486–488. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-486-488.

Cite this article as:

Tiutiunnikov A. L. Unionism in Moldova: Specificity and Prospects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 486–488 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-486-488.